

The illustration depicts a woman in profile, seated and reading a book. She is wearing a voluminous, ruffled blue dress with a white lace collar and dark earrings. She is positioned in front of a window with a dark frame, through which a large white house with a porch is visible. The room's wall is covered in floral wallpaper with a purple and green pattern. The overall style is that of a classic oil painting.

Энтони Троллоп

ИСТОРИИ СКВОЗЬ ВЕКА

ДОМИК
В ОЛМИНГТОНЕ

РИПОЛ КЛАССИК

Барсетширские хроники

Энтони Троллоп
Домик в Оллингтоне

«РИПОЛ Классик»

1864

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

Троллоп Э.

Домик в Оллингтоне / Э. Троллоп — «РИПОЛ Классик»,
1864 — (Барсетширские хроники)

ISBN 978-5-38-614493-7

«Домик в Оллингтоне» — настоящий викторианский роман, написанный Энтони Троллопом, одним из самых читаемых и талантливых английских писателей. Роман, в котором сочетаются трезвость, реализм, остроумная сатира, тонкий психологизм и увлекательность сюжета. Молодой мистер Кросби мечтает связать свою судьбу с юной и прекрасной Лили Дель, но стесненные обстоятельства мешают их союзу. Кросби предстоит решить, что для него важнее: любовь или обеспеченное будущее? А может быть, и вовсе свобода?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

ISBN 978-5-38-614493-7

© Троллоп Э., 1864
© РИПОЛ Классик, 1864

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	20
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	40
Глава VII	48
Глава VIII	56
Глава IX	61
Глава X	70
Глава XI	76
Глава XII	81
Глава XIII	91
Глава XIV	98
Глава XV	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Энтони Треллоп

Домик в Оллингтоне

Перевод с английского журнала «Современникъ», 1863–1864

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Глава I ОЛЛИНГТОНСКИЙ СКВАЙР

Само собою разумеется, что в Оллингтоне был и Большой дом. Иначе, каким же образом мог существовать там Малый дом? Наш рассказ, как и должно ожидать от его названия, ближе всего относится к лицам, которые жили в более скромном из этих двух обиталищ, но, впрочем, он будет иметь тесную связь и с жившими в здании, носившем более громкое название, а потому, мне кажется, необходимо сказать здесь, при самом начале, несколько слов о Большом доме и его владельце.

Оллингтонские сквайры были сквайрами Оллингтона с тех пор, как сквайры, такие как теперь, сделались впервые известными в Англии. В фамилии Делей скипетр сквайра переходил от отца к сыну, от дяди к племяннику и, в одном случае, от второго кузена ко второму кузену, акры земли оставались неизменными, увеличиваясь в ценности и не уменьшаясь в числе, несмотря на то что они не связывались законом о заповедных имениях и не находились под защитой особенного благоразумия и мудрости. Поместье Деля оллингтонского было смежно с оллингтонским приходом в течение нескольких столетий, и хотя, как я уже сказал, раса сквайров вовсе не обладала особенным благоразумием и, быть может, не руководилась в житейских путях непогрешительными правилами, но все же она так крепко держалась священного закона, что ни один акр имения не был выпущен из рук существовавшего сквайра. Напротив, иногда делались попытки, хотя и бесплодные, увеличить территорию, как это было при Ките Деле, отце Кристофера Деля, который между действующими лицами нашей драмы явится владельческим сквайром Оллингтона. Старик Кит Дель, женившись на деньгах, откупил заложенные фермы – клочок земли в одном месте, клочок в другом, – много говоря при этих случаях о политическом влиянии партии добрых старых ториев. Но эти фермы и эти клочки земли снова перешли в другие руки, не дождавшись нашего времени. Ничем особенным они не были привязаны к тому или другому владельцу. Когда старик Кит нашелся вынужденным покориться натискам славного 19-го драгунского полка, в котором второй сын его сделал для себя карьеру, он увидел, что гораздо легче продавать, чем покупать; делая это, он был убежден, однако же, что продавал свою собственность, а отнюдь не наследственное достояние Делей. С его кончиною кончился и последний остаток этих покупок. Семейные дела требовали сбережений, а Кристофер Дель требовал наличных денег. Скупленные фермы исчезли, как исчезали и прежде подобного рода новые покупки, старинное же наследственное достояние оставалось по-прежнему неприкосновенным.

Это достояние составляло частицу священных верований Делей, поэтому, видя, что сохранение таких верований оставалось неизменным, и зная, что огонь древних весталок никогда не потухал на очаге, я не смею сказать, что Дели совершали земное свое поприще без высоких правил. Этих верований крепко держались все Дели, и новый наследник, вступив во владение, не понес на себе излишнего бремени, кроме разве того, которое уже тяготило его еще до принятия наследства. И все-таки о передаче имения в чужие руки не было и помину. Идея подобной передачи не согласовалась с особенностями воззрения Делей на вещи. К числу верований Делей принадлежало и то, что хотя каждый сквайр и имел полное право промотать акры Оллингтона, но он должен был воздерживаться от подобного мотовства. Я помню, мне случилось обедать в одном доме, слава и счастье которого, по преданию, зависела от целостности одного заповедного бокала. Все гости знали об этом предании. Все знали, что с разбитием стеклянной посуды разбивалось вдребезги счастье целого семейства. Несмотря на то, меня, как и прочих гостей, все-таки заставляли пить из этого рокового бокала. Рыцарский дух хозяина дома не допускал, чтобы его судьба находилась под защиту такого хрупкого замка. То же

самое было и с оллингтонскими Делями. В их понятиях, передача имени в чужие руки была весьма хрупким замком, старинное рыцарство их дома не позволяло им прибегать к защите подобного рода.

Я сказал весьма поверхностно о славе и подвигах этой фамилии, впрочем, слава их не была блистательна, а подвиги не были замечательны. В Оллингтоне оллингтонский Дель постоянно слыл за властелина. В Гествике, соседнем ярмарочном городке, он был великим человеком – человеком, которого по субботам можно было видеть на торговой площади и который постановлял цены на привозный хлеб и пригонный скот, несмотря на то что были люди, которые лучше его знали цену и хлеба, и скота. В Хамершаме, тоже соседнем городке, куда по третям года собирались окружные судьи для производства уголовных следствий, оллингтонский Дель пользовался вообще некоторой репутацией, как постоянный присяжный судья той провинции и как человек, который доблестно шел своей дорогой. Но даже в Хамершаме слава Делей блекла по временам, потому что личности их не всегда выставлялись рельефно в отдаленных пределах маленькой провинции и потому еще, что своим знанием юриспруденции они не заслужили большой известности в большом зале судебных собраний. За пределы Хамершама слава их не распространялась.

Это были люди, выделанные по одному и тому же образцу, каждый из них наследовал от отца те же добродетели и те же пороки, – люди, которые жили точно так же, как жили их отцы, никто из них не был отвлекаем невидимым магнетизмом с того жизненного пути, по которому ползли предшествовавшие Дели, магнетизм этот не в силах был приподнять кого-нибудь из Делей до одного уровня с веком, в котором они жили, он только тянул их вперед по тому же направлению, по которому плелись нога за ногу предки. Это были люди упрямые, слишком много веровавшие в самих себя, надеявшиеся на себя, согласно своим идеям о законности суровые к своим арендаторам, но не считавшиеся суровыми даже со стороны самих арендаторов, потому что правила, которым следовали оллингтонские сквайры, не изменялись с самого начала, деспоты в отношении к своим женам и детям, но деспоты в известных границах, так что ни одна еще мистрис Дель не бежала из-под кровли своего властелина и ни разу между отцами и сыновьями не было вопиющего скандала, точные в своих понятиях о денежных делах, вполне убежденные, что они должны получать весьма много, а отдавать весьма мало, хотя в то же время и не считались скрягами, потому что были сострадательны к бедствиям ближнего – творили милостыню и приносили лепту в сокровищницы местных благотворительных учреждений. Они были ревностными поборниками церкви, они благосклонно принимали в свой приход таких новых священников, которых от времени до времени назначал Кембриджский университет, пользуясь правом делать назначение по своему усмотрению, так как приход этот служил для него в некотором роде оброчною статьею дохода, несмотря на то Дели, однако же, питали какую-то невыразимую вражду к своему священнику, так что отношения между этими двумя семействами, светским и духовным, редко бывали вполне приятные.

Таковы были оллингтонские Дели со времен незапамятных, таков был бы и Кристофер Дель нашего времени, если бы в молодости не приключилось с ним двух несчастий. Он влюбился в одну леди, которая решительно отказала ему в руке, и вследствие этого он на всю жизнь остался холостым. Второе выпавшее на его долю несчастье относилось до предполагаемого богатства его родителя. При вступлении в наследственные права он вообразил себя богаче всех оллингтонских Делей и, держась этой идеи, питал надежду заседать в парламенте в качестве представителя своей провинции. С целью достичь такой почести, он позволил жителям Хамершама и Гествика осуждать политику своей старой фамилии и объявил себя либералом. Он никогда не записывался в избирательный список и никогда не домогался парламентского места, зато всячески старался показать себя приверженцем либеральной партии, но и эта уловка ему не удалась: все окружавшие знали очень хорошо, что Кристофер Дель в душе своей такой же закоснелый консерватор, как и всякий из его предков, это обстоятельство делало его

кислым и молчаливым там, где дело касалось политики, и некоторым образом отчуждало его от собратий, других сквайров.

В других отношениях Кристофер Дель вообще стоял выше среднего уровня всех членов своей фамилии. Полюбив кого-нибудь однажды, он любил искренно и горячо. С своими врагами хотя и обращался дурно, но не выходил из законов приличия. Он был аккуратен и скуп в небольших денежных расчетах, а в некоторых семейных делах, как мы увидим впоследствии, в нем проявлялась необыкновенная щедрость. Он старался исполнять свой долг сообразно с своим взглядом на вещи и успел отучить себя от различных наклонностей и прихотей, с которыми свyksя в ранние дни своих больших, но несбывшихся ожиданий. В своей безответной любви он был вполне искренен и благороден. Кристофер Дель полюбил женщину, и, когда узнал, что эта женщина не сочувствует его суровой, сухой, безотрадной любви, он не в состоянии был привязаться душой к другому существу. Это обстоятельство случилось как раз в период смерти его отца, и он старался забыть свое горе в вихре политических стремлений, конец которого мы уже видели. Постоянным, прямым и искренним человеком был наш Кристофер Дель, тощим и сухим в своих душевных качествах, далеко не способным оценить прекрасные качества вполне достойного человека, далеко не одаренным силою прозрения всего, что было выше его, но при всем том вполне достойным уважения за путь долга, который он назначил себе и которому старался следовать. Наконец, кроме всего сказанного, мистер Кристофер Дель был джентльмен.

Таков был оллингтонский сквайр, единственный постоянный обитатель Большого дома. По наружности это был обыкновенный, худощавый мужчина, с коротко остриженными волосами и густыми седыми бровями. Бороды у него не было, он носил, впрочем, небольшие бакенбарды, узенькой полоской спускавшиеся от нижних оконечностей его ушей. Его глаза были остры и выразительны, нос – прямой и хорошо сформированный, таков же был и его подбородок. Но благородные черты лица его обезображивались до некоторой степени посредственным ртом с тонкими губами, его высокий и узкий лоб хотя и заставлял вас принимать мистера Деля за идиота, но в то же время не отнимал у вас возможности составить о нем идею как о человеке с большими дарованиями или обширными способностями. Ростом он был около пяти футов десяти дюймов, и в период нашего рассказа ему можно было дать и около шестидесяти, и около восьмидесяти лет. Впрочем, время обходилось с ним весьма благосклонно, в нем обнаруживалось весьма немного признаков старости. Таким был по наружности Кристофер Дель, эсквайр – оллингтонский сквайр, – полный господин трех тысяч фунтов стерлингов годового дохода, получаемых исключительно с его поместья.

Теперь я поговорю о Большом оллингтонском доме. В действительности дом этот был не очень велик, вокруг него не было великолепного парка, который придает особенную грандиозность обиталищам наших зажиточнейших землевладельцев. Впрочем, надо сказать, что дом сам по себе имел некоторую прелесть. Он был построен в дни Стюартов, в том архитектурном стиле, которому мы даем название стиля Тюдоров. На лицевом его фасаде показывались три остроконечные кровли, или три шпиля, в промежутках между кровлями тянулись тонкие, высокие дымовые трубы, так что оконечности их значительно возвышались еще над тремя шпилями, о которых я упомянул. Мне кажется, что красота дома много зависела от этих двух труб, – от них и еще от готических окон, которыми испещрен был лицевой фасад. Парадный вход с выдающимся вперед подъездом, само собою разумеется, ни под каким видом не мог находиться посередине фасада. При входе в главную дверь, направо от вас, красовалось одно окно, налево – три. Над ними тянулась линия пяти окон, из коих одно приходилось прямо над подъездом. Нам всем знакомо прекрасное старинное окно Тюдоров, с его каменной колонкой посередине, с каменными сводами, пересекающими эту колонку ближе к его вершине, чем к основанию. Из всех окон, придуманных архитектурой, едва ли найдется другое более приятное на вид. А здесь, в Оллингтоне, мне кажется, красота их увеличивалась еще и тем, что они не

имели однообразной формы. Некоторые окна сравнительно были очень широки, другие вновь узки. К числу первых принадлежали окна нижнего этажа по ту и по другую сторону парадных дверей. Прочие не отличались особенною правильностью – в одном месте широкое окно, в другом – узкое, – но общий вид от этого ничего не терял, напротив, едва ли можно было придумать что-нибудь лучше. Наконец, в трех шпилях находились три подобных отверстия. Они так же разделялись посредине колонками, так что в архитектуре лицевого фасада дома было много общего.

Вокруг дома были три хорошеньких сада, не очень больших, но достойных замечаний по своей изысканной чистоте, по своим широким песчаным дорожкам, наконец, по одной аллее перед лицевым фасадом дома, такой широкой, что правильнее было бы назвать ее террасой. Впрочем, эта аллея хотя и тянулась перед лицевым фасадом, но начиналась от него в некотором расстоянии, чтобы дать место экипажам для подъезда к парадному входу. Оллингтонские Дели всегда были садовниками, и их сад считался во всем округе более замечательным, чем все другие принадлежности господского дома. Внешняя сторона садов не имела никаких особенных претензий, которые бы придавали величие оллингтонскому Дому. Прилежавшие к садам пастбища были ни более ни менее как прекрасные луга, с обилием растущих деревьев. В Оллингтоне не было оленьего парка, оллингтонские леса хотя и были весьма известны, но они не составляли целого, которого бы парк был частью. Они лежали в стороне, закрытые от глаз, на целую милю от заднего фасада дома, тем не менее, однако, это способствовало размножению лисиц.

И опять, дом стоял слишком близко к дороге, чтобы сохранить за собой право на грандиозность, если только можно допустить, что кто-либо из оллингтонских сквайров имел притязания на эту грандиозность. Впрочем, мне кажется, что наши идеи о сельской красоте и с тем вместе грандиозности значительно изменились со времени постройки старинных загородных замков и барских домов. Быть вблизи деревни, для того собственно, чтобы некоторым образом доставлять ей комфорт, защиту и покровительство, а может статься, и для того, чтобы доставлять подобным соседством удовольствие своим домашним и друзьям, казалось, служило главною целью джентльмена старого времени, когда он строил загородный дом. В настоящее же время уединение в центре обширного парка считается самым удобным и приятным местоположением, теперь принято за правило, чтобы из окон господского дома не показывался ни один коттедж селянина, кроме разве утонувшего в зелени коттеджа садовника. В настоящее время если деревню нельзя уничтожить совсем, то, по крайней мере, она не должна бросаться в глаза. Унылый звук церковных колоколов производит неприятное впечатление, и дорога, по которой свободно может проехать всякий простолюдин, должна находиться в стороне. Не так думал об этом один из оллингтонских Делей, когда строил свой дом. Тут стояла и церковь, и деревня, ему нравилось подобное соседство – ему приятно было находиться в близком расстоянии и от Бога, и от ближних.

Проезжая по дороге от Гествика в деревню, вы видите в левой стороне, довольно близко от себя, церковь, а господского дома все еще не видеть. Но когда вы приблизитесь к церкви, когда поравняетесь с воротами церковной ограды, перед вами откроется во всей красоте Большой оллингтонский дом. Быть может, это самое лучшее место, с которого можно любоваться картиной оллингтонского Дома. Неширокая просека или аллея и по ней обыкновенная дорога ведут к воротам церковной ограды, воротам, которые вместе с тем служат и входом в поместье мистера Деля. Тут нет сторожевого домика, ворота стоят открытыми, и открытыми почти постоянно, за исключением только случаев, когда потребуют закрытия их пасущиеся за ними стада. Впрочем, тут есть еще другие, внутренние ворота, отделяющие пастбища от сада, и за ними, пожалуй, третьи, ярдов на тридцать от вторых, через которые вы входите на двор, принадлежащий к ферме. Быть может, такое близкое соседство фермы составляет недостаток Большого дома, но надобно сказать, что конюшни, хлева, сеновалы, немытые телеги и лениво

передвигающаяся с места на место домашняя скотина закрыты от дома, как ширмой, рядом каштановых деревьев, с красотой которых, когда они в ранние майские дни покроются всею роскошью цвета, не может сравниться никакой другой ряд каштанов во всей Англии. Если бы кто-нибудь сказал оллингтонскому Делю – нынешнему или прежнему, – что поместье его нуждается в лесе, он вместо ответа указал бы, с смешанным чувством гордости и неудовольствия, на эту ширму, на этот каштановый пояс.

О церкви я намерен сказать как можно меньше. Это была церковь, каких в Англии найдутся тысячи – высокая, неудобная, с трудом поддерживаемая в должном порядке, преждевременно пропитанная сыростью, а между тем, странным покажется, живописная и правильная в архитектурном отношении. Она имела трапезу, приделы и паперть, расположенные в виде креста, хотя приделы или крылья и были слишком коротки, так что казались обрезанными и приставленными к туловищу руками, имела отдельный алтарь, большую четырехугольную невысокую башню и шпиль в виде опрокинутого колокола, покрытый свинцом и крайне неправильных размеров. Кому не знакомы низенькая паперть, высокое готическое окно, приделы с плоскими кровлями и почтенная, старая, седая башня таких церквей, как эта? Что касается ее внутренности, то она имела мрачный вид, была загромождена неуклюжими скамейками с высокими спинками, в конце церкви находились хоры, на которых собирались ребятишки и где два ветхих музыканта надували свои хриплые фаготы, все здание покровилось и, казалось, готово было рушиться, кафедра представляла собою неуклюжее сооружение, почти упиравшееся в самый потолок, так что пюпитр или налож на кафедре едва позволял священнику свободно держать голову от болтавшихся кистей навешенного над ним балдахина. Нисколько не удобнее устроено было в кафедре и место для клирика, вообще все было сделано не так, как бы хотелось видеть. Несмотря на то, церковь была как церковь, и я едва ли могу сказать больше в похвалу всех новейших зданий, воздвигнутых в мое время на прославление Бога. Да, это была действительно церковь, и тем более что, проходя посредине ее между скамейками, вы ступали на медные плиты, которые достойным образом обозначали места вечного упокоения отошедших от мира сего Делей.

За церковью, между ней и деревней, стоял пасторский дом. Небольшой сад, окружавший его, простирался от кладбища до самых задворков деревенских коттеджей. Это был прехорошенький домик на привлекательной местности, построенный заново тридцать лет тому назад, он вполне удовлетворял идеям о комфорте богатого духовного сословия, из которого всегда назначались священники в оллингтонский приход. Само собою разумеется, что в течение нашего пребывания в Оллингтоне нам придется от времени до времени заглядывать и в пасторский дом, а потому теперь я не вижу необходимости распространяться о его комфорте и удобствах.

По мере того как вы подвигаетесь вперед по аллее, ведущей к пасторскому дому, к церкви и к господскому дому, большая дорога быстро опускается вниз к небольшому ручью, который бежит мимо деревни. Направо, при спуске, вы увидите гостиницу под вывескою «Красный лев», другого более замечательного здания, которое бы обращало на себя внимание, вы не встретите. Внизу ската, подле самого ручья, стоит почтовая контора, содержащая, конечно, самой сварливой старушонкой в этой местности. Здесь дорога пересекается ручьем, и здесь же для удобства пешеходов устроен узенький деревянный мостик. Но до перехода через ручей вы увидите в левой стороне поперечную дорогу, идущую совершенно в параллель с аллеей господского дома. Здесь, на том месте, где улица поднимается на пригорок, стоят самые лучшие дома деревни. Здесь живет булочник и та почтенная женщина, мистрис Фромэдж, которая торгует лентами, игрушками, мылом, соломенными шляпами и множеством других вещей и вещиц, пересчитывать которые было бы и бесполезно, и слишком долго. Здесь также живет аптекарь, благоговение к которому, как здешнего, так и соседних приходов, возвысило его на степень доктора, наконец, здесь же, в миниатюрном, но премиленьком коттедже, живет мистрис Харп,

вдова прежнего священника, – живет на заключенных с сквайром условиях, которые, к сожалению, я должен сказать, не так дружелюбны или гуманны, как бы им следовало быть. За скромной резиденцией этой леди оллингтонская улица, ибо так названа здесь дорога, вдруг круто поворачивает к церкви, и на самом повороте вы упираетесь в невысокий железный забор с воротами и закрытым коридором, ведущим к передним дверям дома. При заключении этой скучной главы я скажу только одно, что это-то и есть оллингтонский Малый дом. Оллингтонская улица, как я уже сказал, круто поворачивает в этом месте к церкви и там оканчивается у белых ворот, служащих входом на кладбище с другой стороны.

О Большом оллингтонском доме, о сквайре и деревне я сказал все необходимое. О Малом доме я поговорю отдельно в одной из дальнейших глав.

Глава II

ДВЕ ОЛЛИНГТОНСКИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

– Но мистер Кросби ни больше ни меньше как клерк.

Этот саркастический приговор произнесен был мисс Лилианой Дель в разговоре с сестрой ее Изабеллой и относился к джентльмену, с которым на этих страницах мы много будем иметь дела. Я не говорю, что мистер Кросби будет нашим героем, предвидя, что эта роль в настоящей драме, как говорится, перервется. Все возвышенное и прекрасное в нашей драме будет разжижено и распределено в весьма умеренных дозах между двумя или более, по всей вероятности, между тремя или четырьмя молодыми джентльменами, но ни одному из них не представится привилегии быть героем.

– Не знаю, Лили, что ты хочешь этим сказать: ни больше ни меньше как клерк. Мистер Фанфарон тоже ни больше ни меньше как адвокат, а мистер Бойс – ни больше ни меньше как священник.

Мистер Бойс был оллингтонский священник, а мистер Фанфарон – адвокат, который во время объездов для уголовных следствий заезжал в Оллингтон.

– Ты, пожалуй, еще скажешь, что и лорд Дегест ни больше ни меньше как граф.

– И скажу: действительно, ни больше ни меньше как граф. Конечно, этого никто бы не сказал, если бы он, кроме откармливания быков, занимался чем-нибудь другим. Ведь ты понимаешь, что я хотела сказать, назвав мистера Кросби клерком? Небольшая, кажется, важность получить коронную должность, а между тем мистер Кросби ужасно как важничает.

– Однако ты не можешь сказать, что мистер Кросби то же самое, что и Джон Имс, – возразила Белл, которая, судя по тону ее голоса, вовсе не намерена была унижать достоинства мистера Кросби.

Джон Имс был молодой джентльмен из Гествика, получивший, года два тому назад, место в управлении сбора податей, с жалованьем по восьмидесяти фунтов стерлингов в год.

– Джон Имс тоже обыкновенный клерк, – сказала Лили. – А мистер Кросби... Ну, скажи мне, Белл, что же такое мистер Кросби, если не обыкновенный писец? Разумеется, он старше Джона Имса, и, как раньше его поступивший на службу, надо думать, что и жалованья получает больше восьмидесяти фунтов.

– Я не посвящена в тайны мистера Кросби. Знаю только, что он служит в генеральной комиссии, и полагаю, что там один только он и управляет делами. Я слышала, как Бернارد говорил, что у него под рукой до семи молодых людей и что... Впрочем, я не знаю, чем он занимается в своей комиссии.

– Хочешь, я скажу тебе, что такое мистер Кросби? Мистер Кросби пустой, надменный человек.

И Лилиан Дель сказала правду: мистер Кросби был человек пустой и надменный.

Здесь, мне кажется, у места объяснить, что такое был Бернارد и кто был мистер Кросби. Капитан Бернارد Дель служил в корпусе инженеров, был первый кузен двух разговаривавших сестер, племянник и предполагаемый наследник сквайра. Его отец, полковник Дель, и его мать, леди Фанни Дель, еще были в живых и обретались в Торки; это была бесполезная, больная, беззаботная чета, сделавшаяся мертвою для всего мира за пределами торкийских карточных столов. Это был тот самый Дель, который составил себе карьеру в 19-м драгунском полку, и составил ее тем, что увез дочь совершенно обнищавшего графа, лорда Дегеста. После такого подвига обстоятельства как-то не складывались в его пользу, не доставляли ему случая выказать себя, сделаться человеком замечательным, он постепенно начал терять к себе уважение общества, а надобно сказать, что общество до его побега с леди Фанни уважало его, теперь

же, при переходе лет его в преклонное состояние, он и леди Фанни только и были известны как постоянные члены карточных столов на торкийских минеральных водах. Его старший брат все еще был здоровый мужчина, ходил, как говорится, в толстых башмаках и крепко держался в седле, но полковник, не имея ничего для поддержания бодрости, ничего, кроме графского титула жены, преждевременно раскис и заснул в своих туфлях. От него и от леди Фанни Бернард Дель был единственным сыном. У них были и дочери, одни померли, другие вышли замуж, и при них осталась одна, тоже для того, чтобы скитаться между карточными столами. В последнее время Бернард виделся с своими родителями довольно редко, не чаще того, сколько требовал сыновний долг и надлежащее выполнение пятой заповеди. Он тоже делал для себя карьеру: имел поручения от начальства и был известен всем своим товарищам как племянник графа и наследник имения, дающего три тысячи фунтов стерлингов годового дохода. Если к этому я прибавлю, что Бернард Дель вовсе не имел расположения отклонять от себя какое либо из этих преимуществ, то отнюдь ничего не будет сказано в его порицание. Преимущество быть наследником хорошего имения так очевидно, что никто не решится отклонить его от себя, не пожелает кому-нибудь другому сделать то же самое. Деньги в кармане или ожидание получить деньги заставляют человека совсем иначе держать голову, придают какую-то уверенность его голосу, уверенность в самом себе, которые много помогают ему на пути жизни – разумеется, в таком только случае, если человек воспользуется ими, а не употребит их во зло. Бернард Дель не любил говорить часто о своем дяде-графе. Он знал, что дядя его – граф, и был уверен, что факт этот был известен всем. Он знал, что в противном случае его не выбрали бы членом Бофорта или того самого аристократического небольшого клуба, который назывался клубом Себрэйт. Когда дело касалось благородства крови, он не ссыался на свое собственное происхождение, но умел говорить как человек, о котором знал весь свет, и знал, какое место должен занимать он в обществе, благодаря своему происхождению. Значит, он благоразумно пользовался своим преимуществом и не употреблял его во зло. По должности своей он был одинаково счастлив. С помощью трудолюбия, небольшого, но деятельного ума и с помощью покровительства он мало-помалу подвигался вперед, становился более и более заметным и успел наконец прослыть за талантливого человека. Имя его сделалось известным между учеными экспериментаторами – не как имя человека, который сам изобрел небывалую пушку или орудие, противодействующее пушке, но как человека, понимающего пушечное дело и совершенно способного судить и рядить о пушках, изобретенных другими, – человека, который честно будет производить опыты над изобретением и поставлять ему противодействующую силу. В этом роде состояли все занятия капитана Деля около Лондона, его не посылали в Новую Шотландию строить казармы или в Пунджаб – проводить дороги.

Капитан Бернард был мужчина невысокого роста, не выше своего дяди, но в лице имел с ним большое сходство. У него были те же глаза, тот же нос, подбородок и даже рот, но лоб его был лучше, не так высок, менее выдавался вперед и как-то особенно лучше сформирован над бровями. Сверх того, он носил усы, прикрывавшие его тонкие губы. Вообще говоря, он был красивый мужчина и, как я уже заметил, имел вид самоуверенный, который уже сам по себе придавал молодому человеку особенную грацию.

В настоящее время Бернард находился в доме своего дяди, пользуясь пленительной теплотой летнего сезона – июль месяц еще далеко не был на исходе, душевный друг его, Адольф Кросби, – был ли он или не был обыкновенным клерком, об этом я предоставляю моим читателям составить свои собственные мнения, – гостил вместе с ним у сквайра. С своей стороны я намерен сказать, что Адольф Кросби был более чем клерк или писец, и я не думаю, чтобы его назвал кто-нибудь писцом, даже Лили Дель, если бы он сам не дал ей повода считать его пустым, надменным человеком. Во-первых, человек, делаясь надменным, не может во время этого процесса оставаться обыкновенным писцом. Во-вторых, капитан Дель не захотел бы быть Дамоном какого-нибудь Пифия, о котором можно сказать, что он действительно обыкновен-

ный писец. И опять, никакой писец не мог бы попасть в клуб Бофорт или Себрэйт. Это может служить сильным опровержением первого предположения со стороны мисс Лилианы Дель и весьма сильным опровержением высказанного ею последнего мнения. Правда, мистер Кросби действительно был надменен, правда и то, что он был клерком в генеральной комиссии. Но надо заметить, что генеральная комиссия находилась в Вайтмолле, между тем как бедный Джон Имс должен был ежедневно путешествовать из отдаленной части Лондона на Россель-сквэр, в грязную контору в Соммерсет-гаузе. Адольф Кросби, еще в молодости был частным секретарем, где достиг некоторого авторитета и впоследствии получил место старшего чиновника, приносившее ему, кроме семисот фунтов стерлингов жалованья, еще высокое, заметное положение между помощниками секретарей и другими чиновниками, а это, даже с официальной точки зрения, что-нибудь да значило. У Адольфа Кросби были еще и другие отличия. Мало того что он был в дружеских отношениях с помощниками секретарей и имел в Вайтголле особую комнату с креслом, он пользовался правом стоять на ковре в клубе Себрэйт и ораторствовать, между тем как богатые люди слушали его, – не только богатые люди, но и люди, имевшие при фамилиях своих звучные приставки! Отличия Адольфа Кросби состояли более чем в приготовлении дельных докладов по генеральной комиссии. Он расположился перед воротами города моды и взял их штурмом, или, проще говоря, подобрал ключи к замкам этих ворот и прошел сквозь них. На пути светской жизни, в фешенебельном обществе, Адольф Кросби имел важное значение. Если житель Вест-энда, самой фешенебельной части Лондона, не знал, кто такой Адольф Кросби, значит, он ровно ничего не знал. Я не говорю, что Адольф был в близких отношениях с многими знатными личностями, но все же эти личности не гнушались знакомством с Адольфом Кросби, и его нередко можно было встретить в гостиных, а на парадных лестницах министров и подавно.

Лилиана Дель, – милая Лили Дель, – предупреждаю читателя, что она действительно премилое создание, и что история моя покажется ему пустою, если он не полюбит Лили Дель, – Лилиана Дель сделала открытие, что мистер Кросби – надменный человек. Но по долгу правдивого человека я обязан сказать, что он не принял бы этого факта за оскорбление, сделавшись надменным, он не сделался еще совсем дурным человеком. И вот еще что: нельзя же в самом деле ожидать от человека, которого ласкали и лелеяли в клубе Себрэйт, чтобы он держал себя в оллингтонской гостиной, как Джон Имс, которого никто не баловал и не лелеял, кроме разве матери. Наконец, эта частица нашего героя имела еще другие преимущества, кроме тех, которыми он пользовался в модном свете. Адольф Кросби был высокого роста, видный мужчина, с приятными и выразительными глазами, – мужчина, на которого бы вы обратили внимание, в какой бы гостиной ни встретились с ним, он умел поговорить, и в его разговоре было что-то привлекательное. Это не был денди или бабочка, которая сформировалась под влиянием солнечной теплоты и получила привлекательную пестроту в своих крылышках от солнечных лучей. Кросби имел свой собственный взгляд на вещи – на политику, на религию, на филантропические тенденции века, он это читал, и это тем более способствовало ему для верного выражения своих мнений. Быть может, он выиграл бы гораздо больше, не поступив так рано в Вайтгол. В нем было что-то особенное, что могло бы доставить ему лучший кусок хлеба при другой профессии.

Впрочем, в этом отношении судьба Адольфа Кросби была решена, и он примирился с ней, несмотря на ее неумолимость. На его долю выпало небольшое наследство, доставлявшее около ста фунтов годового дохода, а вдобавок к этому он получал жалованье, и больше ничего. На эти деньги он жил в Лондоне холостяком, наслаждался всеми удовольствиями, какие Лондон мог предоставить ему как человеку с умеренными, но почти независимыми средствами и ожидающему в будущем неприхотливой роскоши: ему хотелось иметь жену, собственный дом или конюшню, полную лошадей. Те удовольствия и даже прелести жизни, которыми он наслаждался, делали бы его в глазах Имса, если бы он узнал о них, баснословным богачом.

Квартира мистера Кросби в улице Маунт была элегантна во всех отношениях. В течение трех месяцев лондонского сезона Кросби считал себя полным господином очень миленькой кареты. Он щегольски одевался, всегда прилично и со вкусом. В клубах умел держать себя наравне с людьми, получавшими вдесятеро больше дохода. Кросби не был женат. В душе он сознавался, что ему нельзя жениться на бедной невесте, как сознавался и в том, что ему не хотелось бы жениться на деньгах, и поэтому вопрос о женитьбе, о счастье супружеской жизни был отодвинут у него на задний план. Но... но в настоящую минуту мы не станем вдаваться с излишним любопытством в частную жизнь и обстоятельства нашего нового друга Адольфа Кросби.

После приговора, произнесенного над ним Лилианой, две сестры оставались на некоторое время безмолвными. Белл, как кажется, немного рассердилась на Лили. Редко случалось, чтобы она позволяла себе расточать похвалы какому-нибудь джентльмену, а теперь, когда она сказала несколько слов в пользу мистера Кросби, сестра упрекнула ее за это невольное увлечение, Лили что-то рисовала и через минуту или две совсем забыла о мистере Кросби, но Белл продолжала считать себя обиженной и не замедлила вернуться к прерванному разговору:

– Мне, Лили, неприятно слышать от тебя такие слова.

– Какие слова?

– Которыми ты назвала друга Бернарда.

– Ах, да! Я назвала его пустым, надменным человеком. А мне, так кажется, чрезвычайно приятно употреблять смешные слова там, где дело идет о смешном. Только я боюсь, что это может расстроить твои нервы. Неужели же при каждом разговоре нам должно обращаться к лексикону и отыскивать в нем приличные выражения, согласишься, что это очень скучно, да и медленно.

– Все же, мне кажется, нехорошо отзываться так о джентльмене.

– В самом деле? Я и хотела бы выразаться лучше, да что же делать, если не умею.

«Если не умею!» Для взрослой девицы подобного неумения не должно существовать. Дело другое, если бы природа и мать не наделили ее этой способностью. Но я думаю, что в этом отношении природа и мать были довольно щедры для Лилианы Дель.

– Во всяком случае, мистер Кросби джентльмен и умеет показать себя приятным. Вот мое мнение. Мама говорила о нем гораздо больше, чем я.

– Мистер Кросби – Аполлон, а я всегда смотрю на Аполлона как на величайшего... Я не досказываю, потому что Аполлон был...

В этот момент, когда имя бога красоты оставалось еще на губах Лили, в открытом окне гостиной промелькнула тень, и вслед за тем вошел Бернард, сопровождаемый мистером Кросби.

– Кто здесь говорит об Аполлоне? – спросил капитан Дель.

Девицы как будто вдруг онемели. Ну, что будет с ними, если мистер Кросби слышал последние слова бедной Лили? Белл всегда обвиняла сестру свою в опрометчивости – и вот результат! Но, по правде сказать, Бернард, кроме слова *Аполлон*, ничего не слышал, а мистер Кросби, идя позади, не слышал и этого.

*Пленительны и музыкальны,
Как звуки арфы Аполлона...*

– С струнами из его волос! – сказал мистер Кросби, не обращая большого внимания на цитату, но замечая, что сестры были чем-то встревожены и молчали.

– Какая должна быть неприятная музыка, – сказала Лили, – впрочем, может статься, у Аполлона были волосы не такие, как у нас.

– Волоса его уподоблялись солнечным лучам, – заметил Бернард.

В это время Аполлон поздоровался, и леди приветствовали гостей надлежащим образом.

– Мама в саду, – сказала Белл с той притворной скромностью, которая так свойственна молоденьким леди, когда молодые джентльмены застают их одних, как будто все заранее знают, что мама должна быть предметом их посещения.

– Собирает горох, – прибавила Лили.

– Так пойдемте же скорее помогать ей, – сказал мистер Кросби, и с этими словами все отправились в сад.

Сады Большого оллингтонского дома и Малого были открыты друг для друга. Их разделяли густая живая изгородь из лавровых деревьев, широкий ров и решетчатый железный забор, окаймлявший ров. В одном месте через широкий ров перекинут был пешеходный мостик, который затворялся воротами, никогда не знавшими замка. Сад, принадлежащий Малому оллингтонскому дому, был очень мал, да и самый домик стоял так близко к дороге, что между окнами столовой и железным забором оставалось весьма небольшое пространство в виде каймы, по которой тянулась вымощенная камнем дорожка, фута два шириною, доступная только для одного садовника. Расстояние от дороги к дому, не более пяти-шести футов, занято было крытым коридором. Сад позади дома, перед окнами гостиной, расстилался так отдельно, как будто тут не существовало ни оллингтонской деревни, ни дороги, ведущей к церкви. Правда, с зеленой поляны, тут же перед окнами, виднелся церковный шпиг, выглядывавшая из-за тисовых деревьев, посаженных в углу кладбища, примыкавшего к стене сада мистрис Дель, но никто из Делей не выражал своего неудовольствия при виде этого шпица. Главная прелесть оллингтонского Малого дома заключалась в его поляне, такой ровной, такой гладкой и мягкой, точно бархат. Лили Дель, гордясь своей поляной, часто говорила, что в Большом доме не найти такого местечка, на котором бы можно было поиграть в крикет. Трава, говорила она, растет там какими-то кочками, которых Хопкинс, садовник, никак не может или не хочет выровнять. В Малом доме этого нет, а так как сквайр не имел особенного пристрастия к игре в крикет, то все принадлежности ее переданы были в Малый дом, и крикет сделался там особым учреждением.

Говоря о саде, я должен упомянуть об оранжерее мистрис Дель, относительно которой Белл была решительного мнения, что Большой дом не имел ничего подобного. «Разумеется, я говорю только о цветах», – говорила она, поправляясь, потому что при Большом доме находился отличный виноградник. В этом случае сквайр был менее снисходителен, чем в деле крикета, и обыкновенно замечал своей племяннице, что в цветах она ничего не смыслит.

«Может быть, дядя Кристофер, – возражала она. – Мне все равно, только наши герани лучше винограда».

Мисс Дель была немножко упряма, впрочем, это качество принадлежало всем Делям мужского и женского пола, молодым и старым.

Нельзя также не сказать здесь, что попечение о поляне, оранжерее и, вообще, о всем саде, принадлежавшем к Малому дому, лежало исключительно на Хопкинсе, старшем садовнике Большого дома, а по этой простой причине мистрис Дель не считала за нужное нанимать особого садовника. Работящий парень, который чистил ножи и башмаки и копал гряды, был единственным слугою мужского пола при трех леди. Впрочем Хопкинс, главный оллингтонский садовник, имевший у себя работников, с таким же почти усердием наблюдал за поляной и оранжереей Малого дома, как за виноградом, персиками и террасами Большого. В его глазах это было одно и то же место. Малый дом принадлежал его господину, как принадлежала ему даже самая мебель в доме, дом этот был в полном распоряжении, а не отдавался на аренду мистрис Дель. Хопкинс, может статься, не слишком жаловал мистрис Дель, видя, что он вовсе не был связан какой-нибудь обязанностью в отношении к ней, как к урожденной леди Дель. Дочерей ее он любил, но тоже иногда делал им грубости, и делал их совершенно безнаказанно. В отношении к мистрис Дель он был холодно-учтив, и когда она отдавала Хопкинсу какое-

нибудь серьезное приказание относительно сада, он не иначе исполнял его, как с разрешения сквайра.

Все это будет служить объяснением условий, на которых мистрис Дель жила в Малом доме, – обстоятельство, необходимо требующее объяснения раньше или позже. Ее муж был младший из трех братьев и во многих отношениях лучший. В молодости он отправился в Лондон и сделался землемером. Он так прекрасно исполнял свои обязанности, что правительство приняло его в коронную службу. В течение трех или четырех лет он получал большие доходы, но смерть внезапно постигла его в то самое время, когда только что начинала осуществляться золотая перспектива, которую он видел перед собою. Это случилось лет за пятнадцать до начала нашего рассказа, так что оставшиеся сироты едва сохранили воспоминание о своем отце. В течение первых пяти лет вдовства мистрис Дель, никогда не пользовавшаяся особенным расположением сквайра, жила с двумя маленькими дочерьми так скромно, как только позволяли ее весьма ограниченные средства. В то время старуха мистрис Дель, мать сквайра, занимала Малый дом. Но когда старуха умерла, сквайр предложил этот дом бесплатно своей невестке, поставив при этом на вид, что ее дочери, живя в Оллингтоне, получают значительные общественные выгоды. Вдова приняла предложение, и затем действительно последовали общественные выгоды. Мистрис Дель была бедна, весь доход ее не превышал трехсот фунтов в год, и потому образ ее жизни был по необходимости весьма незатейливый, но она видела, что ее дочери становились популярными во всем округе, были любимы окружающими их семействами и пользовались почти всеми преимуществами, которые принадлежали бы им, если бы они были дочерьми оллингтонского сквайра, Дея. При таких обстоятельствах ей было все равно, любил ли ее или не любил оллингтонский сквайр, уважал ли ее или не уважал садовник Хопкинс. Ее дочери любили и уважали ее, и в этом заключалось все, чего она требовала для себя от целого света.

Дядя Кристофер был очень добр и любезен к своим племянницам, добр и любезен по своим суровым понятиям о доброте и любезности. В конюшнях Большого дома находились две маленькие лошадки, пони, которые были отданы в полное распоряжение племянниц, так что, кроме них, никто не имел права кататься на лошадках, за исключением разве каких-нибудь особенных случаев. Я думаю, сквайр мог бы подарить этих пони своим племянницам, но он думал иначе. Он пополнял их гардероб, посылая от времени до времени необходимые, по его мнению, материи, далеко, впрочем, не модные и не нарядные. Денег он не давал и не делал по этой части никаких обещаний. Они были Дели, и сквайр любил их, а Кристофер Дель, любивши однажды, любил навсегда. Белл была его фавориткой, вместе с племянником Бернардом она пользовалась лучшею теплотою его сердца. На этих двух существах он основывал все свои планы, предполагая, что Белл будет будущею госпожой Большого оллингтонского дома, впрочем, относительно этого плана мисс Белл оставалась в совершенном неведении.

Теперь мы, кажется, можем воротиться к нашим друзьям, которых оставили на поляне. Они, как нам уже известно, отправились помогать мистрис Дель собирать горох, но на пути к занятию встретилось удовольствие, и молодые люди, забыв о трудах хозяйки дома, позволили себе увлечься прелестями крикета. Железные обручи и палки стояли на местах, около них лежали моллеты и мячи, и притом из молодых людей образовались такие прекрасные партии!

– Я не играл еще в крикет, – сказал мистер Кросби.

Нельзя сказать, чтобы много ушло времени для этой игры, потому что мистер Кросби прибыл в Большой дом не далее как перед обедом предшествовавшего дня. Через минуту моллеты были уже в руках играющих.

– Мы, конечно, поделимся на партии, – сказала Лили, – Бернард и я будем играть вместе.

Но этого не позволили, Лили считалась героинею на поле крикета, а так как Бернард был искуснее своего друга, то Лили заставили взять себе в товарищи мистера Кросби.

– Аполлон не умеет попадать в обручи, – говорила впоследствии Лили своей сестре, – но как грациозно он делает это!

Лили была побеждена, и потому ей можно извинить небольшую досаду на своего товарища. Впрочем, надобно сказать, что мистер Кросби до отъезда своего из Оллингтона научился прекрасно попадать в обручи, и Лили хотя все еще считалась царицею поля, но должна была допустить в своих владениях и господство мужчины.

– Мы не так играли в... – сказал Кросби во время игры и вдруг остановился.

– Где же это вы играли? – спросил Бернад.

– В одном месте, где я был прошлое лето, в Шропшейре.

– В том месте, мистер Кросби, где вы были прошлое лето, в Шропшейре, не умеют играть в крикет, – сказала Лили.

– Я знаю, ты хочешь сказать, что он был у леди Хартльтон, – сказал Бернад.

Здесь мы заметим, что маркиза Хартльтон была очень важная персона – передовая личность фешенебельного света.

– А! у леди Хартльтон! – возразила Лили. – В таком случае, конечно, мы должны отдать ей первенство.

Эта маленькая ирония имела значение для мистера Кросби и, разумеется, осталась у него в памяти. Он старался избегать имени леди Хартльтон и не упоминать о ее поляне для игры в крикет. Несмотря на то, он не сердился на Лили Дель, напротив, она нравилась ему, но Белл нравилась еще больше, хотя и мало говорила, Белл, надо сказать, была в семействе красавица.

Во время игры Бернад вспомнил, что они пришли просить обитательниц Малого дома к обеду в Большой дом. Они обедали там накануне, и дядя молоденьких леди отправил кавалеров просить их к обеду и на этот день.

– Я пойду спросить об этом мама, – сказала Белл, освободясь от игры.

По возвращении на поляну она объявила, что она и сестра должны исполнить приказание дяди, но что мама предпочитает остаться дома.

– Она хочет покушать гороху, – заметила Лили.

– Так отправить его в Большой дом, – сказал Бернад.

– Нельзя, Хопкинс не позволит, – сказала Лили, – он называет это смешением вещей. Хопкинс не любит смешений.

Когда кончилась игра, молодые люди начали бродить по саду, перешли из малого в большой, добрались до его окраины из мелкого кустарника, вышли на соседние поля, где еще лежали остатки сушившегося сена. Лили взяла грабли и минуты две гребла сено, мистер Кросби, сделав попытку набросать на воз сено, должен был заплатить поселянам полкроны за поздравление с благополучным приездом. Белл спокойно сидела под деревом, заботясь о сохранении в лице нормального румянца, между тем мистер Кросби, убедясь, что подбрасывание сена очень утомительно, бросился под то же самое дерево, приняв позу настоящего Аполлона, как сказывала Лили своей матери поздно вечером. Бернад не мог придумать лучшей шутки, как бросить на Лили охапку сена, Лили, отвечая тем же, едва не задушила мистера Кросби – разумеется, без всякого умысла.

– Ах, Лили, – заметила Белл.

– Ради бога извините, мистер Кросби. Это все Бернад виноват. С вами, Бернад, никогда другой раз не пойду на сенокос.

Таким образом, все были веселы, все как-то особенно настроены к дружескому развлечению, одна Белл спокойно сидела под деревом и только изредка прислушивалась к словам мистера Кросби. Время, проведенное в обществе, где для оживления беседы требуется весьма немного разговора, имеет свою особенную прелесть. Белл была не так развязна и жива, как сестра ее Лили, и, когда, спустя час после этого, сестры одевались к обеду, она признавалась,

что провела время самым приятным образом, хотя мистер Кросби и не был слишком разговорчив.

Глава III ВДОВА ДЕЛЬ

Так как мистрис Дель Малого дома не принадлежала, по своему происхождению, к фамилии оллингтонских Делей, то не представляется ни малейшей надобности утверждать факт, что в ее характере не следует отыскивать особенностей, свойственных характеру Делей. Эти особенности не были, может статься, очень заметны и в ее дочерях, которые в этом отношении более заимствовали от матери, чем от отца, при всем том внимательный наблюдатель легко заметит в них оттенки характера Делей. Они были постоянны, тверды и иногда очень строги в своих суждениях, они склонны были думать, что весьма много значит принадлежать к фамилии Делей, но не имели расположения много говорить об этом и гордиться, у них была своя лучшая гордость, которая досталась по наследству от матери.

Конечно, мистрис Дель была гордая женщина, но она гордилась вовсе не тем, что исключительно принадлежало ей самой. По своему происхождению она была гораздо ниже мужа, потому что ее дед был почти никто. Ее состояние было довольно значительно для ее скромного положения в жизни, и доходы с него служили главными источниками ее существования, но этого далеко не достаточно, чтобы гордиться им как богатством. Она считалась некогда красавицей, и даже теперь, на мой взгляд, все еще была очень хороша, но, разумеется, в эту пору жизни, после пятнадцати лет вдовства, с двумя взрослыми дочерьми на руках, она не гордилась своей красотой. Не имела она также сознательной гордости в том, что была леди. А что она была леди, снаружи и внутри, с маковки головы до подошвы ног, в голове, в сердце и в уме, леди по воспитанию и леди по природе, леди также по происхождению, несмотря на недостаток в этом отношении ее деда, я ручаюсь за этот факт – *meo periculo*. Сквайр, не питая к ней особенного расположения, признавал, однако же, в ней это достоинство и во всех отношениях обходился с ней как с равной себе.

Ее положение требовало, чтобы она была или очень горда, или уж очень покорна. Она была бедна, а между тем ее дочери занимали положение, которое принадлежит только дочерям богатых людей. Они пользовались этим положением как племянницы бездетного оллингтонского сквайра и, как его племянницы, по мнению мистрис Дель, имели полное право на его ласки и любовь, не в ущерб уважения к ней самой или к ним. Весьма дурно выполняла бы мистрис Дель материнские обязанности в отношении к своим дочерям, если бы позволила своей собственной гордости занять место между ними и теми материальными выгодами, которые дядя в состоянии был предоставить им. Через них и для них она бесплатно получала дом, в котором жила, и пользовалась многим, что принадлежало собственно сквайру, для себя не получала ничего. Брак ее с Филиппом Делем не нравился его брату сквайру, и сквайр, при жизни еще Филиппа, продолжал показывать, что изменить чувства его в этом отношении не было никакой возможности. И они не изменились. Прожив несколько лет в самом близком соседстве, живя, можно сказать, в одном и том же семействе, сквайр и мистрис Дель не могли сделаться друзьями. Между ними никогда не было ссоры, об этом нечего и говорить. Они постоянно встречались. Сквайр бессознательно оказывал глубокое уважение вдове своего брата, с своей стороны вдова вполне ценила любовь, оказывавшуюся дядей ее дочерям, но все-таки они не могли сделаться друзьями. Мистрис Дель никогда не говорила сквайру слова о своих денежных делах. Сквайр ни слова не говорил матери о своем намерении относительно ее дочерей. Таким образом они жили и живут в Оллингтоне.

Жизнь, которую проводила мистрис Дель, нельзя назвать легкой жизнью, она не была лишена многих трудных, тяжелых усилий с ее стороны. Теорию ее жизни можно выразить следующими словами – мистрис Дель должна похоронить себя, собственно для того, чтобы

дочери ее счастливо жили на свете. Для приведения этой теории в исполнение необходимость требовала, чтобы она воздерживалась от всякой жалобы на свою участь, не показывала перед дочерьми ни малейшего вида, что ее положение горько. Счастье их жизни на земле было бы отравлено, если бы они заметили, что их мать, в своей подземной жизни, испытывает ради них и переносит всякого рода лишения. Необходимо было, чтобы они думали, что сбор гороха в коленкоровой шляпке с опущенными полями, долгое чтение книг перед камином и одинокие часы, проводимые в размышлениях, составляли ее любимую склонность. «Мама не любит показываться в обществе», «Я не думаю, чтобы мама была где-нибудь счастливее, кроме своей гостиной» – так обыкновенно говорили ее дочери. Я не думаю, чтобы их научали говорить подобные слова, они сами приучились к мысли, которая заставила их выражаться таким образом, и уже в ранние дни своего появления в обществе привыкли отзываться так о своей матери. Но вскоре пришло время – сначала к одной, а потом и к другой, – когда они узнали, что это было совсем не так, и узнали также, что для них и за них бедная мать их много страдала.

И действительно, мистрис Дель по сердцу могла бы быть несколько не старше своих дочерей. Могла бы тоже играть в крикет, грести сено, красоваться на маленькой лошадке и находить удовольствие в наездничестве, могла бы, наконец, выслушивать любезные фразы того или другого Аполлона, могла бы, если бы все это согласовалось с ее положением. Женщины в сорок лет не всегда становятся ветхими мизантропками или строгими моралистками, совершенно равнодушными к светским удовольствиям – нет! даже если бы они и были вдовами. Есть люди, которые полагают, что непременно таково должно быть настроение их умов. Признаюсь, я смотрю на это совсем иначе. Я бы хотел, чтобы женщины, а также и мужчины были молоды до тех пор, пока могут сохранить в своих сердцах силу молодости. Я не хочу, чтобы женщина считала себя по летам моложе того, сколько ей значится лет по записи отца ее в фамильной библии. Пусть та из них, которой сорок лет, и считает себя сорокалетней, но если в эти года душой она может быть моложе, то зачем же не показывать себя тем, что есть на самом деле?

В этом отношении я не оправдываю мистрис Дель. Вместо того чтобы оставаться между гороховыми тычинками в коленкоровой шляпке с опущенными полями, ей бы следовало, таков по крайней мере мой совет, присоединиться к играющим в крикет. Тогда между молодыми людьми она не проронила бы ни одного сказанного слова. А эти гороховые тычинки отделялись от поляны только невысокой стеной и несколькими кустарниками. Мистрис Дель прислушивалась к словам играющих не как подозревающее что-нибудь, но как любящее существо. Голоса ее дочерей были для нее очень дороги, серебристые звуки голоса Лили раздавались в ушах ее так очаровательно, как музыка богов. Она слышала, что говорено было о леди Хартльтон, и ужаснулась при смелой иронии своей Лили. Она слышала, как Лили сказала, что мама хочет дома покушать гороху, и при этом подумала, что теперь такова уж ее участь.

– Милое, дорогое дитя! действительно, такова и должна быть моя участь!

Когда напряженный слух ее проводил молодых людей через маленький мостик в соседний сад, она с корзинкой на руке перешла через поляну и, опустившись на приступок у окна гостиной, устремила взор свой на роскошные летние цветы и гладкую поверхность расстилавшейся перед ней поляны.

В том, что она находится здесь, не проявлялась ли особенная благодать Провидения? Можно ли быть недовольным таким состоянием? Разве она не может считать себя счастливою, имея дочерей таких пленительных, любящих, доверчивых и в свою очередь заслуживающих полного доверия? Хотя Богу угодно было, чтобы муж, лучшая половина самой ее, был оторван от земной жизни и чтобы чрез это она лишена была всех земных радостей, но разве дурно, что за такое лишение для нее так много было сделано, чтобы смягчить ее судьбу и придать этой судьбе столько прелести и красоты? Все это так, говорила она про себя, и все-таки считала себя несчастливою. Она решилась, как сама часто говорила, отказаться от всякого ребячества, и теперь сожалела об этом ребячестве, которое сама же от себя отбросила. В ушах ее все еще раз-

давался серебристый голос Лили, звучащий в группе молодых людей, когда они пробирались сквозь кустарники, – она слышала эти звуки в то время, когда ничей слух, кроме материнского, не мог бы его различить. Если эти молодые люди были в Большом доме, то весьма естественно, и ее дочери должны быть там же. Сквайр не любил, чтобы гости сидели с ним, когда не было дам, которые бы украшали его стол. Но что касается до нее, она была уверена, что о ней никто и не вспомнит. Правда, от времени до времени она должна была показываться в Большом доме, в противном случае самое ее существование было бы не то чтобы незаметным, но неприятно заметным. Другой причины, по которой она не должна присоединяться к обществу молодых людей, не было. Так пусть же ее дочери едят со стола брата и пьют из его чаши. Им всегда и от всей души будет сделан радушный прием. Для нее не существовало подобного радушия ни в Большом, ни во всяком другом доме, ни за чьим бы то ни было столом!

«Мама хочет дома покушать гороху».

И мистрис Дель, облокотясь на колена и подпирая руками подбородок, повторила слова, произнесенные ее дочерью во время прогулки.

– Извините, мама, на кухне спрашивают, нужно ли чистить горох.

Вопрос этот прервал думы мистрис Дель. Она встала и отдала корзинку.

– Неужели на кухне не знают, что барышни обедают сегодня в Большом доме?

– Знают, мама.

– Для меня не нужно готовить обеда. Я буду рано пить чай. И мистрис Дель не исполнила исключительно ей предназначенного долга. Но зато она приступила к исполнению другой обязанности. Когда семейство из трех человек должно проживать на доходы из трехсот фунтов в год и, несмотря на то, иметь претензию на появление в обществе, оно должно заботиться о некоторых мелочах, даже и в таком случае, если бы это семейство состояло только из лиц женского пола. Мистрис Дель знала это очень хорошо, а так как ей нравилось, чтобы наряды ее дочерей были милы и свежи, то она много долгих часов посвящала этой заботливости. Сквайр присылал им шали на зиму, дарил платья для верховой езды, привозил из Лондона темненькую шелковую материю на платья, но всегда в таком ограниченном количестве, что сшить два платья из подаренной материи оказывалось делом выше искусства женщины, и особенно платья из шелковой материи темненького цвета, а между тем сквайр хорошо помнил о своих подарках и с нетерпением желал видеть плоды своей щедрости. Все это, само собою разумеется, считалось вспомоществованием, но если бы сквайр дарил деньги, которые употреблял на покупку материй, благодеяние его ценилось бы гораздо выше. Итак, дочери мистрис Дель всегда были мило, прилично и даже нарядно одеты, они сами заботились и трудились над этим, но главную швеей и портнихой была их мать. И теперь она вошла в их комнату, вынула кисейные платья и... Впрочем, мне кажется, я не должен здесь пускаться в подробности. Она, однако же, никогда не стыдилась этой работы, требовала горячий утюг и своими руками разглаживала все складки, придавала надлежащую пышность воланам, пришивала где нужно новую ленточку – словом, приводила все платье в должный порядок. Мужчины вовсе не знают, какого стоит труда доставить удовольствие их зрению, хотя бы это было даже на час времени.

– Ах, мама, как вы добры! – сказала Белл, возвратясь с сестрой своей с прогулки, чтобы надеть хорошенькие платья и потом отправиться на обед.

– Мама всегда добра, – сказала Лили, – я бы желала, мама, гораздо чаще делать для вас то же самое. – И с этими словами она побаловала мать.

Сквайр был пунктуален насчет обеденного времени, и потому барышни торопливо оделись и снова пошли по тому же саду, мать провожала их до мостика.

– Ваш дядя не сердился, что я не пришла? – спросила мистрис Дель.

– Мы его не видали, мама, – сказала Лили. – Мы были в поле и совсем забыли о времени.

– Вероятно, дяди там не было, а то бы мы с ним встретились, – заметила Белл.

– А я, мама, право, сердита на вас. И ты Белл тоже, да? С вашей стороны очень дурно оставаться всегда дома и не ходить с нами вместе.

– Я думаю, для мама приятнее сидеть в своей гостиной, чем в Большом доме, – сказала Белл с особенной нежностью, взяв мать свою за руку.

– Ну, прощайте, милые. Я буду ждать вас часам к десяти или одиннадцати. Впрочем, вы не торопитесь.

Сестры ушли, и вдова снова осталась одна. Дорожка от мостика шла прямо к заднему фасаду Большого дома, так что мистрис Дель минуты две смотрела вслед своим дочерям, почти бежавшим по дорожке. Она увидела, как размахнулись платья их при крутом повороте на террасу. Она не хотела идти дальше закрытого уголка в лавровых деревьях, которые окружали ее, боясь, чтобы кто-нибудь не подсмотрел, как следила она за своими дочерьми. Но когда розовые кисейные платица скрылись из виду, ей стало жаль, что она не пошла вместе с ними. Она стояла, не сделав ни шагу вперед. Ей не хотелось, чтобы Хопкинс рассказывал потом, как она глядела вслед своим дочерям, когда они шли из ее дома в дом сквайра. Ведь Хопкинс не в состоянии понять, зачем она следила за ними.

– Вы, мои милые, как видно, не очень торопились. Я думаю, и ваша мать могла бы прийти с вами, – сказал дядя Кристофер.

Такова была манера у этого человека. Если бы он согласовал слова свои с своими желаниями, то должен бы признаться, что ему приятнее, когда мистрис Дель остается дома, без нее он чувствовал себя за своим столом вполне господином и гораздо спокойнее. А между тем часто выражал сожаление, что она не пришла, и как будто верил в это сожаление.

– Я думаю, мама устала, – сказала Белл.

– Гм! Кажется, недалеко пройти от одного дома к другому. Если бы я каждый раз, когда устаю, запирался дома... Но ничего. Пойдемте обедать. Мистер Кросби, не угодно ли вам взять мою племянницу Лилиану.

И потом, предложив свою руку Белл, сквайр отправился в столовую.

– Если он еще будет бранить мою маму, я уйду, – сказала Лили своему спутнику. Из этого можно заключить, что в течение проведенного вместе утра молодые люди успели уже сблизиться.

Мистрис Дель, постояв с минуту на мостике, воротилась домой к чаю. Не будем входить в подробности о том, заменил ли этот чай бараньи котлеты и отварную ветчину или жареную утку и зеленый горох, которые имелись в доме для семейного обеда. Мы можем, однако же, заметить, что она села за вечернюю трапезу без особенного аппетита. Перед тем как сесть за стол, она взяла какую-то книгу, вероятно какой-нибудь роман, потому что мистрис Дель была еще в той поре женщина, когда романы читаются не без удовольствия, и, прихлебывая чай, прочитала две-три страницы. Но вот книга кладется в сторону, поднос, на котором уже давно простыл горячий чай, остается забытым, мистрис Дель садится в свое фамильное кресло и погружается в думы о себе, о своих дочерях, в думы, вероятно, и о том, какова была бы ее участь, если бы жил еще тот, которого она так горячо любила в течение немногих лет своего замужества.

Надобно заметить, что постоянно любить и ненавидеть было в натуре всех Делей. Любовь к ней мужа ее была самая искренняя, неизменная, так что покойный нередко ссорился с своим братом, потому что последний не совсем по братски выражался иногда насчет его жены. Много лет прошло с того времени, а между тем чувство это сохранилось в прежней своей силе. Приехав впервые в Оллингтон, мистрис Дель старалась приобрести расположение сквайра, но вскоре узнала, что это вещь невозможная, и у нее больше уже не было к тому желания. Мистрис Дель не принадлежала к числу тех мягкосердечных женщин, которые благодарят Бога, что могут любить всякого. Тогда она могла бы еще полюбить сквайра, могла бы питать к нему тесную сестринскую дружбу, но теперь это сделать она не могла. Сквайр был холоден к ней и с

каким-то настойчивым постоянством отклонял от себя всякое с ее стороны заискивание его расположения. Вот уже прошло семь лет, в течении этого времени мистрис Дель была так же холодна к нему, как он был холоден к ней.

Все это весьма тяжело переносить. Что ее дочери должны любить своего дядю, это было не только благоразумно, но во всех отношениях желательно. К ним он не был холоден. Он был привязан к ним и великодушен. Не будь ее при них, он принял бы их в свой дом, как родных дочерей, и они, конечно, во всех отношениях стояли бы перед светом, как его приемные дети. Не лучше ли было бы, если бы ее при них не было?

Только в самом грустном настроении духа вопрос этот возникал в ее отвлеченных думах, тогда она вдруг возвращалась к действительности и решительно, с негодованием отвечала на него протестом против своей собственной болезненной слабости. Без нее дочерям ее не было бы хорошо, хотя бы дядя их был вдвое лучшим дядей, хотя бы они, благодаря ее отсутствию, могли сделаться наследницами Оллингтона. Неужели для них не дороже всего, не выше всего на свете находиться постоянно вблизи матери? И когда она предлагала себе этот вопрос, – предлагала лукаво, как она признавалась себе, – неужели она не знала, что они любили ее больше и лучше всего в мире, что они предпочли бы ее ласки и заботливость покровительству всякого дяди, как бы ни был велик его дом? Да, они любили ее лучше целого мира. К другой любви, если бы она пробудилась в их сердцах, она не стала бы ревновать. И если эта любовь пробудится, если они будут счастливы, тогда она сама, быть может, насладится светлым вечером жизни. Если они выйдут замуж, если мужья их примут ее любовь, ее дружбу и ее преданность, она бы могла еще избавиться от этой мертвенной холодности Большого дома и быть счастлива в каком-нибудь уютном коттедже, из которого могла бы выходить по временам и навещать тех людей, которые действительно были бы ей по душе. Недалеко от Оллингтона, в Гествике, жил доктор, о нем она часто думала как о человеке, который бы мог занять место зятя. Этот человек, по-видимому, нравился ее спокойной, прекрасной Белл, а он более чем старался с своей стороны понравиться ей. Но надежда эта, или, вернее, эта идея, несколько недель тому назад исчезла как сон. Мистрис Дель никогда об этом не спрашивала дочь, она была не такая женщина, чтобы делать подобного рода вопросы. В течение двух последних месяцев она с сожалением увидела, что Белл почти с холодностью смотрела на человека, к которому ее мать благоволила.

В этих размышлениях прошел весь вечер, около одиннадцати часов она услышала приближающиеся к дому шаги. Молодые люди, само собою разумеется, провожали барышень, и когда мистрис Дель вышла из все еще открытых дверей гостиной, она увидела их всех на середине расстилавшейся перед домом поляны.

– Вон и мама! – вскричала Лили. – Мама, мистер Кросби хочет поиграть в крикет при лунном свете.

– Мое кажется, теперь довольно темно, – сказала мистрис Дель.

– Для него достаточно и этого освещения, – возразила Лили. – Ведь он играет без обручей, не правда ли, мистер Кросби?

– Мне кажется, для крикета довольно свету, – отвечал мистер Кросби, взглянув на луну. – И притом же было бы нелепо ложиться теперь спать.

– Да, ваша правда, – сказала Лили. – Но ведь, вы знаете, в деревне все люди нелепые. Бильярд, на котором можно играть целую ночь при газовом освещении, гораздо лучше, не правда ли?

– Ваши стрелы, мисс Дель, далеко не попадают в цель, потому что я в жизнь свою не брал кия в руки, вам бы лучше поговорить о бильярде с вашим кузеном.

– А разве Бернард большой охотник до этой игры? – спросила Белл.

– Да, иногда играю, изредка, не чаще, чем Кросби играет в крикет. Ну, Кросби, пойдем домой и закурим сигары.

– И прекрасно, – сказала Лили. – А мы, деревенские жители, отправимся спать. Мама, я бы желала, чтобы у нас была небольшая курительная комнатка. Я не хочу, чтобы нас считали нелепыми.

С этими словами партия разделилась – дамы вошли в дом, а кавалеры отправились обратно через поляну.

– Лили, душа моя, – сказала мистрис Дель, когда все они собрались в спальне. – Мне кажется, что ты очень грубо обходишься с мистером Кросби.

– Она так обходилась с ним весь вечер, – заметила Белл.

– На том основании, что считала себя в кругу добрых друзей.

– В самом деле? – спросила Белл.

– Послушай, Белл, ты ревнива, это верно.

И потом, заметив, что сестра ее слегка обиделась, Лили подошла и поцеловала ее:

– Нет, она не ревнива, не правда ли, мама?

– Она не подавала повода думать об этом, – сказала мистрис Дель.

– Ты сама знаешь, что у меня даже в уме ничего подобного не было, – сказала Белл. – Всякий садовый цветок занимает меня больше, чем мистер Кросби.

– И меня тоже, Лили.

– Ну, уж нет. Впрочем, мама, он у меня не выходит из памяти. Он так похож на Аполлона. Я всегда буду называть его Аполлоном: Phoebus Apollo! И когда я буду рисовать его портрет, то вместо лука дам ему в руки моллету. Признаюсь, я очень обязана Бернарду, что он привез его сюда, и, право, не хотела бы, чтобы он уехал отсюда послезавтра.

– Послезавтра! – сказала мистрис Дель. – На два дня не стоило и приезжать...

– Действительно не стоило. Приехать сюда, чтобы нарушить наши мирные, спокойные привычки, не дать даже времени сосчитать его лучи.

– Впрочем, он говорит, что еще раз приедет сюда, – заметила Белл.

– Да, нам еще остается надежда на это, – сказала Лили. – Дядя Кристофер просил его приехать, когда получит более продолжительный отпуск. А ведь теперь он здесь за короткое время. Ему легче достаются отпуска, чем бедному Джонни Имсу. Джонни может отлучиться только на месяц, а мистер Кросби на два, и притом когда вздумается, вообще он, кажется, располагает своим временем круглый год, как настоящий господин.

– Дядя Кристофер приглашал его в сентябре – на охоту, – сказала Белл.

– Да, и хотя он не сказал, что приедет, но мне кажется, у него было это на уме, – возразила Лили. – Вот, мама, есть еще надежда для нас.

– Тогда тебе придется нарисовать Аполлона с ружьем вместо моллеты.

– А это весьма нехорошо, мама. Мы мало будем видеть и его, и Бернарда. Они ведь не возьмут нас в лес вместо загонщиков.

– Ты будешь много кричать и через это будешь бесполезна.

– В самом деле? Я думала, что загонщики должны кричать и вспугивать птиц. Я бы очень устала, если бы пришлось все кричать, а потому, думаю, лучше оставаться дома и заниматься шитьем.

– Я надеюсь, что он приедет, дядя Кристофер, как видно, очень его любит, – сказала Белл.

– Желала бы я знать, понравится ли его приезд одному джентльмену в Гествике, – заметила Лили и тотчас же взглянула на сестру: она увидела, что слова ее были неприятны.

– Лили, ты даешь большую волю своему языку, – сказала мистрис Дель.

– Ведь я пошутила, Белл, извини пожалуйста.

– Ничего, – сказала Белл. – Только все же Лили часто говорит, не подумав.

Разговор прекратился, и ничего больше не было сказано, кроме нескольких слов о туалете и обыкновенных желаний, выражаемых при прощании. Лили и Белл занимали одну комнату,

и, когда дверь этой комнаты затворилась за ними, Белл с некоторым одушевлением намекнула на предшествовавший разговор:

– Лили, ты обещала мне не говорить ни слова о докторе Крофтсе.

– Знаю, душа моя, и знаю также, что я очень виновата. Прости меня, Белл, вперед этого не будет, разумеется, если можно будет удержаться.

– Если можно будет удержаться, Лили!

– Не знаю, право, почему я не должна говорить о нем, конечно, не в насмешку. Из всех мужчин, которых я видела в жизни моей, он нравится мне больше всех. Если бы я не любила тебя больше, чем люблю себя, я бы тебе позавидовала.

– Лили, ты что обещала мне сейчас?

– Хорошо, это начнется с утра. Не знаю тоже, почему ты так холодно обращаешься с ним.

– Я никогда не обращалась с ним холодно.

– Разве это не видно? А он между тем готов отдать левую руку, если ты только улыбнешься ему, даже правую руку, и как бы мне хотелось увидеть это на самом деле. Ты слышишь, Белл?

– Слышу, что ты говоришь пустяки.

– Как бы я желала увидеть это! Мама тоже желает, я уверена, хотя и не слышала от нее об этом ни слова. В моих глазах это – красавец мужчина, каких я не видывала. Как можно сравнить его с мистером Аполлоном Кросби! Но я вижу, что тебе неприятно, и теперь не скажу о нем ни слова.

Когда Белл пожелала сестре доброй ночи, быть может, с большею, против обыкновенного, любовью, заметно было, что слова Лили и ее энергический тон понравились ей, несмотря на обещание, которого она требовала от сестры: Лили все это видела и знала.

Глава IV

КВАРТИРЫ И КВАРТИРАНТЫ МИСТРИС РОПЕР

Я говорил, что Джонни Имс, кроме матери, никто не баловал и не лелеял, но этим я ни под каким видом не думал сказать, что у Джонни Имса не было друзей. Есть класс молодых людей, которых никто не балует, но тем не менее они могут пользоваться уважением и даже, может быть, любовью. Они не являются в свет подобно Аполлонам и вовсе не блестят, сберегая блеск, который имеют в себе, для внутренних целей. Такие молодые люди часто бывают неразвязны, неловки в обращении, не имеют уверенной осанки или походки, они борются, но совладать с своими членами не могут, за пределами круга своих близких знакомых или товарищей чрезвычайно застенчивы, слова, где они более всего требуются, как нарочно, являются не скоро к ним на помощь. Общественные собрания составляют для них периоды тяжелого испытания, всякое появление в обществе расстраивает их нервы. Они любят быть одни и краснеют, когда заговорит с ними женщина. Они еще не мужчины, хотя лета их и дают право на это название, но и не мальчики: свет обыкновенно называет их юношами.

Наблюдения, которые я имел возможность сделать по этому предмету, привела меня к убеждению, что юноша во всяком случае представляет собою прекраснейший вид человеческой расы. Сравнивая неразвитого юношу двадцати одного, двадцати двух лет с каким-нибудь оконченным Аполлоном того же возраста, я смотрю на первого как на плод незрелый, а на последнего как на плод почти переспелый. Отсюда истекает вопрос об этих двух плодах. Какой из них лучше: тот ли, который поспевает рано, поспеванию которого, быть может, благоприятствовали какие-нибудь усиленные средства, положим даже, хоть теплота стены, обращенной к полдню, или плод, который поспевает медленнее, над которым трудится сама природа без всякой посторонней помощи, на который солнце действует в свое время, а может быть, и совсем не действует, если его заслоняет какой-нибудь непрозрачный предмет, бросая на него холодную тень? Общество, без всякого сомнения, расположено в пользу усиленных средств. Плод действительно созревает, и притом в известное время. Он является чистенький, гладенький, без пятнышка, без крапинки и известного качества. Владелец его может пользоваться им, когда вздумается. Несмотря на то, по моему мнению, благотворное влияние солнца сообщается во всей своей силе другому плоду, – сообщается не насильственным образом, но во всякое время, если только не будет неблагоприятной тени. Мне нравится вкус своевременно созревшего плода, и нравится еще лучше, быть может, потому, что он получен без постороннего содействия.

Впрочем, юноша, хотя и краснеет, когда говорят с ним женщины, бывает спокоен, когда они находятся вблизи его, хотя на балу он не знает, куда девать свои руки, и во всякое другое время не умеет распорядиться своим языком, но он в особенности является красноречивейшим созданием между хорошенькими женщинами. Он наслаждается всеми радостями Дон Жуана, хотя и без той бессердечности, которою отличался настоящий Дон Жуан, при его неиспорченном еще взгляде на вещи и пленительном голосе, ему представляется возможность выходить победителем из всякой стычки. Но это красноречие звучит чарующими звуками только в его собственных ушах, и эти радости и победы существуют только в его воображении.

Истинный юноша любит оставаться без посторонних, он не увлекается общественными удовольствиями даже с другими подобными ему юношами. Эту особенную черту в его характере едва ли кто наблюдал как должно. Он, по всей вероятности, не сделался Аполлоном потому собственно, что обстоятельства не доставляли ему случая иметь столкновения с обществом, и поэтому он обретается в одиночестве, предпринимает продолжительные прогулки, в которых мечтает о подвигах и победах, какие так далеко ему не по силам. В открытом поле, с тросточкой в руке, он становится весьма красноречивым и в минуты увлечения, для поддер-

жания энергии, сбивает тросточкой верхушки летних растений. Таким образом он дает пищу своему воображению и бессознательно подготавливает себя к окончательному периоду зрелости, если только на него не будет падать посторонняя, неблагоприятно действующая тень.

Подобных юношей почти никто не ласкает, кроме разве матери, таким юношей был и Джонни Имс, когда его отправили из Гествика с тем, чтобы он начал общественную жизнь в обширной комнате одного присутственного места в Лондоне. Мы можем сказать, что около него не было ни одного молодого Аполлона. Но все же он был не без друзей – друзей, желавших ему всего хорошего и заботившихся о его благополучии. У него была сестра, которая от души его любила и которая вовсе не подозревала в нем юноши, вероятно потому, что сама была того же возраста и находилась в тех же отношениях к обществу. Мистрис Имс, их мать, была вдова, она жила в небольшом домике в Гествике, ее муж в течение своей жизни считался задушевным приятелем нашего сквайра. Это был человек, испытавший много несчастий, он начал земное свое поприще в изобилии, а кончил в нищете. Все свои дни он прожил в Гествике и, арендуя большой участок земли, убил много денег на опыты по части сельского хозяйства, впоследствии он занимал небольшой дом на самом краю города и умер там года за два до начала нашей истории. Ни с кем другим не жил мистер Дель в таких дружеских отношениях, как с Имсом. Когда мистер Имс скончался, мистер Дель добровольно принял на себя обязанности его душеприказчика и опекуна его детей. Он доставил Джонни Имсу место в коронной службе, которое молодой человек и занимал в настоящее время.

Мистрис Имс тоже всегда находилась в самых дружеских отношениях с мистрис Дель. Сквайр не имел особенного расположения к мистрис Имс, на которой муж ее женился, когда ему стукнуло за сорок лет. Своей привязанностью к этой бедной покинутой женщине мистрис Дель старалась заменить ту холодность и то равнодушие, которые оказывали ей в Большом доме. Мистрис Имс действительно была бедная, покинутая женщина, забытая даже при жизни мужа и убитая горем теперь, в своем вдовстве. В некоторых, более или менее серьезных случаях сквайр был добр для нее: устраивал ее денежные делишки, подавал советы насчет дома и дохода и, наконец, хлопотал об устройстве ее сына, но вообще при встрече с ней был весьма холоден и даже груб, так что бедная мистрис Имс всегда смотрела на него с подобострастием. Напротив того, мистрис Дель не боялась сквайра и иногда давала гествикской вдове советы, далеко не согласовавшиеся с понятиями сквайра. При таких отношениях той и другой стороны возникла дружба между Белл, Лили и молодым Имсом, та и другая сестрица приготовлялись объявить, что Джонни Имс был ее единственным любимым другом. Но все же они говорили о нем редко и даже с некоторой насмешкой, что очень обыкновенно в хорошеньких девушках, которые в числе своих друзей имеют юношей и которые присмотрелись уже к грациям Аполлона.

Здесь я должен сказать, что Джонни Имс, приехав в Лондон, был положительно и навсегда влюблен в Лили Дель. Он сотни раз и в самых трогательных выражениях объяснялся в своей страсти, но только самому себе. Он написал множество стихотворений и поэтических посланий к Лили и хранил их под двойным замком. Давая полную волю своему воображению, он льстил себя, что своими стихами мог бы одержать победу не только над Лили, но и над целым светом, и в то же время готов бы был скорее погибнуть, чем представить их человеческому глазу. В течение последних десяти недель своей жизни в Гествике, во время приготовления к лондонской карьере, Джонни часто заглядывал в Оллингтон, ходил туда пешком, возвращался тем же способом назад, и все напрасно. Во время этих прогулок он отдыхал в гостиной мистрис Дель, говорил очень мало и в разговоре обращался всегда к одной матери, а между тем каждый раз, отправляясь в дальнюю прогулку под знойными лучами солнца, он давал себе обещание непременно сказать несколько слов, по которым Лили могла бы догадаться, что он ее любит. При отъезде в Лондон слова эти остались невысказанными.

Джон Имс не думал еще просить руки Лили. Он начинал только жить на свете с восьмидесятью фунтами стерлингов в год жалованья и добавочными двадцатью фунтами из кошелька своей матери. Он очень хорошо понимал, что женатому человеку с такими средствами невозможно жить в Лондоне, и, кроме того, в душе своей сознавал, что человек, которому выпадет счастье жениться на Лили, должен приготовиться на доставление ей и комфорта, и неги, и роскоши. Он знал, что ему нельзя ожидать уверения в любви со стороны Лили, но, несмотря на то, считал возможным передать ей свое уверение. Конечно, такое уверение было бы напрасно. Луч истинной надежды только тогда и озарял его, когда он находился в поэтическом настроении духа. Он признавался самому себе, хотя и не совсем решительно, что перестал быть юношей, – неразвязным, молчаливым, незанимательным, с наружностью, как говорится, еще недошедшей или недоспелой. Джонни все это знал, как знал также, что в мире есть Аполлоны, которые того и гляди, что увезут Лили в своих блестящих колесницах. Тем не менее, однако же, он решил в своем уме, что, полюбив Лили однажды, должен был, как подобает истинному джентльмену, любить ее по гроб.

На прощание он сказал ей несколько слов, но в этих словах скорее выражалась дружба, а не любовь. Оставив Белл одну в гостиной, он вышел за Лили на поляну. Может статься, Лили понимала чувства юноши и на прощание хотела поговорить с ним ласково, даже более чем ласково. Любовь бывает иногда молчалива, но женщины умеют узнавать ее, и умеют так же безмолвно и вместе с тем очаровательно благодарить за то уважение, которым она сопровождается.

– Я пришел проститься, Лили, – сказал Джон Имс, настигнув Лили на одной из садовых дорожек.

– Прощайте, Джон, – сказала Лили, оглянувшись назад. – Вы знаете, как нам грустно расставаться с вами. Но что делать: вам необходимо ехать в Лондон, для вас это великое дело.

– Правда... да... я полагаю, хотя бы скорее я согласился оставаться здесь.

– Как можно! Остаться здесь и ничего не делать! Нет, вы бы не остались.

– Разумеется, я хочу заняться чем-нибудь. Я хочу сказать...

– Вы хотите сказать, что грустно расставаться с старыми друзьями? Уверю вас, при разлуке с вами мы все чувствуем это сами. Но у вас будет иногда и свободное время, которое доставит нам возможность увидеться с вами.

– Конечно, и тогда мы увидимся. Я думаю, Лили, мне приятнее было бы, чем с кем-нибудь, увидеться с вами.

– Ах нет, Джон. А наша мать, наша сестра?

– Да, правда, мать и сестра. Но я приду сюда в самый первый день моего приезда, – само собою разумеется, если это вам будет приятно.

– Нам всегда приятно вас видеть. Вы это знаете. Итак, милый Джон, желаю, чтобы вы были счастливы.

Слова эти произнесены были таким тоном, который совсем опрокинул бедного Джонни, или, вернее сказать, поставил его на ноги и заставил его говорить, но впоследствии сила этого тона ослабела и утратила свое могущественное действие.

– Вы мне этого желаете? – говорил он, держа ее руку в своей руке в течение нескольких счастливых секунд. – Позвольте же и мне пожелать вам быть вечно счастливыми. Прощайте, Лили.

Джонни Имс оставил ее и воротился в гостиную. Лили продолжала прогулку между деревьями и кустарниками и показалась в доме спустя полчаса времени. Скажите, много ли найдется девушек, которые имеют такого обожателя, – обожателя, который не в состоянии высказать им более того, что высказал Джонни Имс, который никогда не высказывает более того? А между тем, когда, спустя много лет, они вздумают припомнить имена всех, кто их любил, имя этого неразвязного юноши будет едва ли не первым.

Это прощание состоялось почти два года тому назад, Лили Дель была тогда семнадцати лет. После того Джон Имс только раз приезжал домой в течение четырехнедельного отпуска и часто посещал Оллингтон. Но он никогда не старался воспользоваться тем случаем, о котором я рассказал. Ему казалось, что Лили была холоднее к нему, чем в былые дни, да и сам он сделался перед ней застенчивее прежнего. Он заметил как-то, что осенью опять приедет в Гествик, но, говоря по совести, Лили Дель вовсе не обратила на это внимания, как будто ей было все равно, приедет он или не приедет. И то сказать, девицы в девятнадцать лет мало обращают внимания на обожателей – юношей двадцати одного года, если только юноша этот не будет представлять собою плода, воспользовавшегося для своей спелости выгодами какого-нибудь усиленного аппарата.

Любовь Джона Имса постоянно была искренна и горяча, она оживлялась и поддерживалась поэзией и откровенностью перед своим товарищем, таким же чиновником, как он сам, впрочем, не думайте, что в течение этих двух лет он оставался сентиментальным, мечтательным любовником. Может статься, что было бы лучше, если бы он взял на себя подобную роль. Совсем не то было на самом деле. Джон Имс бросил уже флейту, на которой до отъезда из Гествика научился выдувать три плачевные ноты, а на пятое или шестое воскресенье окончательно бросил свои одинокие прогулки по берегу канала, проведенного по Реджент-парку. Мечтать об отсутствующем предмете любви, бесспорно, очень приятно, но если пройти мили две по пустому берегу, мечтание это становится монотонным – воображение начинает рисовать картины удовольствий у тети Салли, в креморнских садах, и с тем вместе выдвигать на первый план финансовые вопросы. Не думаю, чтобы в это время какая-нибудь девушка осталась довольна настроением души своего обожателя, если бы она видела все, что происходило в этой душе.

– А что, Кодль, трудно попасть в клуб?

Вопрос этот был сделан в одну из воскресных прогулок Джоном Имсом близкому его приятелю, собрату чиновнику, настоящее имя которого было Кредль и который своими приятелями прозван был Кодлем.

– Попасть в клуб? Фишер, в нашем отделении, состоит членом какого-то клуба.

– Он член шахматного клуба. Но я говорю о настоящем клубе.

– О клубе аристократов или записных франтов, как, например, Вест-энд! – сказал Кредль, почти теряясь в изумлении при выражении такого желания своего приятеля.

– Зачем Вест-энд? Я не знаю, что может выиграть человек, слывя за записного франта. Но согласись, в доме мистрис Ропер ужасно скучно.

Мистрис Ропер, надобно сказать, было респектабельная леди, содержавшая в Буртон-Кресцент отдельные квартиры, она была отрекомендована мистрис Имс с отличной стороны, в то время когда последняя старалась приискать для своего сына спокойный и безопасный приют в семейном доме. На первый год своего пребывания в Лондоне Джон Имс жил совершенно одиноким в отдельной квартире, но результатами этой жизни было неудобство, одиночество и увы! значительный долг, падавший тяжелым бременем на бедную вдову. На второй год более спокойный и безопасный образ жизни оказывался необходимым. Мистрис Имс узнала, что мистрис Кредль, вдова адвоката, определив своего сына в управление по сбору государственных доходов, отдала его за попечение мистрис Ропер, и мистрис Имс, с множеством материнских просьб и увещаний, поручила своего сынка тому же самому попечению и надзору.

– А насчет посещения церкви? – спрашивала мистрис Имс.

– Ну уж, не знаю, мама, усмотрю ли за этим, – добросовестно отвечала мистрис Ропер. – Вы сами знаете, что молодые люди в этом случае не любят принуждения.

– Все же, мне кажется, они должны помнить церковь, – возразила мать, озабоченная новым образом жизни, в которой сыну ее предоставлялась полная свобода действовать по своему собственному усмотрению.

– Само собою разумеется, мама, что те, которые приучены к этому в молодости, будут сами исполнять этот долг без всякого принуждения.

– Ах, он приучен к этому, мистрис Ропер, уверяю вас. И пожалуйста, не давайте ему запасного ключа от уличных дверей.

– Как же я сделаю, если все они требуют его?

– Он не будет требовать, если вы скажете, что я этого не желала.

Мистрис Ропер согласилась, и Джонни Имс оставлен был на ее попечение. Он спросил запасный ключ, но мистрис Ропер отвечала, что ей не приказано выдавать под влиянием не совсем-то непогрешительной философии Кредля, он снова потребовал ключ и на этот раз получил. Мистрис Ропер всегда гордилась тем, что была благородна, как свое слово, не понимая, что кто-нибудь мог бы по справедливости потребовать от нее более того, чем она гордилась. Она отдала Джонни Имсу ключ, что, без сомнения, намерена была сделать гораздо раньше, мистрис Ропер хорошо знала свет и понимала, что молодые люди без запасного ключа не будут у ней жить.

– А я думал, что тебе веселее с той поры, как приехала сюда Амелия, – сказал Кредль.

– Амелия! Что мне за дело до Амелии? Кажется, Кредль, я тебе поверил все мои тайны, и после этого ты еще можешь говорить мне об Амелии Ропер?

– Ну, что ж такое, Джонни... – Кредль всегда называл его Джонни, и это название перешло с ним в место его служения. Даже Амелия Ропер не раз называла его этим именем. Однажды вечером ты так был любезен с ней, как будто Лили Дель не было и на свете.

Джонни Имс отвернулся и покачал головой. Несмотря на то, слова приятеля как-то приятно прозвучали в его ушах. Характер Дон Жуана имел свою прелесть в его воображении, ему приятно было, что мог доставить удовольствие Амелии Ропер пустыми, но звучными фразами, тогда как сердце его оставалось верным Лилиане Дель. И то еще надо заметить, что пустые фразы чаще говорила Амелия, чем он.

Мистрис Ропер была совершенно так же благородна, как ее слово, когда говорила мистрис Имс, что ее семейство состояло из нее, сына, служившего в конторе какого-то стряпчего, из старушки кузины, по имени мисс Спрюз, квартировавшей у нее, и мистера Кредля. Прекрасная Амелия не жила еще с ней, и свойство ее объяснения с мистрис Имс ни под каким видом не налагало на нее обязанности сообщать мистрис Имс, что эта молоденькая барышня, по всей вероятности, прибудет к ней в дом с наступающей зимой. Впоследствии она приняла к себе в качестве квартирантов мистера и мистрис Люпекс, так что дом мистрис Ропер сделался совершенно полным.

Надо также сказать, что Джонни Имс в минуту откровенности доверял Кредлю тайну второй, более слабой своей страсти к Амелия.

– Славная девушка, чертовски славная девушка! – говорил Джонни Имс, употребляя выражения, которым он выучился уже после того, как оставил Оллингтон и Гествик.

В свою очередь и мистер Кредль был почитателем прекрасного пола, и увя, как беспристрастный повествователь, я должен объявить, что в настоящую минуту предметом его почитания была мистрис Люпекс. Разумеется, при этом у него вовсе не было идеи оскорбить мистера Люпекса – человека, который занимался расписыванием декораций и хорошо знал свет. Мистер Кредль восхищался мистрис Люпекс не как обыкновенный смертный, но как любитель и знаток всего прекрасного.

– Клянусь небом, Джонни, как хороша эта женщина! – говорил он, когда в одно прекрасное утро оба молодых человека отправлялись в должность.

– Да, женщина видная.

– Я думаю! Сколько я понимаю в формах, – продолжал Кредль, – так эта женщина почти верх совершенства. Какой торс у нее!

Из этого выражения, а также из факта, что формы и вид мистрис Люпекс зависели весьма много от корсета и кринолина, можно, кажется, догадаться, что мистер Кредль очень мало понимал в формах.

– Мне кажется, что у нее не совсем прямой нос, – заметил Джонни Имс.

И действительно, нос мистрис Люпекс был кривоват. Это был длинный тонкий нос, который по мере того, как выдавался вперед, заметно уклонялся в левую сторону.

– Я не столько обращаю внимание на лицо, сколько на всю фигуру, – сказал Кредль. – И опять, у мистрис Люпекс прекрасные глаза, очаровательные глаза.

– К тому же она отлично хорошо умеет употреблять их в дело.

– Почему же и нет? Наконец, у нее такие чудные волосы.

– Только по утрам она никогда их не причесывает.

– А ты знаешь, мне очень нравится этот род дезабилье, – сказал Кредль. – Излишняя заботливость часто служит во вред.

– Все же, по моему мнению, женщина должна быть опрятна.

– Ну, можно ли подобные слова применять к такому созданию, как мистрис Люпекс! Я называю ее роскошной женщиной. Как очаровательна она была вчера вечером! Знаешь ли, мне кажется, что Люпекс обходится с ней чрезвычайно скверно. Вчера она сказала мне слова два, что... – И Кредль не договорил. Бывают секреты, которых мужчина не доверяет даже своему задушевному другу.

– А я так думаю совсем иначе.

– Как иначе?

– А так, что Люпексу самому весьма часто достается от мистрис Люпекс. Звук ее голоса иногда производят во мне дрожь.

– Мне нравится женщина с энергией, – сказал Кредль.

– Мне тоже нравится. Но энергия хороша в своем месте. Амелия сказывала мне... ты только, пожалуйста, никому не говори.

– Разумеется.

– Она сказывала, что Люпекс иногда бывает принужден убежать от нее. Он бежит в театр и остается там по два, по три дня сряду. Тогда она отправляется за ним, и ссорам в доме не бывает конца.

– Дело в том, что он пьет, – сказал Кредль. – Клянусь Георгом, мне всегда жаль женщину, у которой муж пьяница, особенно такую женщину, как мистрис Люпекс!

– Берегись, мой друг! Смотри, чтоб не попасть в западню.

– Не беспокойся, я знаю, что делаю, из-за хорошенькой женщины я не намерен потерять головы.

– А сердце?

– Сердце! у меня нет такой вещи. Я смотрю на женщину, как на картину или бюст. Разумеется, когда-нибудь женюсь и я, потому что мужчины женятся, но все же у меня нет идеи потерять себя за женщину!

– А я бы десять раз потерял себя за...

– За Лили Дель, – досказал Кредль.

– Да. Я все-таки знаю, что мне не видать ее, как своих ушей. Я веселый малый, люблю посмеяться, но скажу тебе, Кредль, что выйди она замуж, и тогда все со мной кончится, решительно все.

– Уж не думаешь ли ты перерезать себе горло?

– Нет, этого я не сделаю. Ничего подобного не сделаю, а все-таки я не жилец тогда на этом свете.

– Ты поедешь туда в октябре, почему бы не сделать ей предложения?

– С девяноста фунтами в год! (Признательное отечество ежегодно увеличивало жалованье Джонни по пяти фунтов стерлингов). С девяноста фунтами жалованья и двадцатью, которые получаю от матери!

– Она, я думаю, подождет. Я бы, право, сделал предложение. Любить девушку и оставаться в таком положении невыносимо тяжело.

– Еще бы! – сказал Джонни Имс.

В это время они подошли к дверям управления, и каждый отправился к своей конторке.

Из этого небольшого разговора можно себе представить, что хотя мистрис Ропер была благородна, как ее слово, но не была той женщиной, в которой мистрис Имс желала бы видеть ангела-хранителя для своего сына. Впрочем, надо правду сказать, для вдовьих сынков не так-то легко найти в Лондоне ангелов-хранителей за сорок фунтов стерлингов в год, выплачиваемых по четвертям года. Мистрис Ропер была несколько не хуже других женщин ее сорта. Она предпочитала респектабельных квартирантов нереспектабельным, если бы только могла найти таких в то время, когда они требовались. Мистер и мистрис Люпекс едва ли подходили под этот разряд, и когда мистрис Ропер отдавала им просторную лицевую спальню за сто фунтов в год, она знала, что сделала нехорошо. Она беспокоилась также о своей дочери Амелии, которой перешло уже за тридцать лет. Амелия была очень умная молодая женщина, занимавшая до этой поры должность первой молоденькой леди в одном модном магазине в Манчестере. Мистрис Ропер знала, что мистрис Имс и мистрис Кредль не захотели бы, чтобы сыновья их сблизились с ее дочерью. Но что же станете делать? Не могла же она отказать в приюте родной своей дочери, а между тем сердце ее чуяло что-то недоброе, когда она увидела, что ее Амелия кокетничает с молодым Имсом.

– Я хочу, Амелия, чтобы ты поменьше говорила с тем молодым человеком.

– Что с вами? Мама!

– Да, я этого требую. Если ты будешь так себя вести, то лишишь меня обоих жильцов.

– Так себя вести! Да если джентльмен заговорит со мной, то неужели я должна молчать?

Сделайте одолжение, я знаю, как вести себя.

И она вздернула свою головку.

Мать замолчала, она боялась своей дочери.

Глава V О ЛИЛИАНЕ ДЕЛЬ

Аполлон Кросби выехал из Лондона в Оллитон 31 августа, намереваясь провести там четыре недели, с тем чтобы подкрепить свои силы двухмесячным отдохновением от служебных занятий, остальное время не получило еще назначения, где его провести: не было еще определенного плана. Приглашения гостеприимства деланы были мистеру Кросби дюжинами. Двери леди Хартльтон в Шропшейре были открыты для него во всякое время, графиня де Курси приглашала его присоединиться к ее свите в Курси-кэстле. Его особенный друг, Монгомери Доббс, имел поместье в Шотландии, где собралась партия любителей кататься на яхтах и где в присутствии Кросби оказывалась существенная потребность. Но мистер Кросби не принял ни одного из этих приглашений, оставляя Лондон, он не имел в виду для начала своей поездки другого места, кроме Оллингтона. Первого октября мы будем также находиться в Оллингтоне вместе с Джонни Имсом и встретимся с Аполлоном Кросби – разумеется, ни под каким видом, к удовольствию нашего приятеля из управления сбора государственных доходов.

Джонни Имса нельзя назвать несчастным в отношении его каникул, ему должно было уехать из Лондона в октябре месяце, в течение которого не многим хотелось бы признаться, что остаются в городе. С своей стороны, я предпочитаю май, как лучшее время для вакаций, но ни один лондонец не захочет выехать из Лондона в мае месяце. Молодой Имс хотя и жил в Буртор-Кресценте и не имел еще никакой связи с Вест-эндом, но, как говорится, выучил уже свой урок по этой части.

– Эти господа в большом зале хотят, чтобы я взял май, – говорил он своему другу Кредлю. – Пора бы, кажется, перестать им думать, что я новичок.

– Это скверно, – заметил Кредль. – Можно ли просить человека, чтобы он взял отпуск в мае? Я бы никогда этого не сделал... и, что еще более, никогда не сделаю. Я обратился бы прежде в совет.

Имс избавился этой необходимости и успел получить отпуск на октябрь, который из всех месяцев ценился чрезвычайно дорого для каникулярных целей.

– Завтра вечером я отправляюсь с почтовым поездом, – говорил Джонни Амелии Ропер накануне своего отъезда.

В эту минуту он сидел один с Амелией в задней гостиной мистрис Ропер. В лицевой гостиной Кредль беседовал с мистрис Люпекс, вместе с ними сидела мисс Спрюз, и потому, надо полагать, мистеру Люпексу не представлялось ни малейшего повода к ревности.

– Да, – сказала Амелия. – Я понимаю, с каким нетерпением вы ожидаете минуты, когда отправитесь в это очаровательное местечко. Нельзя и ожидать, чтобы вы, торопясь туда, промедлили хоть один часочек в Буртон-Кресценте.

Амелия Ропер была высокая, хорошо сформированная молодая женщина, с черными волосами и черными глазами, не красива собой, потому что имела толстый нос и одутловатую нижнюю часть лица, несмотря на то, она не лишена была некоторой женской привлекательности. Глаза ее были светлые, но с тем вместе и лукавые. Она умела довольно приятно говорить и весьма неприятно браниться, умела иногда принимать на себя вид кроткой голубки, с гладенькими перьями, но иногда перья эти взъерошивались, и голубка принимала грозный вид ястреба. Я совсем было приготовился сказать, что Джонни Имс старался держать себя как можно дальше от Амелии Ропер, но известно, что молодые люди делают иногда такие вещи, каких бы не следовало делать!

– Пробыв двенадцать месяцев в Лондоне, я думаю, всякому приятно повидаться с близкими сердцу, – сказал Джонни.

– С близкими сердцу, мистер Имс! Кто же эти близкие? Вы думаете, я не знаю?

– Да нет. Думаю, что не знаете.

– Л. Д! – сказала Амелия, показывая, что о Лили говорено было между молодыми людьми, которым Лили никогда бы не позволила услышать свое имя. Но, может статься, в Буртон-Кресценте только и были известны эти две заглавные буквы. Самый тон голоса, которым они были произнесены, ясно показывал, что Амелия сомневалась даже в действительности их существования.

– Л. С. Д.¹, – сказал Джонни, разыгрывая роль остроумного, веселого молодого повесы. – В этих буквах заключается вся моя любовь: фунты, шиллинги и пенсы, и как скромна избранница моего сердца!

– Перестаньте, сэр. Пожалуйста, не говорите мне такого вздора. Как будто я не знаю, кому принадлежит ваше сердце. И какое право имели вы говорить мне, что любили какую-нибудь Л. Д. там, в провинции.

В защиту бедного Джонни Имса надобно сказать, что он никогда не имел с Амелией таких разговоров, которые бы давали повод употреблять подобного рода выражения. Но дело в том, что он написал к ней роковую записку, о которой мы будем говорить в непродолжительном времени, а это хуже всяких разговоров.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Джонни. Но этот смех был принужденный, вызванный не без усилия.

– Смейтесь, смейтесь! Для вас это смешно. Мужчине легко смеяться при подобных обстоятельствах – это доказывает, что у него вовсе нет сердца или вместо сердца у него лежит в груди камень. Я знаю, что некоторые мужчины сделаны совершенно из камня – их не тревожат никакие чувства.

– Чего же вы хотите от меня? Вы показываете вид, как будто все знаете, и с моей стороны было бы неучтиво не сделать вам возражения.

– Чего я хочу? Вы знаете очень хорошо, чего я хочу, или, лучше сказать, я ничего не хочу. И что мне такое Л. Д.? Ровно ничего. Вы можете ехать в Оллингтон и делать, что вам угодно. Только мне противны поступки подобного рода.

– Какие поступки, Амелия?

– Какие поступки! Послушайте, Джонни, я не позволю никакому мужчине делать из меня дурочку. Когда я приехала сюда три месяца тому назад... и, право, лучше бы мне не приезжать... – Амелия сделала паузу в ожидании от Джонни какой-нибудь нежности, но так как нежность эта не являлась к ней на помощь, то она продолжала: – Когда я приехала домой, я не надеялась встретить во всем Лондоне мужчину, который бы мог заставить меня думать о нем, – решительно не надеялась. Теперь вы уезжаете отсюда и не хотите сказать мне ласкового слова.

При этом Амелия вынула из кармана носовой платок.

– Что могу я сказать вам, если вы все это время браните меня?

– Браню вас! Я браню вас! Нет, Джонни, я и не думала бранить вас. Если между нами все должно кончиться, скажите слово, и я оставлю этот дом до вашего возвращения. У меня нет от вас секретов. Я могу воротиться к моему ремеслу в Манчестер, хотя оно далеко не соответствует моему происхождению, не соответствует моему воспитанию. Если Л. Д. для вас дороже, чем я, я не буду заслонять вам дороги. Скажите только одно слово.

Если Л. Д. дороже ему, чем Амелия Ропер? Вдесятеро дороже! Л. Д. была для него все, а Амелия Ропер хуже, чем ничто. Все это он чувствовал в эту минуту, всеми силами старался заручиться достаточным количеством мужества, чтобы выйти из неприятного положения.

¹ L. C. D. – Эти буквы приняты у англичан для означения фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов. – *Примеч. пер.*

– Скажите слово, – повторила она, вставая с места. – И все между вами и мной будет кончено. Я получила ваше обещание, но не захочу им воспользоваться. Если Амелия Ропер не заняла вашего сердца, она не захочет принять вашей руки. Я только жду вашего ответа.

Казалось, что ему предлагали самый легкий способ отделаться, но такая леди, как Амелия, вероятно, знала, что предлагаемый ею способ не мог быть легким для такого мужчины, как Джонни Имс.

– Амелия, – сказал он, оставаясь на месте.

– Что прикажете, сэр?

– Вы знаете, я вас люблю.

– А что вы скажете насчет Л. Д.?

– Если вам угодно верить всякому вздору, который наскочит Кредль, то я помочь ни чем не могу. Если вам угодно ревновать меня к двум буквам, то вина не моя.

– Так вы меня любите? – спросила она.

– Без сомнения, люблю.

Выслушав эти слова, Амелия бросилась в объятия Джонни.

По всей вероятности, мисс Спрюз видела всю эту сцену, потому что двери в соседнюю комнату были не совсем притворены и она сидела как раз насупротив их. Но мисс Спрюз была молчаливая старая леди, в ней трудно было возбудить чувство удивления или восхищения, а так как она прожила с мистрис Ропер более двенадцати лет, то, весьма вероятно, хорошо ознакомилась с образом действий ее дочери.

– И вы будете верны мне? – спросила Амелия в минуту объятия. – Верны мне навсегда?

– О, да, тут не может быть и сомнения, – отвечал Джонни Имс.

Амелия освободила его из объятия и вместе с ним вышла в гостиную.

– Как я рада, мистер Имс, что вы пришли сюда, – сказала мистрис Люпекс. – Здесь мистер Кредль говорит такие странные вещи.

– Странные вещи! – возразил Кредль. – Мисс Спрюз, обращаюсь к вам, говорил ли я что-нибудь странное?

– Если и говорили, сэр, то я не заметила, – отвечала мисс Спрюз.

– А я так заметила, – сказала мистрис Люпекс. – Холостому человеку, как мистер Кредль, нет никакой надобности знать, чепчик ли носит одна замужняя леди или одни природные волосы. – Как вы думаете мистер Имс?

– Право, не знаю, – отвечал Джонни.

– Да и нельзя вам знать, – продолжала замужняя леди. – Нам всем известно, на чем сосредоточено ваше внимание. Если вам придется надеть чепчик, то кто-нибудь очень скоро заметит разницу, – не правда ли мисс Спрюз?

– Совершенная правда, – отвечала мисс Спрюз.

– Если б я могла казаться в чепчике такой же хорошенькой, как вы, мистрис Люпекс, я бы завтра же его надела, – сказала Амелия, не хотевшая в настоящую минуту ссориться с замужней леди. Бывали, однако же, случаи, при которых мистрис Люпекс и мисс Ропер далеко не были так любезны друг к другу.

– А вашему мужу нравятся чепчики? – спросил Кредль.

– Ему все равно, если бы я носила на голове вместо чепчика шлем с куриными перьями, даже если бы я совсем не носила головы. Вот что значит быть замужем. Советую вам, мисс Ропер, остаться в настоящем своем положении, хотя бы через это и сокрушалось чье-нибудь сердце. Не правда ли, мисс Спрюз?

– О, что касается до меня, то я уже старая женщина, вы знаете, – сказала мисс Спрюз, и сказала совершенную истину.

– И я, право, не вижу, что выигрывает женщина через замужество, – продолжала мистрис Люпекс. – Мужчина – дело другое, он выигрывает все. Он один знает, как ему жить, пока не приищется женщину, которая бы ему помогала.

– А разве любовь у нас идет ни за что? – спросил Кредль.

– Любовь! Я не верю в нее. Мне казалось, что я когда-то любила, но что же из этого вышло? И теперь вот мистер Имс, мы все знаем, что он влюблен.

– Во мне чувство это весьма натурально, мистрис Люпекс. Я родился, чтобы любить, – сказал Джонни.

– И вот также мисс Ропер, хотя бы так свободно и не следовало говорить о барышне, но почему же не допустить, что и она влюблена.

– Говорите, пожалуйста, о себе, мистрис Люпекс, – сказала Амелия.

– Мне кажется, я ничего худого не сказала. Напротив, если вы не влюблены, то у вас весьма черствое сердце, если бы явился человек с искренней любовью к вам, я уверена, вы бы его не оттолкнули от себя. Ах боже мой, кажется, это шаги Люпекса? Что может принести его домой в такую пору? Если он пьян, то верно явится сердитый, как зверь.

Мистрис Люпекс вышла в другую комнату, и приятная беседа нарушилась.

Нельзя не сказать, что ни мистрис Кредль, ни мистрис Имс не поместили бы своих сыновей в Буртон-Кресценте, если бы знали, каким опасностям подвергались молодые люди. Тот и другой были ветрены, и при этом каждый из них ясно видел ветреность другого. Не далее как за неделю Кредль весьма серьезно предостерегал молодого своего друга против хитростей мисс Ропер.

– Клянусь Георгом, Джонни, ты запутаешься с этой девочкой.

– Надобно же когда-нибудь испытать и это удовольствие, – сказал Джонни.

– Да, но, пожалуй, можно дойти до того, что потом и не выпутаешься. Я не понимаю, где ты был и в своем ли был ты уме, давая письменное обещание жениться на ней?

Бедный Джонни не отвечал на это тотчас, хотя Амелия действительно владела таким документом.

– Где я был? – спросил Джон. – Конечно, в числе нарушающих обещание.

– Или в числе жертв брачного союза. Мне кажется, что если ты дал такое обещание, то должен его выполнить.

– Быть может, и выполню, – сказал Джонни. – Впрочем не знаю. Надо еще подумать, что человеку следует делать в подобном случае.

– Однако между вами ничего такого не было?

– О, нет!

– Будь я за твоим месте, Джонни, я бы ее бросил. Оно, конечно, интрига – вещь приятная, но вместе с тем и опасная. Ну, что было бы теперь с тобой, если бы такая госпожа была твоей женой?

Таковы были предостережения Кредля, которые он давал своему другу. В свою очередь, Имс, отправляясь в Оллингтон, отвечал приятелю тем же участием. Они вместе отправились на станцию железной дороги, и там, прохаживаясь взад и вперед по дебаркадеру, Джонни предлагал свой совет:

– Послушай, Кодль, дружище, ведь ты наживешь себе хлопот с этой мистрис Люпекс, если не остережешься.

– Я буду осторожен. Поверь, что нет ничего безопаснее, как маленькая интрига с замужней женщиной. Разумеется, ты не думай, между ней и мной нет ничего такого.

– Я вовсе об этом не думаю. Но она постоянно говорит, что муж ее ревнив, а если он расходится, то может выйти скверная история.

Кредль, однако же, думал, что тут не было ни малейшей опасности. Его любовь к мистрис Люпекс была чисто платоническая и беспорочная. Что касается до того, чтобы зайти далеко в

этой интриге, его правила, как он уверял своего приятеля, были слишком благородны. Мистрис Люпекс была женщина с талантом, ее, казалось, никто не понимал, и потому он находил некоторое удовольствие в изучении ее характера. Да, это было одно лишь изучение характера, и больше ничего. Друзья разлучились, и вечерний поезд увез Имса в Гествик.

Нет надобности описывать, как мать встретила его в четыре часа утра, как радовалось материнское сердце при виде усовершенствований в своем детище, при виде возмужалости, который придавали ему бакенбарды. Многие атрибуты юноши уже отпали от него, и даже сама Лили Дель созналась бы, по всей вероятности, что он уже не мальчик. Все, конечно, было бы хорошо, если бы только он, отбросив от себя все ребяческое, усвоил что-нибудь другое, лучше ребяческого...

В самый первый день своего приезда Джонни отправился в Оллингтон. На этот раз он шел туда не пешочком, как это случалось в былые счастливые дни. Ему пришла идея, что неприлично было бы явиться в гостиную мистрис Дель с дорожной пылью на сапогах и следами солнечного зноя на лице. Поэтому он нанял лошадь и поехал верхом, немало гордясь шпорами, купленными в Пикадилли, и лайковыми перчатками, только что с иголки. Но увы! Я боюсь, что два года, проведенные в Лондоне, не сделали особенных улучшений в Джонни Имсе, а между тем мне нужно сознаться, что Джонни Имс один из героев моего рассказа.

При входе в гостиную мистрис Дель Джонни застал хозяйку дома и ее старшую дочь. Лили в эту минуту не было, и Джонни, поздоровавшись, само собою разумеется, спросил об ней.

– Она в саду, – сказала Белл. – Она придет сию минуту.

– Лили пошла с мистером Кросби в Большой дом, – заметила мистрис Дель. – Но она там не останется. Она обрадуется вашему приезду, Джонни. Мы все ждали вас сегодня.

– В самом деле? – спросил Джонни, сердце которого при имени мистера Кросби обдало холодной ключевой водой.

С той минуты, когда приятели расстались на дебаркадере железной дороги, Джонни мечтал об одной Лилиане Дель, и уверяю всех леди, которым вздумается прочесть мою повесть, что искренность его любви к Лили не сбросила с себя ни одного перышка в течение этой не совсем непорочной связи между ним и мисс Ропер. Я боюсь, что мне не поверят, но это было так. Сердце Джонни постоянно принадлежало Лили, хотя он и позволил такому созданию, как Амелия Ропер, вынудить от себя признание в любви. Всю ночь и все утро он мечтал о встрече своей с Лили – и вдруг теперь слышит, что она одна провожает незнакомого джентльмена. Он слышал, что мистер Кросби был джентльмен, и притом весьма фешенебельный, больше этого он ничего не знал о нем. Почему же мистеру Кросби позволялось делать прогулки с мисс Лили Дель? И почему мистрис Дель говорит об этом обстоятельстве как о деле весьма обыкновенном? Тут была какая-то тайна, которая, однако ж, разъяснилась очень скоро.

– Я уверена, что Лили не рассердится, если я скажу такому близкому другу, как вы, что она объявлена невестой, – сказала мистрис Дель. – Она выходит замуж за мистера Кросби.

Приток холодной ключевой воды, которым обдало сердце Джонни, поднялся до самой головы и отнял у него способность говорить. Лили Дель объявлена невестой, она выходит замуж за мистера Кросби! Джонни звал, что ему следовало бы сказать что-нибудь при таком известии, знал, что несколько секунд молчания высказывали его тайну сидевшим перед ним двум женщинам – тайну, которую бы теперь надлежало скрыть от целого мира. А между тем он не мог говорить.

– Мы все весьма довольны этой партией, – сказала мистрис Дель, желая пощадить молодого человека.

– Ничего не может быть прекраснее мистера Кросби, – прибавила Белл. – Мы часто говорили о вас, и он будет рад познакомиться с вами.

– Ему теперь не до меня, – сказал Джонни, и даже теперь при этих ничего не выражающих словах – словах, которые он произнес потому, что нужно же было что-нибудь сказать, – тон его голоса был ненормальный. Он отдал бы весь мир, чтобы в этот момент быть господином самого себя, но чувствовал себя совершенно побежденным.

– А вон и Лили идет по поляне, – сказала мистрис Дель.

– Так я лучше уеду, – сказал Имс. – Не говорите ничего обо мне, прошу вас.

И Джонни, не ожидая ответа, ушел из гостиной.

Глава VI ПРЕЛЕСТНЫЕ ДНИ

Я знаю, что до сих пор не описал еще Белл и Лилианы Дель, как знаю и то, что, чем дальше буду откладывать это описание, тем более встретится трудностей. Я бы желал, чтобы читатели без всякого описания удовольствовались сведением, что это были две хорошенькие блондинки, из коих Белл была выше ростом и прекраснее, между тем как Лили не только так же хороша собой, как и сестра, но еще привлекательнее.

Это были блондинки, похожие одна на другую, их портрет у меня перед глазами, но я боюсь, что не в состоянии буду передать читателям верную копию. Они имели рост несколько менее обыкновенного, стройный стан, тонкую талию. Лили была пониже, но разница была так ничтожна, что когда смотреть на них отдельно, то разница была незаметна. Упомянув, что Белл была красивее, я, быть может, выразился бы вернее, если бы просто сказал, что ее черты были правильнее, чем у сестры. Обе девочки были до того блондинки, что самый легкий румянец, облегчавший белизну их лица, был едва заметен. Этот румянец все-таки говорил о их здоровье, тогда как совершенное его отсутствие обличило бы настоящую или будущую болезнь. Волосы сестер и по цвету, и по локонам были так похожи, что никто, даже мать, не могла бы сказать, что в них есть какая-нибудь разница. Это были волосы не совсем льняного цвета, но все-таки очень светлые. Не подходили они и под светло-каштановый цвет, а между тем в них заметен был золотистый оттенок, придававший им особенный блеск. Впрочем, у Белл они были гуще, чем у Лили, и потому Лили постоянно жаловалась на свои локоны и постоянно восхищалась локонами своей сестры. Несмотря на то, головка Лили была так же мила, как у сестры, совершенство ее формы и простота прически, которую они носили, не требовали никаких дополнений. Глаза их были светло-голубые, но глаза Белл были продолговаты, кротки и нежны, так что она редко решалась приподнимать их на чье-нибудь лицо, между тем как глаза Лили были круглее и светлее, и в них редко не доставало смелости смотреть на чтобы им ни вздумалось. Лицо Лили не имело такой совершенно овальной формы, как у сестры. Облик лица, мне кажется, был совершенно одинаков, только у Белл подбородок отличался большею правильностью и нежностью, зато он ничем другим не был отмечен, тогда как на подбородке сестры ее была ямочка, которая вполне дополняла в красоте его всякий другой недостаток. Зубы Белл были ровнее, и потому, быть может, она чаще их показывала. Губы ее были тоньше и, надо сказать, менее выразительны. Нос, по своей красоте, был более правильный, а нос Лили несколько шире, чем бы следовало ему быть. Из всего этого можно заключить, что Белл считалась в семействе красавицей.

Впрочем, в общем впечатлении, производимом этими девушками, и во всей их наружности было что-то более одной красоты их лиц или грации их фигуры. В обращении их обнаруживались достоинство, чуждое всякой натянутости или гордости, и девственная скромность без малейшего кокетства. Эти две девушки никогда не боялись мужчин, никогда не показывали вида, что они их боятся. Впрочем, не было и повода к подобной боязни. Быть может, на долю которой либо из них выпадет дурное обращение мужчины, но отнюдь не оскорбление. Лили, как уже читатели, вероятно, заметили, была очень бойка и игрива, но в своей игривости она держала себя так, что едва ли кто позволил бы себе забыть о дани уважения, которая неотъемлемо ей принадлежала.

Теперь же, когда Лили Дель объявлена невестой, дни ее игривости должны кончиться. Приговор этот отзывается грустью, но он справедлив. А когда я думаю, что он справедлив, когда я вижу, что резвость, смех и игры девического возраста должны прекратиться, когда девушка должна навсегда распрощаться со всеми невинными удовольствиями этого возраста,

мне невольно становится жаль, что прекрасный пол всегда так торопится с замужеством. К облегчению такого недуга, если только можно назвать его недугом, нет никакого средства. Впрочем, в этом недуге поспешность проявляется не собственно к супружеству, но к любви. А лишь только пробудится любовь, супружество становится почти неизбежным, и затем начало недуга.

Итак, Лили предстояло выйти замуж за Адольфа Кросби – за Аполлона Кросби, как она в шутку называла своего жениха, позволяя, впрочем, эту шутку только своему собственному слуху. Для нее он был действительно Аполлоном, каким должен быть любимый мужчина в глазах любящей его девушки. Он был красив, грациозен, умен, самоуверен и всегда весел, когда вызывали его на веселость. Бывали и у него серьезные минуты, и он умел говорить с своей невестой о предметах серьезных. Он читал для нее и объяснял вещи, которые до этой поры были слишком трудны для ее молодого понимания. Его голос был тоже очень приятен, и Кросби умел им управлять, голос этот был патетичен там, где требовался пафос, а иногда звучал таким смехом, как смех самой Лили. Неужели же подобный человек не способен быть Аполлоном для такой девушки, которая призналась самой себе, что полюбила его всю силою своей души?

Она призналась в этом не только себе, но и ему, как, может статься, нисколько не медля скажет читатель. С своей стороны, мы заметим, что в деле этом не требовалось особенной медленности. Этим делом восхищался весь свет. Когда Кросби, в качестве друга Бернарда, явился в Оллингтон, то в первые же дни, как это всем казалось, обратил на Белл особенное внимание. Белл, в свою очередь, скромно заметила это, не сказав, однако ж, никому ни слова и думая сама об этом очень мало. Сердце Лили было свободно в то время. Первая тень крыльев любви не пронеслась еще над ее непорочным сердцем. Совсем не то было с Белл – совсем не то было, в строгом смысле этого выражения. История Белл тоже должна быть рассказана, но не на этой странице. Прежде чем Кросби сделался коротким знакомым, Белл положила в душе своей, что любовь, которую она питала, должно победить, должно уничтожить. Мы можем сказать, что она была побеждена и уничтожена и что Белл нисколько бы не согрешила, выслушав признание и клятвы от этого нового Аполлона. Грустно подумать, что такой человек мог полюбить и ту и другую девушку, а между тем, я должен признаться, это было действительно так. Аполлон, при полноте своего могущества, скоро переменял намерение и прежде, чем кончился его первый визит, перевел свою слабую преданность, в которой признавался, с старшей сестры на младшую. В качестве гостя сквайра он еще раз приехал в Оллингтон на более продолжительное время и к концу первого месяца своего пребывания был принят в Малом оллингтонском доме как будущий супруг Лили.

Надо было видеть и любоваться переменной обращенности Белл к Кросби и к своей сестре, лишь только она заметила оборот, который приняло дело. И немного требовалось времени, чтобы заметить это, стоило только уловить первые проблески идеи в тот вечер, когда Лили и Белл обедали в Большом доме, оставив дома свою мать распоряжаться с горохом. В течение шести- или семинедельного отсутствия Кросби Белл откровеннее своей сестры говорила о нем. Она находилась при прощании с Кросби и слышала, с какой горячностью объявил он Лили, что снова возвратится в Оллингтон в непродолжительном времени. Лили выслушала слова мистера Кросби очень спокойно, как будто они до нее вовсе не касались, но Белл видела в них истину и, веря в Кросби как в истинно благородного человека, всегда отзывалась о нем с особенным чувством, стараясь поддержать расположение к любви, которое могло образоваться в груди Лили.

- Но ведь ты знаешь, он такой Аполлон, – говорила Лили.
- Я знаю, что он джентльмен.
- Разумеется, неджентльмен не может быть Аполлоном.
- И к тому же он очень умен.

– Я полагаю.

О том, что он ни более ни менее как клерк, не было и помину. В этом отношении Лили совершенно переменила свой образ мыслей. Джонни Имс тоже был клерк, между тем как Кросби если его и надо называть клерком, то он был клерк особенного рода. Между одним клерком и другим может быть огромная разница! Клерк государственного совета и клерк какого-нибудь прихода – две весьма различные особы. Лили крепко держалась этой идеи, всеми силами стараясь придать Кросби более высокое значение в правительственной службе.

– Я бы желала, чтобы он не приезжал, – говорила мистрис Дель старшей дочери.

– Мне кажется, мама, вы ошибаетесь.

– Но если она полюбит его, и потом...

– Лили никогда не полюбит человека, если он не подаст к тому благоразумного повода.

А если она нравится ему, то почему бы им не сблизиться?

– Она еще так молода, Белл.

– Ей девятнадцать лет, если они будут обручены, то год-другой могут подождать. Впрочем, мама, нехорошо говорить в этом духе. Если вы запретите Лили подавать ему надежды, она не будет с ним говорить.

– Я в это дело не думаю вмешиваться.

– И прекрасно, мама. Пускай оно идет своим чередом. Что до меня, то мне очень нравится мистер Кросби.

– Мне тоже, душа моя.

– И дяде он нравится. А я бы не хотела, чтобы Лили выбрала себе мужа не по нраву дяди.

– Не следует.

– Согласитесь, что ведь очень важно, если выбор ее будет ему нравиться.

В таком роде бывали беседы между матерью и старшей дочерью. Но вот приехал мистер Кросби, и, прежде чем прошел первый месяц, признание его в любви к Лили подтвердило основательность предположения сестры. Сквайр с первого же раза объявил себя довольным этой партией, дав знать мистрис Дель с обычной холодностью, что мистер Кросби – джентльмен, располагающий доходом весьма достаточным, чтобы жить семьянином.

– Его дохода едва ли будет достаточно для семейной жизни в Лондоне, – сказала мистрис Дель.

– Он имеет больше, чем имел при женитьбе мой брат, – заметил сквайр.

– О, если бы только он мог доставить ей столько же счастья, сколько доставил мне ваш брат... хоть это счастье было так скоротечно! – проговорила мистрис Дель, отвернув лицо, чтобы скрыть выступавшие слезы.

После этого между сквайром и его невесткой ничего больше не было говорено о предстоящей будущности молодых людей. Сквайр не говорил ни слова о денежном вспомоществовании, даже не намекнул о готовности своей благословить молодых людей на новую жизнь, как следовало бы родному дяде сделать в подобном случае. Само собою разумеется, и мистрис Дель ничего не сказала по этому предмету. Сквайр ни под каким видом не хотел открывать мистрис Дель своих намерений. Положение было неприятное, это понимала та и другая сторона.

Бернард Дель все еще находился в Оллингтоне и оставался там во все время отсутствия Кросби. Все, что мистрис Дель хотела бы высказать, вероятно, было бы ему высказано, если бы Бернард не оставался таким же замкнутым, как и дядя. Кросби, по возвращении своем, большую часть времени проводил с Бернардом, и, весьма естественно, между ними происходили откровенные разговоры о двух девушках, причем Кросби старался показать своему приятелю, что его расположение к Лили становится более чем обыкновенным.

– Я полагаю, тебе известно желание моего дяди, чтобы я женился на старшей кузине, – говорил Бернард.

– Я уж давно догадался.

– И мне кажется, что брак наш состоится. Она миленькая девушка и хороша, как золото.

– Да, правда.

– Не притворяясь, скажу, что влюблен в нее. Притворяться не в моем характере. На днях, может статься, сделаю ей предложение и надеюсь, что оно будет принято. Сквайр положительно обещал мне восемьсот фунтов из доходов своего поместья и, сверх того, содержать нас в течение трех месяцев ежегодно, если мы этого пожелаем. Я наотрез ему сказал, что меньше взять не могу, и он согласился.

– Ты, кажется, с ним в хороших отношениях.

– Еще бы! Между нами никогда не выходило каких-нибудь вздоров из-за родственной любви, обязанности и т. п. Мы понимаем друг друга, и этого достаточно. Он находит удовольствие быть в хороших отношениях с своим наследником, а я нахожу удовольствие сочувствовать ему.

По моему мнению, надо допустить, что в словах Бернарда Деля было много здравого смысла.

– Что же он сделает для младшей сестры? – спросил Кросби. – При этом вопросе внимательный наблюдатель заметил бы в его голосе легкое волнение.

– Гм! Ничего не могу сказать тебе по этой части. На твоём месте я бы спросил его. Дядя мой – прямой человек и любит делать все напрямик.

– Нельзя, кажется, нельзя. Я уверен, однако же, что он ни под каким видом не отпустит ее с пустыми руками.

– И я так думаю. Однако помни, Кросби, я ничего не могу сказать тебе, на что ты должен рассчитывать. Лили тоже хороша, как золото, и если ты любишь ее, я на твоём месте спросил бы дядю, – так, знаешь, в нескольких словах, – что намерен он сделать для нее. Хотя это и послужит в ущерб моим интересам, потому что каждый шиллинг, который он подарит Лили, пойдет из моего кармана, но, ты знаешь, я не такой человек, чтобы думать об этом.

Не станем разбирать, какой был взгляд у Кросби на вещи подобного рода, но можем сказать, что для него решительно было все равно, из чьего бы кармана ни выходили деньги, лишь бы только попадали в его собственный. Когда Кросби вполне уверился в любви Лили, то есть когда получил от нее позволение переговорить с дядей и обещание Лили переговорить с своею матерью, он объявил сквайру свое намерение. Кросби сделал это откровенно и благородно, сделал как человек, который, требуя многого, предлагал с своей стороны тоже немалое.

– Ничего не могу сказать против этого, – отвечал сквайр.

– Я должен же, однако, получить ваше позволение жениться на ней.

– Зачем же, если на это согласны она и ее мать: я думаю, вам известно, что я не имею над ней никакой власти.

– Она не выйдет замуж без вашего благословения.

– Лили очень добра, если оказывает такое уважение к дяде, – сказал сквайр, и слова его прозвучали в ушах Кросби оледеняющим холодом.

Кросби ничего еще не говорил о деньгах, боясь начать подобный разговор, как он сознавался в этом самому себе. И какая была бы польза? – говорил он про себя, желая извинить себя в том, что считал слабой стороной своего характера. Если сквайр и откажет дать ей какой-нибудь шиллинг, то во всяком случае я не могу теперь отступить от своего намерения. Потом в уме его мелькнула мысль о несправедливости мужчин в деле женитьбы. Без предварительного осведомления о состоянии невесты мужчина не должен бы делать предложения, но если он его сделал, то подобного рода осведомления бесполезны. Это размышление некоторым образом отравляло его счастье. Лили Дель действительно очень мила, очень хороша, столько свежести в ее невинности, непорочности и быстром понимании. Никакое удовольствие не может быть восхитительнее любви к Лили Дель. Ее очаровательные ласки к нему, без всякой лести и натянутости, уносили Кросби на седьмое небо. «Вы можете быть уверены в этом, – говорила

она. – Я вас люблю всем моим сердцем, всеми силами моей души». Как восхитительно! Но чем же они будут жить? Неужели ему, Адольфу Кросби, придется поселиться где-нибудь в самой отдаленной части Лондона, как женатому человеку, с восемьюстами фунтами годового дохода? Если сквайр будет так же добр к Лили, каким он обещал быть к Белл, то, может быть, дела устроятся сами собою.

Для полноты счастья Лили ничего подобного не представлялось. Ее идеи о деньгах были очень смутны, но с тем вместе и очень основательны. Зная, что у нее их не было, она относилась к обязанности мужа найти, что окажется необходимым. Она знала, что у нее не было денег, и потому знала также, что ей не следует ожидать особенной роскоши в небольшом хозяйстве, которое должно быть для нее приготовлено. Она надеялась, собственно, для своего мужа, что дядя сделает какое-нибудь вспомоществование, но в то же время вполне приготовилась к доказательству, что может быть доброй женой и бедного человека. В былые беседы с сестрой своей об этом предмете она всегда заявляла, что для поддержания любви необходимо небольшое состояние. Восемьсот фунтов стерлингов годового дохода считалось более чем достаточным для выполнения этого условия. Белл имела более сентиментальные понятия и отдавала преимущество безусловной прелести нищеты. Она говорила, что в деле любви деньги не должны иметь никакого значения. Полюбив человека, она вышла бы замуж за него даже в таком случае, если бы он вовсе не имел денег. Таковы были их теории относительно денег. Лили была совершенно довольна своим взглядом на этот предмет.

В эти прелестные дни ничто не омрачало ее счастья. Мать и сестра Лили единодушно говорили, что она поступила прекрасно, что она счастлива в своем выборе и безукоризненно верна в своей любви. В тот день, когда Лили рассказала своей матери о своей любви, она блаженствовала от радости, с которой было принято ее признание.

– Ах, мама, я должна вам кое-что сообщить, – сказала она, войдя в спальню матери после продолжительной прогулки с мистером Кросби по оллингтонским полям.

– Верно, что-нибудь о мистере Кросби.

– Да, мама.

И потом все остальное было рассказано не столько словами, сколько нежными объятиями и счастливыми слезами.

В то время, когда Лили, прикинувшись личиком к плечу матери, высказывала свое признание, в комнату последней вошла Белл и опустилась на колени подле Лили.

– Милая Лили, – говорила она, – если бы ты знала, как я рада!

Лили, вспомнив, что она похитила жениха у своей сестры, обвила руки вокруг шеи Белл и крепко ее поцеловала.

– Я знала ход всего этого дела с самого его начала, – сказала Белл. – Не правда ли мама?

– Я так ничего не знала, – возразила Лили. – Мне об этом и в голову не приходило.

– А мы все знали... мама и я знали.

– Неужели? – спросила Лили.

– Белл говорила мне, что это непременно сбудется, – сказала мистрис Дель. – Сначала, признаюсь, я не могла привыкнуть к мысли, что он достоин моей милочки.

– Ах, мама! Зачем вы это говорите? Он вполне достоин всего на свете.

– Я буду считать его хорошим человеком.

– Да и кто бы мог быть лучше его! Особливо если вы представите себе все, от чего он должен отказаться для меня! Взамен этого что же я-то могу сделать для него? Что могу я подарить ему?

Ни мистрис Дель, ни Белл никак не могли согласиться с этим, думая, что Лили приносила ему в дар совершенно столько же, сколько от него получала. Впрочем, они обе уверяли, что Кросби во всех отношениях был прекраснейший человек, они знали, что подобными уверениями увеличивали счастье Лили, и Лили между ними была совершенно счастлива, ее любви

было оказываемо всякого рода поощрение, сочувствие и одобрение матери и сестры служило пищею для ее нежной страсти.

Как некстати этот визит со стороны Джонни Имса! В то время, когда бедный молодой человек выбежал из гостиной, не дав даже времени сказать «прощайте», мистрис Дель и Белл обменялись грустными взглядами, они ничего не могли придумать в оправдание такой поспешности, потому что Лили, перебежав через поляну, стояла уже перед открытым окном.

– Мы подошли к окраине кустарников, – сказала она, – и услышали, что вблизи нас находятся дядя Кристофер и Бернард; я сказала Адольфу, чтобы шел к ним один.

– А как ты думаешь, кто был здесь? – спросила Белл.

Мистрис Дель не сказала ни слова. Если бы было еще время немного подумать, то, может быть, в эту минуту не было бы и помину о визите Джонни.

– Неужели без меня кто-нибудь был? – спросила Лили. – Кто же это такой торопливый гость?

– Бедный Джонни Имс, – сказала Белл.

На лицо Лили выступил яркий румянец, в один момент она вспомнила, что старый друг молодых ее дней любил ее, что он, в свою очередь, имел надежды на ее любовь и что теперь услышал вести, которые должны были разрушить эти надежды. Она все сообразила в один момент, как сообразила и то, что ей необходимо скрыть происходившее в ее душе.

– Милый Джонни! – сказала она. – Зачем же он не подождал меня?

– Мы сказали, что ты вышла, – отвечала мистрис Дель. – Без сомнения, он скоро опять будет сюда.

– И он знает?

– Да, я объявила, думая, что ты не рассердишься на это.

– Нет, мама, конечно нет. И он уехал назад, в Гествик?

На этот вопрос не было ответа, да и вообще, после него о Джонни Имс ничего больше не было говорено. Каждая из этих женщин вполне понимала, в чем дело, и каждая знала, что понятия других были совершенно одинаковы. Молодой человек был всеми ими любим, хотя и не той любовью, которая была теперь сосредоточена на мистере Кросби. Джонни Имс не мог быть принимаем в доме как молодой человек, ищущий руки любимого в семействе создания. Мистрис Дель и дочь ее Белл очень хорошо это знали. Они любили его за его любовь и за то спокойное, скромное уважение, которое удерживало его от выражения этого чувства. Бедный Джонни! Впрочем, он еще молод, он только что вышел из поры юношества и, следовательно, легко мог перенести этот удар. Так думают женщины о мужчинах, которые любят в молодых своих годах, и любят напрасно.

Между тем Джонни Имс, возвращаясь в Гествик, забыл о шпорах и лайковых перчатках, засунутых в карман, он думал о своем положении совсем иначе. Он никогда не обещал себе успеха в любви своей к Лили и действительно всегда сознавался, что не мог иметь на это никакой надежды, но теперь, когда Лили обещана была другому, была невестой другого, он, тем не менее, сокрушался, что его прежние надежды не распространялись так далеко. Он никогда не решался говорить Лили о своей любви, в полной уверенности, что она знала это, и потому теперь не смел показаться перед ней как обличенный в напрасной любви. Потом он вспомнил о другой своей любви, вспомнил не без тех приятных размышлений, которым с таким удовольствием предавались донжуаны при созерцании своих успехов. «Положим, я женюсь на ней, и тогда конец со мной», – сказал он про себя, вспомнив хорошенькую записочку, написанную им однажды в припадке сумасбродства. В доме мистрис Ропер был небольшой ужин, мистрис Люпекс и Амелия готовили пунш. После ужина он по какому-то случаю остался в столовой наедине с Амелией, и тогда, разгоряченный щедрым богом, признался в своей страсти, Амелия печально покачала головой и побежала в верхние апартаменты, положительно отвергнув его распростертые объятия. Но в тот же вечер, прежде чем голова Джонни склонилась

на полушку, к нему пришла записочка, написанная тоном полусожаления, полулюбви, полуупрека. «Если вы поклянетесь мне, что ваша любовь честная и благородная, тогда, быть может, я еще... загляну в щелку дверей, чтоб показать, что я вас простила». Коварный карандаш лежал под рукой, и Джонни написал требуемые слова: «У меня единственная цель в жизни – называть вас моею навсегда». Амелия сомневалась в подобном обещании, потому что оно написано было не чернилами и, в случае надобности, не могло иметь законной силы. Сомнение было тяжелое, несмотря на то, она была верна своему слову и взглянула на Джонни в полурастворенную дверь, простила его за исступление, быть может, с большим милосердием, чем требовало того обыкновенное извинение. «Боже! как хороша она с распущенными волосами!» – сказал Джонни про себя, склонившись наконец на подушку и все еще разгоряченный дарами Бахуса. Но теперь, когда он, возвращаясь из Оллингтона в Гествик, вспомнил об этой ночи, распущенные волнистые локоны Амелии потеряли для него всю свою прелесть. Он припомнил и Лили Дель, когда она прощалась с ним накануне его первого отъезда в Лондон. «Одних вас я только и желал бы видеть!» – сказал он и впоследствии часто вспоминал эти слова, старался разгадать, не приняла ли она значения их более чем за уверение обыкновенной дружбы. Он припоминал даже платье, в которое она была одета в тот день. Это было старое коричневое мериновое платье, которое знакомо было ему и прежде и которое, по правде сказать, ничего не имело в себе особенного, чтобы произвести впечатление. «Ужасное старье!» – вот приговор, который произносила над этим платьем сама Лили, даже раньше дня разлуки. Но в глазах Джонни оно было священо, он был бы счастливейшим человеком, получив лоскуток от него, чтобы носить на сердце как талисман. Как удивительна бывает страсть, о которой говорят мужчины, сознавая себе, что они влюблены. При одних условиях это самая грязная, при других – самая чистейшая вещь из всех вещей в мире. При этих различных условиях человек показывает себя или зверем или богом! Пусть же бедный Джонни Имс едет по своей дороге в Гествик, душевно страдая от сознания, что любовь его низка, и в то же время страдая не менее того от сознания, что любовь его благородна.

В то время как Лили весело пробиралась между кустарниками, опираясь на руку своего жениха и беспрестанно заглядывая ему в лицо, она завидела еще издали дядю своего и Бернарда.

– Остановитесь, – сказала она, нежно вынимая руку из-под руки Кросби, – я дальше не пойду. Дядя всегда надоедает мне своими обветшалыми остротами, притом же я сегодня много гуляла. Не забудьте же, что завтра, перед отправлением на охоту, вы придете к мама.

И Лили воротилась домой.

Здесь будет кстати познакомить читателя с разговором, который происходил между дядей и племянником, во время их прогулки по широкой песчаной дорожке позади Большого дома.

– Бернард, – говорил старик, – я бы желал, чтобы дело между тобой и Белл было покончено.

– Разве требуется поспешность?

– Да, требуется, или, вернее сказать, ведь я враг всякой поспешности, есть основание поторопиться. Помни, однако же, я тебя не принуждаю. Если тебе не нравится кузина, скажи.

– Она мне нравится, только я такого мнения, что дела подобного рода вырабатываются постепенно. Я вполне разделяю ваше нерасположение к поспешности.

– Теперь, однако же, прошло порядочно времени. Дело вот в чем, Бернард, я намерен пожертвовать для тебя большей долей моего годового дохода.

– Как нельзя более признателен вам.

– У меня нет детей, и поэтому я всегда считал тебя моим сыном. С другой стороны, я не вижу ни малейшей причины, почему бы дочери моего брата Филиппа не быть так же близкой моему сердцу, как и сыну моего брата Орlando.

– Тут не может быть никого сомнения, даже обе дочери могут быть близкими к вашему сердцу.

– Бернард, предоставь мне судить об этом. Младшая сестра выходит замуж за твоего друга, который имеет достаточные средства для содержания своей жены, и потому, я думаю, невестка моя должна быть очень довольна этой партией. Ей не придется отделять какой-либо части от своего дохода, что она должна была бы сделать, если бы Лили выходила замуж за бедняка.

– Я полагаю, едва ли она в состоянии дать многое.

– Люди должны соображаться с обстоятельствами. Я не намерен заступить для них обеих место отца. Нет никакой причины к этому, и я не хочу поощрять ложные надежды. Я был бы совершенно доволен своим образом действий, если бы знал, что дело твое с Белл покончено.

Из всего этого Бернард начал замечать, что ожидания бедного Кросби, относительно приданого от дяди, не осуществляются. Он заметил также – или подумал, что заметил, – некоторую угрозу в словах дяди. Эти слова, по-видимому, выражали предостережение: «Я обещался тебе, когда женишься, восемьсот фунтов в год. Но если ты не примешь их немедленно или не дашь мне понять, что они будут приняты, то, может статься, намерение мое переменится, особливо теперь, когда выходит замуж другая невестка. Если я отделию тебе с Белл такую большую часть моего дохода, то для Лили ничего нельзя будет сделать. Но если ты хочешь жениться на Белл, тогда...» И так далее. Так по крайней мере объяснял себе Бернард слова своего дяди, прогуливаясь с ним по широкой песчаной дорожке.

– Я не хочу откладывать это дело дальше и немедленно сделаю предложение Белл, если вы желаете, – сказал Бернард.

– Если ты решился, то я не вижу причины, почему бы тебе медлить.

Разговор на этом кончился, дядя и племянник встретили своего будущего родственника с веселыми улыбками и ласковыми словами.

Глава VII

НАЧАЛО ЗАБОТ И ЗАТРУДНЕНИЙ

Лили, как мы уже знаем, прощаясь в саду с женихом, просила его – или, что то же, приказывала ему, – чтобы он на другое утро, перед отправлением на охоту, навестил ее. Исполняя это приказание, мистер Кросби после чаю явился на поляне мистрис Дель, сопровождаемый Бернардом и двумя собаками. Мужчины имели ружья в руках, на них надеты были охотничьи принадлежности, но случилось так, что раньше завтрака они не могли добраться до жнива, находившегося в некотором расстоянии от дороги. Выходит, что для влюбленного человека крикет едва ли не имеет лучшей прелести, чем охота с ружьем.

Нам, пожалуй, заметят, что Бернард Дель не был влюблен, но тот, кто заявит такое обвинение, заявит его ложно. Бернард был влюблен в Белл согласно своему понятию о любви. Не в его натуре было любить Белл так, как Джонни Имс любил Лили, и чрез это собственно он не был поставлен в такое затруднительное положение, в какое чарующие прелести Амелии Ропер поставили нашего бедного клерка из управления сбора государственных доходов. Джонни, употребляя принятое выражение, был восприимчив, между тем как чувства капитана Деля подчинялись некоторому контролю. Его нельзя было присоединить к числу мужчин, которые сходили с ума от любимой девушки или умирали с сокрушенным сердцем, но, несмотря на то, он, по всей вероятности, женившись, полюбил бы жену свою и был бы попечительным отцом своих детей.

В настоящее время, крепкие узы дружбы связывали между собою эти четыре лица. Бернард и Адольф, или иногда Аполлон, Белл, Лили – все это так нравилось Кросби. Для него наступил новый образ жизни, полный удовольствия, несмотря на то, на него находили минуты грустного раздумья. В это самое время он делал то, чего он во время зрелого уже возраста давал себе обещание никогда не делать. По составленному им заблаговременно плану жизни он всячески должен был избегать женитьбы и позволял себе считать ее событием, возможным только в таком случае, если оно будет сопровождаться богатствами, почестями и красотою. А так как он не надеялся овладеть таким роскошным призом, то считал себя человеком, который до конца своей жизни должен господствовать в клубе Бофорт или быть могущественным в клубе Себрэйт. Но теперь...

Дело в том, что он упал с своего пьедестала, был побежден серебристым голосом, милым остроумием и парюю умеренно блестящих глаз. Он страстно полюбил Лили Дель, обладая, по всей вероятности, более сильною способностью влюбляться, чем друг его, капитан Дель, но стоило ли это того, чтобы принести себя в жертву? Этот-то вопрос и задавал себе Кросби в минуты грустного раздумья, он задавал его вечером, когда ложился в постель, утром, когда просыпался, когда брился, и иногда после обеда, когда сквайр бывал более обыкновенного прозаичен. В такие минуты, как последние, он слушал мистера Деля и в то же время в душе делал себе горькие упреки. К чему он должен переносить это, он, Кросби, который служит в генеральной комиссии, Кросби, который никому не позволит принудить себя жить между Черинг-Кроссом и отдаленным концом Бэйсватера, к чему он должен выслушивать нескончаемые история такого человека, как сквайр Дель? Если сквайр намерен наградить свою племянницу, тогда другое дело. Но сквайр не подавал ни малейшего вида подобного намерения, и Кросби сердился на себя, что не имел настолько присутствия духа, чтобы предложить вопрос по этому предмету.

Таким образом, течение любви у нашего Аполлона было не совсем-то гладко. Она доставляла ему удовольствие, когда он играл в крикет на поляне или сидел в гостиной мистрис Дель со всеми привилегиями нареченного жениха. Она доставляла ему также удовольствие, когда

он сидел за лафитом сквайра, зная, что скоро подаст ему чашку кофе очаровательная девушка, которая почти бегом перебежала два сада, чтобы исполнить для него эту обязанность. Ничего не может быть приятнее этого, хотя бы человек, с которым так обходятся, и сознавал, что он похож на тельца, положенного на жертвенник, готового к заклятию, с голубыми лентами на рогах и на шее. Кросби чувствовал, что он действительно похож на такого тельца, тем более что у него не доставало смелости спросить о состоянии будущей своей жены. «Сегодня же вечером я выпытаю это от старого», – говорил он самому себе, застегивая поутру свои щегольские охотничьи штiblеты.

– Как хорош он в этих штiblетах, – говорила впоследствии Лили своей сестре, ничего не зная о мыслях, которые тревожили жениха ее в то время, когда он украл свои ноги.

– Я полагаю, мы будем возвращаться этой же дорогой, – сказал Кросби, приготавливаясь, по окончании завтрака, двинуться в путь к своим занятиям.

– Ну, не совсем! – отвечал Бернард. – Мы обойдем вокруг фермы Дарвеля и воротимся через ферму Груддока. А разве кузины не обедают сегодня в Большом доме?

Кузины отвечали отрицательно, прибавив, что они не намерены даже и вечером быть в Большом доме.

– В таком случае, если вы не хотите одеваться, то могли бы встретить нас у ворот Груддока, позади фермы. Мы будем там аккуратно в половине шестого.

– То есть мы должны быть там в половине шестого и прождать вас три четверти часа, – сказала Лили.

Несмотря на то, предложение было принято, и кузины Бернарда охотно согласились его выполнить. Так устраиваются встречи между неприхотливыми жителями провинции. Ворота на задворках фермера Груддока как-то дурно звучат, в романе о таких местах не следовало бы говорить, но для молодых людей, стремившихся к предположенной цели, эти задворки имели такую же прелесть, как тенистый столетний дуб в прогалине леса. Лили Дель стремилась к своей цели, точно так же и Адольф Кросби, только его цель начинала помрачаться, как это случается с многими предметами в сей плачевной юдоли. Для Лили все представлялось в розовом свете. Бернард Дель тоже горячо стремился к своей цели. В это утро он особенно близко стоял подле Белл на поляне и думал, что, вероятно, она не отвергнет его любви, когда он признается в ней. И зачем ей отвергнуть? Счастлива должна, быть девушка, к платью которой пришьют восемьсот фунтов годового дохода!

– Послушай, Дель, – сказал Кросби. В это время оба охотника, выходя с мест, где надеялись найти дичи, подошли к полю Груддока и прислонились к воротам. Кросби во время перехода последних двух миль не говорил ни слова, приготавливаясь к следующему разговору. – Послушай, Дель, твой дядя до сих пор не сказал мне ни слова о приданом Лили. Неужели он думает, что я намерен взять ее без ничего? Твой дядя – человек опытный, он знает...

– Опытный ли человек мой дядя или нет, я не скажу, но ты, Кросби, сам опытен. Лили, как тебе всегда было известно, ничего своего не имеет.

– Я не говорю о том, что есть у Лили. Я говорю о ее дяде. Я всегда был откровенен с ним и, влюбившись в твою кузину, тотчас объявил свои виды.

– Тебе бы следовало спросить его, если ты считал подобный вопрос необходимым.

– Если считал подобный вопрос необходимым! Клянусь честью, ты, Бернард, холодный человек.

– Послушай, Кросби, ты можешь говорить, что хочешь о моем дяде, но не должен говорить слова против Лили.

– Кто же намерен говорить что-нибудь против нее? Ты еще мало понимаешь меня, если не знаешь, что я больше твоего должен заботиться о защите ее имени от всяких нареканий, я считаю ее за самую близкую родную.

– Я хотел только оказать, что всякое неудовольствие, которое ты можешь испытывать относительно ее приданого, ты должен обращать на моего дядю, а отнюдь не на семейство в Малом доме.

– Я очень хорошо это знаю.

– И хотя ты можешь говорить что угодно о моем дяде, но я не вижу причины, по которой бы его можно было обвинять.

– Он должен был сказать мне, на что Лили может рассчитывать!

– А если ей ни на что нельзя рассчитывать? Дядя мой, кажется, не обязан рассказывать всякому, что он не намерен дать своей племяннице какое-нибудь приданое. Да и в самом деле, почему ты полагаешь, что у него есть подобное намерение?

– А разве ты знаешь, что у него нет его? Ведь ты же сам почти уверил меня, что он даст денег своей племяннице.

– Кросби, нам необходимо понять друг друга в этом отношении...

– Разве ты не уверял меня?

– Выслушай меня. Я не говорил тебе ни слова о намерениях дяди до тех пор, пока ты не сделал предложения Лили, с ведома всех нас. После того когда я уверился, что мое мнение по этому предмету не могло сделать перемены в твоём образе действий, я сказал, что, может статься, дядя что-нибудь для нее сделает. Я сказал это потому, что так думал, и, как твой друг, я должен был высказать свое мнение во всяком деле, которое касается твоих интересов.

– А теперь ты переменил свое мнение?

– Да, переменил, но, весьма вероятно, без достаточного основания.

– Как это жестоко!

– Конечно, очень неприятно быть обманутым в своих ожиданиях, но ты не можешь сказать, что с тобой поступили неблагоприятно.

– И ты думаешь, что он ничего ей не даст?

– Ничего такого, что было бы для тебя очень важно.

– Неужели же я не могу сказать, что это жестоко? Я думаю, это чертовски жестоко. Придется отложить на время женитьбу.

– Почему ты сам не поговоришь с моим дядей?

– Поговорю, непременно. Сказать тебе правду, я ожидал от него лучшего, но, конечно, это были одни ожидания. Я откровенно ему выскажу все, и если он рассердится, тогда придется мне оставить его дом, тем дело и кончится.

– Послушай, Кросби, не начинай разговора с намерением рассердить его. Дядя мой не злой человек, он только очень упрям.

– Но ведь и я могу быть таким же упрямым, как он.

Разговор прекратился, и друзья пошли по полю, засеянному репой, сетуя на счастье, не доставившее им случая набить дичи. Бывают иногда такие минуты настроения души, в которые человек не в состоянии ни ездить верхом, ни охотиться, ни делать верные удары на бильярде, ни помнить карты в висте, – в таком точно настроении духа находились Кросби и Дель после разговора у ворот.

Несмотря на свою пунктуальность, они опоздали прийти на место свидания минутами пятнадцатью, девицы явились раньше их. Само собою разумеется, первые осведомления были сделаны о дичи, и, тоже само собою разумеется, джентльмены отвечали, что птицы теперь меньше, чем бывало прежде, что собаки сделались какими-то дикими и что счастье охотников было невыносимо дурно. На все эти доводы, конечно, не было обращено ни малейшего внимания. Лили и Белл пришли не за тем, чтобы узнать о числе убитых куропаток, и, право, простили бы охотникам, если бы те не убили даже ни одной птицы, но они не могли простить недостатка веселости, который был очевиден.

– Не знаю, что с вами сделалось, – сказала Лили своему жениху.

– Выходили больше пятнадцати миль и...

– Я никогда не знала людей изнеженнее вас, лондонских джентльменов. Пятнадцать миль! Для дяди Кристофера это ничего не значит!

– Дядя Кристофер выткан из более суровой материи, чем мы, – отвечал Кросби. – Такие люди являлись на свет лет шестьдесят или семьдесят тому назад.

И молодые люди пошли через поле Груддока, через пажити оллингтонской усадьбы к Большому дому, где сквайр стоял на площадке переднего подъезда.

Прогулка далеко не имела тех удовольствий, которые обещала она, когда составлялись ее планы. Кросби старался вернуть свое счастливое настроение духа, но старания его оставались безуспешны. Лили, замечая, что ее нареченный совсем не то, чем бы ему следовало быть, сделалась необыкновенно унылою и молчаливой. Бернард и Белл не разделяли этого уныния, впрочем Бернард и Белл, по обыкновению, всегда были преданы молчанию более, чем другая пара.

– Дядя, – сказала Лили, – эти господа ничего не застрелили, и вследствие этого вы не можете себе представить, какими они кажутся несчастными. Всему виной эти негодные куропатки.

– Куропаток у нас много, только надобно уметь их выследить, – сказал сквайр.

– Виноваты собаки, которые ужасно горячатся, – сказал Кросби.

– При мне они не горячатся, – заметил сквайр. – Не горячатся они и при Дингльсе. – Дингльс был главный егермейстер и смотритель дичи. – Дело в том, молодые люди, вы верно хотите, чтобы собаки исполняли за вас всю работу. Для вас, я вижу, большого труда стоит походить да поискать хорошенько дичи. Однако, мои милые, вы опоздаете к обеду, если не поторопитесь.

– Сегодня вечером мы не будем у вас, – сказала Белл.

– Почему же?

– Потому что мы намерены остаться с мама.

– А почему бы вашей матери не прийти вместе с вами? Пусть меня отбичуют, если я понимаю причину этому. Другой бы подумал, что при настоящих обстоятельствах она будет рада видеть вас вместе, как можно чаще.

– Мы, кажется, видимся довольно часто, – сказала Лили, – что же касается до мама, то я полагаю, она считает...

И Лили остановилась, встретив умоляющий взгляд сестры своей Белл. Она приготовилась с негодованием привести какое-то извинение, извинение, которое должно было возбудить гнев в ее дяде. Лили имела обыкновение говорить сквайру резкие слова, и потому он не питал к ней такого расположения, как к ее молчаливой и более рассудительной сестре. В настоящую минуту сквайр быстро повернулся и пошел в дом, а за ним последовали и молодые джентльмены, выразив на скорую руку обыкновенные прощальные приветствия. Две сестрицы пошли по дорожке, ведущей через маленький мостик, вполне сознавая, что прогулка не доставила того удовольствия, которого они ожидали.

– Тебе, Лили, не следовало бы раздражать его, – сказала Белл.

– А ему не следовало бы отзываться таким образом о нашей мама. Мне кажется, Белл, ты вовсе не обращаешь внимания на его слова.

– Ах, Лили!

– Это верно. Они меня всегда так сердят, что я не могу удержаться от дерзостей. Неужели же мама должна идти туда, собственно, для того, чтобы угождать его капризам?

– Поверь, Лили, что мама знает не хуже нашего, что ей нужно делать. Характером она нисколько не слабее дяди Кристофера и, право, никому не позволит себя обидеть. Но, Лили, неужели ты полагаешь, что я нисколько не думаю о нашей мама? Я знаю, ты не хотела упрекнуть меня в этом?

– Разумеется, я и не думала.

В это время сестры присоединились к своей матери в маленьком владении, но мы обратимся к мужчинам, возвратившимся в Большой дом после охоты.

С Кросби, во время его переодевания к обеду, сделался один из тех меланхолических припадков, о которых я уже говорил. Неужели и в самом деле ему предстояло разрушить все то, что он создал в течении прошедших лет своей жизни, сопровождаемой до настоящей поры успехами? Или, задавая себе вопрос более строгий, он спрашивал себя: не разрушил ли уже он этим делом все свои успехи? Его женитьба на Лили, к счастью или несчастью, была делом решенным, не допускавшим ни малейшего сомнения. Отдавая полную справедливость этому человеку, я должен сказать, что в подобные минуты душевной пытки он всеми силами старался считать Лили неоцененным сокровищем, посланным ему судьбою, сокровищем, которое должно вознаградить его в предстоящем бедствии. А бедствие более и более становилось очевидным. Ему предстояло отказаться от клубов, от моды, от всего, что он приобрел до настоящего времени, что обратилось для него в привычку, и довольствоваться скучной, обыденной жизнью семьянина, с восемьюстами фунтов годового дохода, в небольшом доме, полном ребятишек. Земной рай и блаженство, которые он предвидел в своей будущности, исчезли как мечта. Лили хороша, даже очень хороша. По его словам: «Это была такая миленькая девушка, какой он в жизнь свою не видывал». Что бы там ни случилось, думал он, ее счастье должно служить для него предметом первой заботы и попечений. Что касается до него самого, он начинал бояться, что вознаграждение это едва ли будет достаточно. «Что ж такое, ведь это я же сделал, – говорил он про себя, намереваясь быть более благородным в своем монологе. – Я сам себя приучил ко всему этому, и очень глупо. Само собою разумеется, я должен страдать, и страдать страшным образом. Она, конечно, никогда об этом не узнает. Милое, очаровательное, невинное создание!» И потом он начал думать о сквайре как о человеке, к которому считал себя в праве питать полное негодование вследствие своего собственного бескорыстного и благородного поведения в отношении к его племяннице. «Но все же я дам ему знать, как я понимаю эти вещи, – говорил Кросби. – Делю хорошо говорить, что со мной поступили благородно. Хорошо благородство – пристроить племянницу с помощью обмана. Я был уверен, что он наградит ее».

Наконец, самым решительным образом положив в душе своей не покидать Лили после обещания жениться на ней, Кросби старался найти утешение в мысли, что может, во всяком случае, позволить себе еще годика два пожить в Лондоне и окончательно насладиться жизнью холостяка. Девушки, выходящие замуж без состояния, сами знают, что им надобно ждать. Лили сама уже сказывала, что касательно себя она не торопится. Поэтому не было особенной надобности в немедленном исключении своего имени из списка членов клуба Себрэйта. Так старался утешить себя Кросби, решившись однако в тот же вечер серьезно переговорит с сквайром о приданом Лили.

Но что думала Лили в это же самое время, делая, в свою очередь, некоторые перемены в скромном туалете перед скромным обедом в Малом доме?

– Я не умею ценить его привязанности, – говорила она про себя, – решительно не умею. Я забываю, что для меня, собственно для меня, он должен отказаться от многого, а я, когда что-нибудь огорчает его, вместо утешения только раздражаю его.

Затем Лили обвиняла себя в том, что не любила его и вполнину, что она еще не показала ему, как искренно и как вполне его любила. На это она смотрела с своей собственной точки зрения, она держалась того мнения, что как девица не должна позволять мужчине брать верх над собой до тех пор, пока обстоятельства не представят ему этого права, так точно она не должна скрывать любви своей, но дать ей полную свободу и всю силу своей изливаться для него, когда существование такого обстоятельства окажется несомненным. А между тем, когда наступило время для приложения этой теории к практике, Лили сознавала, что не соблюдает

правил своей теории. Она без всякого умысла принимала на себя вид притворной скромности, оказывала притворное равнодушие наперекор действительности своих чувств. Так точно поступила она с ним и сегодня, при прощании не подала ему даже руки для пожатия, не бросила на него взгляда, в котором выражалась бы ее любовь, и вследствие этого Лили была крайне недовольна собой, даже сердилась на себя.

– Кажется, я заставлю его ненавидеть меня, – проговорила она вслух в присутствии Белл.

– Это было бы очень грустно, – сказала Белл. – Но я не вижу, чтобы это могло случиться.

– Сделавшись невестой, Белл, ты не стала бы так обходиться с своим женихом. Ты не позволила бы себе говорить ему так много, а если бы сказала что-нибудь, то, верно, в твоих словах отозвалась бы любовь. Я всегда говорила ему такие страшные вещи, за которые, право, следовало бы отрезать язык.

– Я уверена, что все сказанное тобой было для него приятно.

– В самом деле? Нет, Белл, в этом я не уверена. Разумеется, он не станет бранить меня, это верно, но я вижу по его глазам, когда он бывает доволен и когда недоволен.

Разговор этим кончился, Лили и Белл отправились в обед.

Между тем в Большом доме три джентльмена встретились в столовой в отличном, по-видимому, расположении духа. Бернард Дель был человек ровного темперамента, человек, который редко позволял какому-нибудь чувству, даже досаде, вмешиваться в его обычное обращение, который мог во всякое время являться за стол с улыбкой и встречаться с другом или недругом одинаково вежливо. Нельзя сказать, чтобы он был фальшивый человек. В спокойствии его поведения не обнаруживалось ни малейшего обмана. Оно происходило от совершенного равнодушия, но это было равнодушие холодного характера, а не то, которое образовывается под влиянием особенного рода дисциплины. Сквайр знал, что до обеда он был не в духе, но, сделав себе выговор за это, вошел в столовую с любезным радушием хозяина дома.

– Я видел, что в вашем ягдташе не совсем-то дурно, – сказал он, обращаясь к Кросби. – И полагаю, что аппетит ваш так же хорош, как и ягдташ.

Кросби улыбнулся, принудил себя быть любезным и сказал несколько комплиментов. Человек, намеревающийся через час или два принять какую-нибудь решительную меру, обыкновенно старается выдерживать себя и при этом готов выслушивать всякий вздор. Кросби похвалил охоту сквайра, замолвил доброе слово за Дингльса и подсмеялся над собой по поводу своего недостатка в искусстве стрелять. Все были веселы, разумеется, не как свадебные колокола, но все же достаточно веселы для партии из трех джентльменов.

Решимость Кросби была неизменна. Как только старик дворецкий удалился и на столе осталось одно вино и десерт, он приступил к делу внезапно, без всяких околичностей. Сообразив все обстоятельства дела, он не считал за нужное дожидаться ухода Бернарда Деля. Он рассчитывал, что в присутствии Бернарда ему легче будет выиграть сражение.

– Сквайр, – начал он. – Все более или менее близкие к мистеру Делю называли его просто сквайром, и Кросби счел за лучшее начать в этом роде, как будто между ними не было никакой преграды, которая бы разделяла их друг от друга на значительное пространство. – Сквайр, я полагаю, вам должно быть понятно, что в настоящее время я озабочен предполагаемой женитьбой.

– Это весьма натурально, – отвечал сквайр.

– Клянусь Георгом, сэръ, никакой мужчина не сделает подобной перемены в жизни без того, чтобы не подумать о ней.

– Разумеется, – сказал сквайр. – Я никогда не затевал женитьбы, но, несмотря на то, понимаю это дело.

– Я считаю себя счастливейшим человеком в мире, найдя такую девушку, как ваша племянница...

При этом сквайр поклонился, намереваясь заявить, что счастье в этом деле было на стороне Делей.

– Это я знаю, – продолжал Кросби. – В ней заключается все, что только можно требовать от благовоспитанной девушки.

– Она добрая девушка, – заметил Бернард.

– Да, я думаю, – сказал сквайр.

– Но мне кажется, – продолжал Кросби, сознавая, что для него наступила минута действовать решительно, говоря другими словами, что для него наступила минута броситься в омут вниз головой, – мне кажется, что надобно же сказать хотя несколько слов на счет средств, необходимых для ее приличного содержания.

И Кросби замолчал на несколько секунд, ожидая отзыва на свои слова со стороны сквайра. Но сквайр преспокойно сидел, пристально всматриваясь в пустой камин, и не сказал ни слова.

– Для доставления ей, – продолжал Кросби, – того комфорта, к которому она привыкла.

– Она не приучена к роскоши, – сказал сквайр, – ее мать, как вам, без сомнения, известно, женщина небогатая.

– Однако, живя здесь, Лили пользовалась удовольствиями, у нее есть лошадь для верховой езды и другие подобные вещи.

– Не думаю, однако же, что она рассчитывает иметь лошадь для прогулок в парке, – сказал сквайр с весьма заметной иронией.

– Я тоже не думаю, – сказал Кросби.

– Здесь иногда она пользовалась одной из моих пони, но едва ли это может повести к странным прихотям, которые стоят денег. Я не думаю, чтобы в голове той или другой из них гнездились такие нелепые идеи. Этого быть не может, сколько я знаю.

– И ничего подобного не бывало, – сказал Бернард.

– Я не стану, впрочем, распространяться, сэр. – И Кросби, говоря это, старался сохранить обыкновенный свой голос и хладнокровие, но усиленный румянец обличал раздражительное состояние, в котором он находился. – Могу ли я вместе с женьбой ожидать какого-нибудь приращения дохода?

– Об этом я не говорил с моей невесткой, – отвечал сквайр. – Но полагаю, она не в состоянии сделать многое.

– Само собою разумеется, от нее я не взял бы шиллинга, – сказал Кросби.

– В таком случае ваш вопрос разрешается сам собою, – заметил сквайр.

Наступила пауза, в течение которой лицо Кросби становилось краснее и краснее.

– Я вовсе не думал ссылаться на состояние мистрис Дель, я ни под каким видом не хочу его расстраивать. Я только желал узнать, сэр, намерены ли вы сделать что-нибудь для вашей племянницы.

– Относительно денежного приданого? Вовсе ничего. Решительно ничего не намерен.

– Наконец, мне кажется, мы понимаем друг друга, – сказал Кросби.

– Я думал, что мы понимали друг друга с самого начала, – заметил сквайр. – Разве я обещал вам или делал когда-нибудь намек, что намерен обеспечить мою племянницу? Подавал ли я когда-нибудь малейший повод на подобную надежду? Не знаю, что вы хотели сказать, употребив слово «наконец», одно разве только, что хотели оскорбить меня.

– Я хотел сказать истину, сэр, я хотел сказать... что, видя отношения к вам ваших племянниц, я полагал, что вы поступите с ними обеими, как с родными дочерьями. Теперь я вижу свою ошибку, вот и все!

– Да, вы ошиблись, и для вашей ошибки нет никакого извинения.

– Со мной вместе ошибались и другие, – сказал Кросби, совсем забывая, что в разговор этот не следовало вводить постороннего мщения.

– Кто другие? – с гневом спросил сквайр и тотчас же приписал это проискам своей невестки.

– Я никого ни хочу вмешивать в это дело, – отвечал Кросби.

– Если кто-нибудь из моих родных вздумал сказать вам, что я намерен сделать для племянницы Лили более того, что уже сделано, тот не только лжет, но и показывает себя неблагодарным. Я никого не уполномочивал делать обещаний в пользу моей племянницы.

– Никто и не делал этих обещаний. Это было только одно предположение, – сказал Кросби.

Кросби вовсе не знал и не догадывался, на кого именно сквайр направлял свой гнев, но он заметил однако же, что хозяин дома был сердит, и, рассудив, что ему не следует ссылаться на слова Бернарда Деля, высказанные под влиянием дружбы, Кросби решил не упоминать ничего имени. Бернард, слышавший весь разговор, видел, в чем дело, и должен бы, кажется, помочь приятелю, но, с другой стороны, сознавая себя совершенно безгрешным в этом деле, не находил причины, по которой бы должен был подвергнуться негоднованию дяди.

– Не следовало даже и допускать подобного предположения, – сказал сквайр. – Никто не имел права составлять таких предположений. Еще раз повторяю, что я никого не уполномочивал давать вам повод к такому предположению. Я не буду больше говорить об этом, скажу только одно, чтобы вы поняли раз и навсегда, что я не считаю своей обязанностью дать племяннице моей Лилиане денежное приданое при ее замужестве. Надеюсь, что ваше предложение ей не было сделано под влиянием подобного ослепления.

– О, нет, этого не было, – сказал Кросби.

– В таком случае, мне кажется, особенно дурного ничего еще не сделано. Мне очень жаль, что вам внушили ложные надежды, но я уверен, вы согласитесь теперь, что эти идеи не были внушены вам мною.

– Я думаю, сэр, что вы не так меня поняли. Надежды мои были не очень большие, но, во всяком случае, я считал себя вправе узнать ваши намерения.

– Теперь они вам известны. Надеюсь, что для племянницы моей они не будут иметь особенного значения. Не думаю, чтобы ее можно было обвинить в этом деле.

Кросби поспешил немедленно защитить Лили, и потом с большим замешательством, чем следовало бы ожидать от человека, так хорошо знакомого с фешенебельной жизнью, как Аполлон Бофортский, приступил к объяснению, что если Лили не будет иметь своего состояния, то при его собственных денежных средствах необходимо понадобится отложить свадьбу до некоторого времени.

– Что касается до меня, – сказал сквайр, – то мне не совсем-то нравится продолжительность подобного рода отсрочки. Впрочем, я не имею ни малейшего права вмешиваться в это дело, до тех пор, конечно... – И мистер Дель не досказал своей мысли.

– По моему, так лучше было бы безотлагательно назначить день свадьбы, не правда ли, Кросби? – спросил Бернард.

– Я поговорю об этом с мистрис Дель.

– Если вы и она сходитесь друг с другом в своих понятиях, – сказал сквайр, – то, разумеется, этого будет весьма достаточно. А теперь не отправиться ли нам в гостиную или на чистый воздух – на поляну.

В этот вечер Кросби, ложась спать, вполне сознавал, что, вступив в состязание с сквайром, не выиграл сражения.

Глава VIII

ЭТОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

На другое утро, за завтраком, каждый из трех джентльменов в Большом доме получили по записке на розовой бумажке, приглашавшей их, от имени мистрис Дель, на чашку чаю в Малом доме в этот же самый день через неделю. В конце записочки, которую Лили написала к мистеру Кросби, было прибавлено: «Танцы на поляне, если мы успеем устроить их. Вы, во всяком случае, должны прийти, все равно, будет ли у вас расположение или нет. Бернард также. Постарайтесь всячески уговорить дядю пожаловать к нам». Эта записка послужила поводом к возбуждению хорошего расположения духа в сидевших за завтраком джентльменах. Она была показана сквайру, которого принудили наконец сказать, что, может статься, и он отправится на вечер мистрис Дель.

Здесь я должен объясниться, что этот вечер предполагалось сделать для доставления удовольствия вовсе не мистеру Кросби, но бедному Джонни Имсу. Как бы поправить то неприятное дело? Вопрос этот во всей подробности рассматривался между мистрис Дель и ее дочерью Белл, они пришли наконец к такому заключению, что непременно нужно пригласить Джонни на небольшой дружеский вечер, на котором он мог бы встретиться с Лили в кругу посторонних лиц. Только этот путь и представлял возможность выйти из затруднительного положения. «Нельзя же допустить, – говорила мистрис Дель, – чтобы он оставался незамеченный ими». – «Раз бы только приласкать его, – сказала Белл, – и тогда все пойдет по-прежнему». Поэтому рано поутру в тот же день в Гествик отправлен был посланный, который возвратился с запиской от мистрис Имс, извещавшей, что она будет на вечер с сыном и дочерью. Они возьмут коляску и вернуться в Гествик в тот же вечер. Это было прибавлено по тому поводу, что мистрис Дель в приглашении своем предлагала мистрис Имс и ночевать в ее доме.

До наступления вечера в Оллингтоне случилось другое замечательное событие, которое мы должны описать, чтобы познакомить читателя с чувствами различных гостей мистрис Дель. Сквайр дал понять своему племяннику, что ему было бы желательно видеть дело его с племянницей Белл совершенно поконченным, а так как взгляды Бернарда на вещи вполне согласовались с взглядами сквайра, то он решился безотлагательно исполнить желание дяди. Этот проект не был для него новостью. Бернард любил свою кузину настолько, сколько было совершенно достаточно для супружеских целей, и начинал задаваться идеей, что женитьба – вещь недурная. Ему нельзя было бы жениться без денег, но эта женитьба предоставляла в полное его распоряжение доход без всяких судебных тяжб, без всякого вмешательства адвокатов, враждебных его интересам. Может статься, он сделал бы для себя что-нибудь лучше, но могло статься и то, что сделал бы что-нибудь хуже, ко всему этому он если не был влюблен, то, по крайней мере, любил свою кузину. Он очень спокойно рассматривал этот вопрос со всех его сторон, составлял превосходные планы насчет образа жизни, который бы привелось принять ему, заранее располагая в одной из лондонских улиц в своем собственном доме и рассчитывая на четыре, на пять дней в неделю для собственных своих удовольствий, без малейшего участия в них Белл. Что он не обнаруживал пламенной любви к ней, в этом не могло и не должно быть ни малейшего сомнения, сама Белл не признавала этого факта. Кузен ее постоянно ей нравился, но в последнее время он как то особенно старался казаться любезным.

Накануне званого вечера Лили и Белл нарочно ходили в Большой дом, собственно, за тем, чтобы посоветоваться насчет танцев. Лили решительно хотела, чтобы танцы были на поляне, но Белл не соглашалась с ней, говоря, что на открытом воздухе будет и холодно и сыро и что для этого гостиная – самое удобное место.

– Дело в том, что у нас только четыре молодых джентльмена и один юноша, – сказала Лили. – В комнате они будут стеснены, будут думать, что у нас настоящий бал, и, следовательно, казаться смешными.

– Благодарю за комплимент, – сказал Кросби, приподняв свою соломенную шляпу.

– Вы тоже будете смешны, а мы, девицы, еще забавнее. На поляне совсем другое дело. Там такая прелесть.

– Я не вижу ее, – сказал Бернад.

– А я так вижу, – возразил Кросби. – Неприменимость поляны к целям бала...

– Кто вам говорит о бале, – сказала Лили с притворным гневом.

– Я защищаю вас, а вы не даете мне говорить. Неприменимость поляны к целям бала будет скрывать недостаток в кавалерах, которых всего оказывается только четверо мужчин и один юноша. Но, Лили, скажите мне, кто же этот юноша? Не старинный ли ваш друг Джонни Имс?

– О нет! – отвечала Лили спокойным голосом. – Я вовсе не о нем говорила. Он тоже будет, но я считаю его в числе джентльменов. Это Дик Бойс, сын мистера Бойса, ему только шестнадцать лет. Он-то и есть юноша.

– Кто же четвертый джентльмен?

– Доктор Крофтс, из Гествика. Надеюсь, Адольф, вы его полюбите. Мы все его считаем образцом совершеннейшего мужчины.

– В таком случае я буду ненавидеть его, буду очень ревнивым!

И молодая чета пошла по песчаной дорожке, продолжая обмениваться выражениями нежной любви, ворковать, как пара голубков. Они удалились, а Бернад остался с Белл у живой изгороди, отделяющей сад от соседнего поля.

– Белл, – сказал он, – они, кажется, очень счастливы, не правда ли?

– Им теперь и надо быть счастливым. Милая Лили! Я надеюсь, он будет добр для нее. Знаете ли, Бернад, хотя он вам и друг, но я очень, очень беспокоюсь за него. Надо быть чрезвычайно доверчивым, чтобы положиться на человека, которого мы не совсем еще знаем.

– Это правда, но они будут жить хорошо. Лили будет счастлива.

– А он?

– Полагаю, что и он будет счастлив. Сначала он чувствовал себя немного стесненным насчет денег, но это все устроится.

– А если не устроится, ведь одна мысль об этом будет для ней пыткой.

– Нет, они будут жить хорошо, Лили должна приготовиться к скромному роду жизни и не рассчитывать на деньги, вот и все.

– Лили и не думает о деньгах. Совсе не думает. Но если Кросби покажет ей вид, что она сделала его бедным человеком, Лили будет несчастна. Скажите, Бернад, не расточителен ли он?

Но Бернад нетерпеливо ждал минуты, чтобы начать речь о другом предмете, и потому ему не хотелось продолжать разговора относительно супружества Лили, чего, конечно, можно было бы ожидать от него, если бы он находился в другом настроении духа.

– Нет, не скажу, – отвечал Бернад. – Но, Белл...

– Не знаю, мы не могли поступить иначе, а при всем том, мне кажется, поступили опрометчиво. Если он сделает ее несчастной, Бернад, я не прощу вам никогда.

Говоря это, Белл нежно положила руку на плечо Бернада, в тоне ее голоса несколько не обнаруживалось горечи, сердца.

– Вы не должны со мной ссориться, Белл, что бы там ни случилось. Я и себе не позволю ссориться с вами.

– Ведь я шучу, – сказала Белл.

– Вы и я никогда не должны ссориться, по крайней мере, я не думаю, чтобы это могло быть. Я мог бы еще поссориться с кем-нибудь другим, но не с вами.

В голосе Бернарда было что-то особенное, легко, инстинктивно предупреждавшее Белл о намерении кузена. Белл не могла сказать себе в ту же минуту, что он намерен предложить ей свою руку теперь же на этом месте, но она угадывала, что в намерение его заключалось более чем одна нежность обыкновенной братской любви.

– Надеюсь, что мы никогда не поссоримся, – сказала она.

Говоря это, Белл старалась привести в порядок свои мысли, в ее уме составлялись предположения, на какого рода любовь рассчитывал Бернард, и решение, какого рода любовью можно отвечать ему.

– Белл, – сказал Бернард, – вы и я всегда были друзьями.

– Да, Бернард, всегда.

– Почему бы вам не сделаться более чем друзьями?

Отдавая капитану Делю полную справедливость, я должен сказать, что его голос при этом вопросе был совершенно натуральный и что он сам не обнаруживал ни малейших признаков волнения. Он решился объясняться в любви, и объяснялся как нельзя спокойнее. Сделав вопрос, он ожидал ответа. В этом отношении он поступил несколько круто, потому что хотя вопрос и выражен был словами, в которых нельзя ошибиться, но все же он далеко не был изложен с той полнотою, ожидать которой молоденькая леди при подобных обстоятельствах имела полное право.

Кузены сели на траву подле живой изгороди, они были в таком близком расстоянии друг от друга, что Бернард протянул руку и хотел взять в нее руку кузины. Но рука Белл лежала с другой, и Бернард ограничился тем, что обнял ее талию.

– Я не совсем понимаю вас, Бернард, – отвечала она после минутной паузы.

– Почему бы нам не быть более, чем кузенами? Почему бы нам не быть мужем и женой?

Теперь уже Белл не могла сказать, что не совсем понимает. Если требовался вопрос более ясный, то Бернард Дель высказал его как нельзя яснее. Почему бы нам не быть мужем и женой? Мало найдется людей, у которых было бы достаточно смелости предложить подобный вопрос так решительно.

– Ах, Бернард! Вы изумили меня.

– Но, надеюсь, Белл, я не оскорбил вас. Я долго думал об этом, но знаю, что мое обращение даже с вами не могло обнаружить моих чувств. Не в моем характере постоянно улыбаться и говорить нежности, подобно Кросби. Несмотря на то, я люблю вас искренно. Я искал себе жену, и думал, что если вы примете мое предложение, то буду весьма счастлив.

Бернард ничего не сказал о своем дяде и восьмистах фунтах годового дохода, но приготовился сделать это, как только представится удобный случай. Он был того мнения, что восемьсот фунтов стерлингов и хорошее расположение богатого человека должны служить сильным побуждением к супружеству, побуждением даже к любви, он несколько не сомневался, что его кузина будет смотреть на этот предмет с той же точки зрения.

– Вы очень добры ко мне, больше чем добры. Я знаю это. Но, Бернард! Я никак этого не ожидала.

– Дайте же мне ответ, Белл! Или может быть, вам нужно время подумать, переговорить с матерью, в таком случае вы дадите мне ответ завтра.

– Мне кажется, я должна вам отвечать теперь же.

– Только не отказать, Белл. Прежде чем сделать это, подумайте хорошенько. Я должен сказать, что этого брака желает наш дядя и что он устраняет всякое затруднение, которое могло бы встретиться насчет денег.

– О деньгах я не думаю.

– Однако, говоря о Лили, вы сами заметили, что надо быть благоразумным. В нашей женитьбе все будет превосходно устроено. Дядя обещал сейчас же назначить нам...

– Остановитесь, Бернард. Не позволяйте себе думать, что какое-нибудь предложение со стороны дяди поможет вам купить... Нам нет никакой надобности говорить о деньгах.

– Я хотел только познакомить вас с фактами этого дела, как они есть. Что касается до нашего дяди, то я не могу не думать, что вы будете рады иметь его на своей стороне.

– Да, я была бы рада иметь его на моей стороне, если бы намеревалась... Впрочем, желания моего дяди не могут иметь влияния на мою решимость. Дело в том, Бернард...

– В чем же? Скажите, милая Белл.

– Я всегда считала вас за брата и любила как брата.

– Но эту любовь можно изменить.

– Нет, я не думаю, Бернард, я пойду дальше и скажу вам решительно, ее нельзя изменить. Я знаю себя довольно хорошо, чтобы сказать это с уверенностью. Этого быть не может.

– Вы хотите сказать, что не можете полюбить меня?

– Такою любовью, какою бы вы желали. Я люблю вас искренно, совершенно искренно. Я готова явиться к вам с утешением во всякой горести, как я явилась бы к брату.

– Неужели же, Белл, в этом только и должна заключаться вся ваша любовь?

– Разве этого недостаточно, разве эта любовь не имеет своей прелести? Не считайте меня, Бернард, неблагоприятною или гордою. Я знаю хорошо, что вы предлагаете мне гораздо более, чем я заслуживаю. Всякая другая девушка гордилась бы таким предложением. Но, милый Бернард...

– Белл, прежде чем вы дадите мне окончательный ответ, подумайте об этом, переговорите с вашей матерью. Конечно, вы были не приготовлены, и я не смею ожидать, чтобы вы обещали мне так много без минутного размышления.

– Я была не приготовлена и потому не отвечала вам как бы следовало. Но так как в объяснении нашем мы зашли довольно далеко, то я не могу позволить себе оставить вас в безывестности. Нет никакой надобности с моей стороны заставлять вас ждать. В этом деле я знаю свое сердце. Милый Бернард, предложение ваше не может быть принято.

Белл говорила тихо, таким тоном, в котором отзывалась умоляющая покорность, несмотря на то, тон этот сообщал ее кузену уверенность, что она говорила решительно, что эту решительность переменить было бы трудно. Да и то сказать, разве Белл не принадлежала к фамилии Делей? Случалось ли, чтобы Дели переменяли когда-нибудь свое намерение? Бернард несколько времени сидел подле кузины молча, Белл тоже, объявив свое решение, она воздерживалась от дальнейших слов. В течение нескольких минут они не сказали ни слова, глядя на живую изгородь и скрывававшийся за нею ров. Белл сохраняла прежнее свое положение, держа на коленях руки, сложенные одна в другую, Бернард склонился набок, поддерживая рукою свою голову, его лицо, хотя и было обращено к кузине, но глаза пристально смотрели в траву. В течение этого времени он, однако же, не оставался праздным. Ответ кузины хотя и огорчил его, но не нанес удара, который бы решительно поразил его и отнял всякую способность мышления. Ему казалось, что он в жизнь свою не испытывал еще такого огорчения. Умеренное желание приобрести предмет сделалось в нем сильнее, когда ему отказали в приобретении. Впрочем, он был в состоянии рассматривать в настоящем свете свое положение и судить о предстоявших шансах, если будет домогаться руки кузины, и о выгоде, если немедленно оставит это домогательство.

– Я не хочу быть настойчивым, Белл, но могу ли я спросить: если тут оказывается предпочтение...

– Тут нет никакого предпочтения, – отвечала Белл.

И они снова минуты на две оставались безмолвными.

– Дядя мой будет очень сожалеть об этом, – сказал Бернард.

– Если только в этом дело, – возразила Белл, – то, право, я не вижу причины, чтобы нам беспокоиться. Он не имеет и не может иметь ни малейшего права располагать нашими сердцами.

– В ваших словах, Белл, я слышу насмешку.

– Милый Бернард, никакой нет насмешки. Я не думала насмехаться.

– Мне не нужно говорить о моей собственной печали. Вам не понять, до какой степени она должна быть глубока. Зачем бы стал я подвергать себя такому огорчению, если бы тут не участвовало мое сердце? Но я перенесу его, если должен перенести...

И Бернард снова замолчал, посмотрев на кузину.

– Это скоро пройдет, – сказала Белл.

– Я перенесу его без ропота. Но что касается до чувств моего дяди, то я должен говорить откровенно, а вы, мне кажется, должны выслушать без равнодушия. Он всегда был добр до нас обоих и любит нас обоих более всех других живых созданий. Неудивительно поэтому, что он желал нашего брака, и не будет удивительно, если ваш отказ будет для него сильным ударом.

– Мне будет жаль, очень жаль.

– Я тоже буду сожалеть. Теперь я говорю о нем. Наш брак был его искренним желанием, а так как желаний у него очень немного, то он был постоянен в тех из них, которые выражал. Когда он узнает об этом, то переменит свое обращение к нам.

– В таком случае он будет несправедлив.

– Нет, он не захочет быть несправедливым. Он всегда был справедливый человек. Но он будет несчастлив, и несчастье его, я боюсь, отразится на других. Милая Белл, нельзя ли вопрос этот оставить на некоторое время неразрешенным? Вы увидите, что я не воспользуюсь вашим добродушием. Я не буду больше беспокоить вас, положим, в течение недель двух или до отъезда Кросби.

– Нет, нет и нет, – сказала Белл.

– Зачем вы так щедры на эти *нет*? В такой отсрочке не может быть ни малейшей опасности. Я не буду вас принуждать, вы можете этим заставить дядю думать, что потребовали времени на размышление.

– Есть вещи, Бернард, на которые следует отвечать немедленно. Сомневаясь в самой себе, я позволила бы вам убедить меня. Но я не сомневаюсь в себе, и с моей стороны было бы несправедливо оставлять вас в недоумении. Милый, дорогой Бернард, этого быть не может, а как этого не может быть, то вы, как брат мой, поверите мне, что я говорю откровенно. Этого быть не может.

В то время когда Белл произнесла последний приговор, вблизи их послышались шаги Лили и ее жениха. Бернард и Белл понимали, что разговор их должен прекратиться. Ни тот, ни другая не знали, как им подняться и оставить это место, а между тем каждый чувствовал, что более ничего не может быть сказано.

– Видели ли вы что-нибудь милее, очаровательнее и романтичнее? – сказала Лили, остановившись перед ними и глядя на них. – И они оставались тут во все время, пока мы гуляли и рассуждали о житейских делах. Знаешь ли, Белл, Адольфу кажется, что в Лондоне нам нельзя будет держать поросят. Это меня огорчает.

– Конечно, очень жаль, – сказал Кросби, – тем более что Лили, по-видимому, хорошо знает эту отрасль домашнего хозяйства.

– Разумеется, знаю. Недаром же я провела всю свою жизнь в деревне. Ах, Бернард, как бы я желала, чтобы вы скатились в ров. Оставайтесь в этой позе, и мы поможем вам скатиться.

При этом Бернард встал, встала и Белл, и все четверо отправились к чаю.

Глава IX

СОБРАНИЕ У МИСТРИС ДЕЛЬ

Следующий день был днем собрания. Накануне этого дня вечером между Белл и ее кузеном ни слова больше не было сказано, по крайней мере, не было сказано слова, имевшего какое-нибудь значение, и, когда Кросби предложил своему другу на другое утро сходить в Малый дом и посмотреть, как идут приготовления, Бернард отказался.

– Ты забыл, мой любезный, что я не влюблен, как ты, – сказал он.

– А я так думал, что ты тоже влюблен, – заметил Кросби.

– Нет, по крайней мере, не так влюблен, как ты. Тебе, как жениху, позволят делать все: сбивать крем, настраивать фортепиано, если ты умеешь. А я только думаю еще быть женихом, замышляю вступить в брак по расчету, чтобы угодить дяде, в брак, который ни под каким видом не должен заключать в себе стеснительных условий. Твое положение совершенно противоположно моему.

Говоря все это, капитан Дель, без всякого сомнения, фальшивил, и если фальшивость можно извинить человеку в каком-нибудь положении, то она вполне была извинительна Бернарду при том положении, в котором он находился. Поэтому Кросби отправился в Малый дом один.

– Дель не хотел идти со мной, – сказал он в разговоре с обитательницами Малого дома. – Вероятно, он готовится к танцам на поляне.

– Надеюсь, он будет здесь вечером, – сказала мистрис Дель.

Белл не сказала ни слова. Она положила в душе своей, что при существующих обстоятельствах для кузена ее необходимо было нужно, чтобы его предложение и ее ответ оставались для всех тайной. Она догадывалась, почему Бернард не пришел с своим другом из Большого дома, но ни слова не сказала о своей догадке. Лили посмотрела на нее, но посмотрела молча, что касается до мистрис Дель, то она не обратила ни малейшего внимания на это обстоятельство. Таким образом проведено было вместе несколько часов без дальнейшего упоминания о Бернарде Деле, особенно со стороны Лили и Кросби: они вовсе не замечали его отсутствия.

Мистрис Имс с сыном и дочерью приехали первыми.

– Ах как мило, что вы приехали рано, – сказала Лили, стараясь выразить что-нибудь любезное и приятное, но, в сущности, употребив ту форму изъявления радушия, которая для моего слуха всегда звучит как-то особенно неприятно. «Десятью минутами раньше назначенного времени, а я думала, что вы приедете по крайней мере тридцатью минутами позже!» Так всегда толковал я себе слова, которыми меня благодарили за ранний приезд. Мистрис Имс была добрая, болезненная, невзыскательная женщина, принимавшая всякого рода любезности за искреннее приветствие. Впрочем, и Лили, с своей стороны, ничего больше не думала выразить, кроме любезности.

– Да, мы приехали рано, – сказала мистрис Имс. – Собственно, потому, что Мэри думала зайти в вашу комнату и поправить свои волосы.

– И прекрасно, – сказала Лили, взяв Мэри за руку.

– При том же я знала, что мы вам не помешаем. Джонни может выйти в сад, если там нужно что-нибудь поделать.

– Если ему лучше нравится остаться с нами, нам очень приятно, – сказала мистрис Дель. – А если он находит нас скучными...

Джонни Имс пробормотал, что ему очень хорошо и в гостиной, и вслед за тем занял ближайшее кресло. Он пожал Лили руку, стараясь произнести коротенький спич, нарочно приготовленный им на этот случай. «Я должен поздравить вас, Лили, и от всего сердца выразить

надежду, что вы будете счастливы». Слова были довольно просты и с тем вместе выразительны, но бедному молодому человеку не привелось их высказать. Как только слово «поздравляю» достигло слуха Лили, она все поняла – и чистосердечие преднамеренного спича, и причину, почему его не следовало произносить.

– Благодарю вас, Джон, – сказала она, – я надеюсь чаще видеться с вами в Лондоне. Там так приятно иметь вблизи себя старого гествикского друга.

Лили говорила своим голосом и лучше Джонни умела сдерживать биение своего сердца, но и ей при этом случае трудно было вполне владеть своими чувствами. Молодой человек полюбил ее чистосердечно и истинно, продолжал любить ее, выражая свою искреннюю любовь глубокой грустью и сожалением о том, что лишился ее. Скажите, где найдется девушка, которая не будет сочувствовать такой любви и такой грусти, если и та и другая будут так явно обнаруживаться, потому, собственно, что не могут скрыть себя, если будут так определенно высказываться против воли того, кто ими страдает?

Вскоре после Имсов явилась старушка мистрис Харп, коттедж которой находился в несколько шагах от Малого дома. Она всегда называла мистрис Дель «моя милая», любила дочерей ее, как своих собственных. Когда ей объявили о предстоящем замужестве Лили, она с удивлением всплеснула руками, она все еще считала Лили за ребенка, и в одном из уголков ее комода все еще хранились остатки сахарных конфет, купленных для Лили.

– Он лондонец? Хорошо, хорошо. Лучше было бы жить ему в провинции. Восемьсот фунтов в год, моя милая? – говорила она, обращаясь к мистрис Дель. – Это звучит здесь очень приятно, потому что мы все такие бедные. Но я полагаю, что восемьсот фунтов в год не очень много для того, чтобы жить в Лондоне?

– Я думаю, и сквайр придет, не правда ли? – спросила мистрис Харп, располагаясь на софе подле мистрис Дель.

– Да, он будет здесь скоро, если впрочем не отдумает. Ведь вы знаете, он со мной не церемонится.

– Отдумает! Знали ли вы, чтобы Кристофер Дель когда-нибудь отдумывал?

– Конечно, мистрис Харп, он бывает верен своему слову.

– Да так верен, что если обещал дать кому-нибудь пенни, то непременно даст, а если обещал отнять фунт стерлингов, то отнимет, хотя бы это стоило ему несколько лет времени. Вы знаете, он намерен выгнать меня из моего коттеджа.

– Не может быть, мистрис Харп!

– Да, моя милая, Джолиф приходил объявить мне (Джолиф, надо сказать, был управляющий сквайра), что если мне не нравится коттедж в настоящем его виде, то я могу оставить его, и что сквайр за переправки потребует плату за наем вдвойне. А я только и просила покрасить немного на кухне, где дерево сделалось так черно, как его шляпа.

– Я думаю, что он только хотел, чтобы вы сами окрасили на свой счет.

– Как же я могу сделать это, моя милая, при ста сорока фунтах в год на все и про все? Ведь я должна жить! А он имеет мастеровых при себе каждый день круглый год! И не бессовестно ли присылать мне такое предложение, мне, которая прожила в здешнем приходе пятьдесят лет? А вот и он.

И мистрис Харп при входе сквайра величественно поднялась с своего места.

Вместе с сквайром вошли мистер и мистрис Бойс из пасторского дома с юношей Диком Бойсом и двумя девочками Бойсами четырнадцати- и пятнадцатилетнего возраста. Мистрис Дель, с обычным при таких случаях видом радушия и упрека, спросила, почему не пришли Джен и Чарльз, Флоренс и Бесси. (Бойс имел огромную семью). Мистрис Бойс отвечала на это, что они и без того уже нахлынули на Малый дом как лавина.

– А где же... молодые люди? – спросила Лили, принимая вид притворного удивления.

– Они будут часа через два или три, – сказал сквайр. – Оба они одеты были к обеду, как мне казалось, очень щегольски, но для такого торжественного случая они нашли необходимым одеться еще параднее. Как поживаете, мистрис Харп? Надеюсь, в добром здоровье? Ревматизма нет, э?

Эти вопросы сквайр произносил очень громко, почти в самое ухо мистрис Харп. Мистрис Харп, правда, была немного крепка на ухо, но очень немного, и терпеть не могла, чтобы ее считали глухой. Не любила она также, чтобы ее считали страждущею ревматизмом. Сквайр это знал, и потому приветствие его было далеко не любезно.

– Вам бы не следовало, мистер Дель, доводить меня до лихорадки. Теперь, слава богу, здорова, благодарю вас. Весной было колотье: в этом коттедже ужасно как сквозит! «Удивляюсь, как ты можешь жить в нем», – говорила сестра моя, когда приезжала навестить меня. Я и думаю, что лучше отправиться к ней в Хамершам, только знаете, проживши пятьдесят лет в одном приходе, не всякому хочется переселиться на другое место.

– Пожалуйста, вы и не думайте уезжать от нас, – сказала мистрис Бойс, весьма негромко, протяжно и внятно, надеясь этим угодить старушке.

Но старушка поняла все.

– Мистрис Бойс женщина хитрая, – говорила она с мистрис Дель, перед окончанием вечера. На свете есть старые люди, угодить которым весьма трудно и с которыми, несмотря на то, невозможно почти жить, если им не угождать.

Наконец два героя перешли через поляну и через стекольчатую дверь явились в гостиную, при входе их Лили сделала низкий реверанс, ее светлое кисейное платье пышными складками сложилось на полу, так что Лили казалась роскошным цветком, который вырос на ковре, сложив ладонь на ладонь у пряжки кушака, она произнесла:

– Мы ждем прибытия вашей высокой милости и вполне сознаем, как много обязаны вам за удостоверение своим посещением нашей бедной хижины.

Сказав это, она тихо поднялась, улыбаясь, – о, как очаровательно улыбаясь! человеку, которого любила, складки кисейного платья приняли волнистые формы, как будто и они улыбались вместе с нею.

Мне кажется, в мире нет ничего милее преднамеренного, обдуманного изъявления любви девушки к любимому человеку, когда она твердо решила, чтобы весь свет знал о том, что она всецело отдалась ему.

Не думаю, чтобы все это нравилось Кросби, как бы следовало нравиться. Ему нравилось смелое уверение Лили в любви, когда они бывали вдвоем. И какому человеку не понравились бы подобные уверения при подобных случаях. Впрочем, может статься, ему было бы приятнее, если бы Лили более придерживалась риторической фигуры, известной под именем умолчания, была скрытнее относительно своих чувств в то время, когда их окружали посторонние лица. Он не обвинял ее в недостатке нежности. Он слишком хорошо знал ее характер, был если не совсем непогрешителен в этом знании, то, по крайней мере, слишком близок к этой непогрешительности, чтобы позволить себе против нее подобное обвинение. Такое проявление чувства казалась для него ребяческим и потому не нравилось ему. Ему не хотелось быть представленным, даже оллингтонскому обществу, в качестве жертвы, приготовленной к закланию и связанной лентами, для возложения на жертвенник. Позади всего этого скрывалось чувство, что было бы гораздо лучше без подобного рода манифестаций. Само собою разумеется, все знали, что он женится ни Лили Дель, и разве он, как Кросби говаривал себе довольно часто, позволял себе когда-нибудь думать об отказе от этой женитьбы. Правда, свадьба, по всей вероятности, будет отсрочена. Он не говорил еще об этом с Лили, создав для себя какое-то затруднение в приступе к подобному объяснению. «Я ни в чем не откажу вам, – говорила ему Лили, – только, пожалуйста, не торопитесь». Поэтому он не видел перед собой особенного затруднения и только желал, чтобы Лили воздерживалась от выражений как в словах, так и в обращении, которые,

по-видимому, заявляли всему свету, что она намерена выйти замуж немедленно. «Завтра я должен непременно с ней объясниться», – сказал он про себя, выслушав приветствие с тем же притворно-серьезным видом, с каким произнесла его Лили.

Бедная Лили! как мало понимала она, что происходило в душе Кросби! Зная его желание, она бы тщательно завернула любовь свою в салфетку, так что никто бы ее не увидел, никто, кроме него во всякое время, когда бы он ни захотел полюбоваться этим сокровищем. Если она действовала так открыто, то все это делалось собственно для него. Она видала девушек, которые полустыдились своей любви, но она не стыдилась ни своей, ни его любви. Она вполне отдалась ему, и теперь весь свет мог знать об этом, если только весь свет нуждался в подобном сведении. Зачем ей стыдиться того, что, по ее мнению, служило для нее такой большой честью? Она слышала о девушках, которые не хотели говорить о своей любви на том основании, что в мире нет ничего постоянного и верного вообще, а для любви в особенности, от чаши до губ, по пословице, большое расстояние, – упадет она и разобьется. Везде нужна осторожность. Для Лили не представлялось надобности в подобной осторожности! Для нее не могло существовать непостоянства или неверности. Если бы чаша ее и выпала из рук, если бы ей и выпала подобная судьба, вследствие вероломства или несчастья, никакая осторожность не могла бы спасти ее. Упавшая чаша до такой степени раздробилась бы от своего падения, что всякая попытка собрать ее обломки и составить из них снова одно целое была бы невозможна. Никогда этого Лили не высказывала – и смело шла вперед, смело показывала свою любовь, не скрывая ее ни от кого.

После пирожного и чаю, когда прибыл последний из гостей, решено было, что первые два или три танца должны состояться на поляне.

– Ах, Адольф, как я рада его приезду, – сказала Лили, – пожалуйста, полюбите его.

Приезжий этот был не кто другой, как доктор Крофтс, о котором Лили иногда говорила своему жениху, но при этом с его именем никогда не связывала имени своей сестры. Несмотря на то Кросби догадывался, что этот Крофтс или был прежде влюблен, или влюблен в настоящее время, или будет влюблен в Белл, а так как он приготовился защищать притязания по этой части своего друга Деля, то особенно не торопился оказать доктору радушие как самому близкому семейному другу. Он еще ничего не знал о предложении Деля и об отказе Белл и потому приготовился к войне, если бы она оказалась необходимою. Сквайра в настоящую минуту он сильно не жаловал, но если судьба предназначала подарить ему жену из этой фамилии, он лучше бы желал иметь свояком владельца Оллингтона и внука лорда де Геста, чем какого-то сельского врача, как Кросби, в гордости своей, называл доктора Крофтса.

– К несчастью, – сказал он, – я никогда не полюблю такого мужчину, которого считают образцом совершенства.

– Но его вы должны полюбить. И он вовсе не образец совершенства: он, как и все мужчины, курит, ездит на охоту и делает другие негодные вещи.

С этими словами Лили выступила вперед поздороваться с своим другом.

Доктор Крофтс был жиденький, худощавый мужчина высокого роста, с блестящими черными глазами, с круглым лицом, с черными, почти кудрявыми волосами, которые, однако же, не выдвигались вперед над его лбом и висками, чтобы дополнить красоту лица, с тонким, хорошо сформированным носом и ртом, который можно бы считать совершенством, если бы губы были немного поплотнее. Нижняя часть лица, рассматриваемая отдельно, имела несколько суровое выражение, которое выкупалось, однако же, блеском его глаз. И все же художник непременно бы сказал, что нижние черты его лица были несравненно красивее.

Лили подошла к нему и с особенным радушием поздоровалась, прибавив, что она очень, очень рада его видеть.

– Теперь я должна представить вас мистеру Кросби, – сказала она, решась, по-видимому, выполнить роль свою до конца.

Молодые люди пожали руку друг другу холодно, не сказав ни слова, как это делают обыкновенно молодые люди, когда встречаются при подобных обстоятельствах. Они сейчас же разошлись, к крайнему разочарованию Лили. Кросби стоял отдельно с устремленными в потолок глазами, казалось, что он намерен был держать себя важно, и притом в стороне от других, между тем как Крофтс торопливо подошел к камину, сказав по дороге несколько любезностей мистрис Дель, мистрис Бойс и мистрис Харп. От камина он тихонько пробрался к Белл.

– Мне очень приятно, – сказал он, – поздравить вас с предстоящим браком вашей сестры.

– Да, сказала Белл, – мы знали, что вам приятно будет услышать о ее счастье.

– Действительно приятно, и я вполне надеюсь, что она будет счастлива. Вам всем он нравится, не правда ли?

– Мы все его очень полюбили.

– Мне сказывали, что он в хороших обстоятельствах. Счастливый человек, весьма счастливый, весьма счастливый.

– Конечно, и мы так думаем, – сказала Белл. – Не потому, однако же, что он богат.

– Нет, не потому, что он богат, но потому, что удостоен такого счастья, потому что его обстоятельства доставят ему возможность владеть этим сокровищем и наслаждаться им.

– Да, действительно, – сказала Белл, – совершенно справедливо.

Сказав это, Белл села на стул и с тем вместе положила конец разговору. «Совершенно справедливо», – повторила она про себя. Но едва только выговорила эти слова, как подумала, что это совсем не так, и что доктор Крофтс ошибался. «Мы любим его не потому, что он достаточно богат, чтобы жениться без тревожной мысли, но потому, что он решается жениться, хотя и не богат». Сказав это про себя, Белл рассердилась на доктора.

Доктор Крофтс отошел к дверям и прислонился к стене, засунув большие пальцы своих рук в рукава жилета. Говорили, что он был застенчив. И мне казался он застенчивым, а между тем это был человек, который ни под каким видом не побоялся бы привести в исполнение задуманный план. Он будет смело и много говорить перед целой толпой, все равно, будет ли эти толпа состоять из мужчин или женщин, он был весьма тверд в своих убеждениях, положителен и настойчив в преследовании своей цели, зато он не умел говорить немного, когда, в сущности, говорить было не о чем. Он не умел разыгрывать роль, когда чувствовал, что она для него не годится. Он не изучал науки принимать на себя важный вид, где бы ни случилось ему находиться. Дело другое Кросби, тот вполне изучил эту науку и чрез нее процветал. Поэтому Крофтс удалился к дверям и прислонился к стене, а Кросби выступил вперед и сиял, как Аполлон, между всеми гостями. «Как делает он это?» – говорил про себя Джонни Имс, завидуя совершеннейшему счастью лондонского фешенебельного человека.

Наконец, Лили вывела на поляну танцоров, и так образовалась кадрили. Поляна оказалась, однако же, неудобною. Музыка из одной только скрипки, которую Кросби нанял в Гествике, была недостаточна для этой цели, и притом же трава, довольно гладкая для игры в крикет, была весьма шероховата для ног танцующих.

– Очень мило, – сказал Бернارد своей кузине. – Я ничего не знаю, что могло бы быть милее, только...

– Я знаю, что вы хотите сказать, – прервала Лили. – Я все-таки останусь здесь. Из вас никто не настроен к романтичности. Вы взгляните только на луну позади церковного шпица. Я останусь здесь на всю ночь.

И Лили пошла по одной из садовых дорожек, за ней последовал ее жених.

– Неужели вам не нравится луна? – спросила Лили, взяв руку Кросби, к которой она так теперь привыкла, что даже не думала о ней, когда брала ее.

– Нравится ли мне луна? Не знаю, солнце мне нравится лучше. Я не совсем-то верю в лунный свет. Мне кажется, хорошо говорить об этом, когда человек настроен к сентиментальности.

– Ах да, этого я очень боюсь. Я часто говорю Белл, что ее романтичность увянет, как увядают розы. И потом я начинаю думать, что проза полезнее поэзии, что рассудок лучше сердца, и... и... что деньги лучше любви. Все это так, я знаю, и все-таки люблю лунный свет.

– И поэзию, и любовь?

– Да. Поэзию много, а любовь еще больше. Быть любимой вами для меня очаровательнее всех моих мечтаний, лучше всякой поэзии, которую я читала.

– Неоцененная Лили. – И ничем не сдерживаемая рука его обвилась вокруг ее талии.

– В этом я вижу и значение лунного света, и благотворное действие поэзии, – продолжала влюбленная девушка. – Тогда я не знала, почему мне нравились подобные вещи, но теперь знаю. Это потому, что я хотела быть любимой.

– И любить.

– О, да. Одно без другого ничего бы не значило. Оно составляет или будет составлять прелесть для вас – другое для меня. Любить вас или знать, что я могу любить вас, для меня величайшее наслаждение.

– Вы хотите сказать, что в этом заключается осуществление вашего романа.

– Да, но, Адольф, это не должно быть окончанием романа. Вам должны нравиться томные сумерки и длинные вечера, когда мы будем одни, вы должны читать мне книги, которые мне нравятся, наконец, вы не должны приучать меня к мысли, что мир наш и холоден, и сух, и жесток, нет не должны, хотя я часто твержу об этом в разговорах наших с Белл. От вас я не должна слышать и не услышу этого.

– Он не будет ни холоден, ни жесток, если я сумею предупредить и то и другое.

– Милый Кросби, вы понимаете, что я хотела сказать. Я не буду считать его ни холодным, ни жестоким, даже иногда, когда вздумала бы посетить нас какая-нибудь скорбь, если вы... я думаю вы поняли, что я хотела сказать.

– Если я буду беречь вас.

– В этом я не сомневаюсь, нисколько не сомневаюсь. Неужели вы думаете, что я не могу довериться вам? Нет, я хочу сказать вам, что вы не должны считать забавными мое сочувствие к лунному свету, к чтению стихов и...

– И говорить пустяки. – Сказав это, Кросби еще крепче сжал ее талию, тон его голоса в эту минуту еще более понравился Лили.

– Мне кажется, что я и теперь говорю пустяки, – сказала она с недовольным видом. – Вам приятнее было, когда я говорила о поросятах, не правда ли?

– Неправда, мне приятнее всего слушать вас теперь.

– Почему же вам неприятно было тогда? Разве я сказала тогда что-нибудь оскорбительное для вас?

– Вы мне лучше всего нравитесь теперь, потому что...

Они остановились на узенькой дорожке, идущей через мостик в сад Большого дома, их окружала тень густо разросшихся лавровых деревьев. Но свет луны ярко пробивался между деревьями, которыми оканчивалась маленькая аллея, и Лили, взглянув на Кросби, могла ясно рассмотреть форму его лица, выражение нежности и любви в его глазах.

– Потому что... – сказал он и потом нагнулся к ней, еще крепче обняв ее, между тем как Лили приподнялась на цыпочки, губы их прикоснулись, и за тем последовал нежный, страстный поцелуй.

– Друг мой! – сказала Лили. – Жизнь моя! любовь моя!

Возвращаясь ночью в Большой дом, Кросби положительно решил, что никакие денежные расчеты не принудят его изменить слово, данное Лилиане Дель. Решимость его простиралась еще дальше: он не хотел откладывать свадьбы на дальний срок, который не должен был простираться далее шести или восьми месяцев, и уж никак не более десяти, лишь бы только успеть ему устроить в этот промежуток времени свои дела. Разумеется, ему придется отказаться от

всего, от всех возвышенных видов в его жизни, от честолюбия, но что же делать, с грустью говорил он самому себе, я приготовился к этому. Такова была решимость Кросби, и, размышляя о ней в постели, он пришел к заключению, что едва ли найдется несколько мужчин, менее его самолюбивых.

– Но что скажут в гостиной о нашем отсутствии? – спросила Лили, вспомнив о гостях. – Притом, ведь вы знаете, я должна распорядиться танцами. Пойдемте поскорей, и будьте умницей. Пожалуйста, ангажируйте на вальс Мэри Имс. Если вы этого не сделаете, я не буду говорить с вами весь вечер.

Действуя под влиянием такой угрозы, Кросби по возвращении в гостиную попросил молоденькую леди удостоить его чести провальсировать с ним. Мэри чувствовала себя на седьмом небе счастья. В состоянии ли целый мир доставить что-нибудь восхитительнее вальса с таким кавалером, как Адольф Кросби! А беденькая Мэри Имс танцевала хорошо, хотя не умела говорить так же хорошо и много, и притом после вальса долго не могла успокоиться. Во время движения она прилагала всю свою энергию и очень заботилась о выполнении механической части танца, чтобы не затруднить кавалера.

– Благодарю вас, очень мило, немного погодя я могу повторить с вами вальс. – Только этими словами и ограничивался разговор ее с Кросби, несмотря на то, ей казалось, что она никогда еще не держала себя так хорошо, как при этом случае.

Хотя танцующих было не более пяти пар и хотя нетанцующие, как то: сквайр, мистер Бойс и пастор из соседнего прихода, – не имели никаких развлечений, вечер, однако же, прошел весьма весело. Ровно в двенадцать часов подали небольшой ужин, который, без сомнения, облегчил несколько скуку мистрис Харп и доставил немалое удовольствие мистрис Бойс. Что касается до детей мистрис Бойс, то я нисколько не сожалею о них. Все вообще бывают счастливы в своем детском счастье, а если нет, то показывают вид, что счастливы. Во всяком случае, они просто исполняют какую-то прямую обязанность, которую в свое время исполняли для них другие. Но для чего пускаются на подобные собрания мистрис Харпы? К чему эта древняя леди просиживала несколько часов и, зевая, с нетерпением ждала минуты, когда ей можно забраться в постель, поглядывая через каждые десять минут на часы, чувствуя, что все кости ее ноют, что старым ушам ее больно от окружающего шума? Неужели все эти страдания переносятся для одного только ужина? Как бы то ни было, после ужина служанка мистрис Харп провела ее до коттеджа, за ней побрела мистрис Бойс, сквайра проводили довольно парадно, прощаясь с хозяйкою дома, он намекнул молодым людям, чтобы по возвращении домой не делали шуму. Бедный пастор еще оставался, от времени до времени он обращался к мистрис Дель с скучными речами и глядел глазами Тантала на светские радости и удовольствия, приготовленные для других. Надобно сказать, что общественное мнение и мнение английских епископов сложились в этом отношении как-то особенно жестоко против пасторов.

В последний период вечерних удовольствий, когда время, танцы и другие развлечения сделали всех молодых людей счастливыми, Джон Имс в первый раз стоял подле Лили в паре кадрили. Лили сделала все, что только могла, лишь бы принудить его оказать для нее эту милость; она чувствовала, что для нее это было бы милостью. Лили, быть может, не совсем понимала, как велико было желание с его стороны ангажировать ее и в то же время получить отказ. Несмотря на то, она понимала многое. Она знала, что он не сердился на нее, знала, что он страдал сколько вследствие отвергнутой любви, столько и от самой любви, которую продолжал еще питать к Лили. Она желала успокоить его, облегчить его страдания и в то же время не совсем верила в полную, прямую, непринужденную искренность его чувств.

Наконец Джонни подошел к ней, и хотя Лили была ангажирована, но тотчас же приняла его предложение. Она перепорхнула через комнату.

– Адольф, – сказала она, – я не могу танцевать с вами, хотя и обещала. Меня просить Джон Имс, и я еще ни разу с ним не танцевала. Вы понимаете меня, и верно будете паинькой, не правда ли?

Кросби нисколько не ревновал, как паинька, он спокойно сел в уголок позади дверей.

В течение первых пяти минут разговор между Имсом и Лили был весьма обыкновенный. Она повторила желание видетсья с ним в Лондоне, а он, без всякого сомнения, обещал исполнить это желание. После того наступило молчание на несколько времени, и затем нужно было танцевать.

– Не знаю еще, когда будет наша свадьба, – сказала Лили, когда кончилась фигура и когда оба они снова стояли друг подле друга.

– Тем менее я могу знать об этом, – сказал Имс.

– Во всяком случае, я полагаю, не в нынешнем году, это можно сказать почти наверное.

– Может быть, весной, – намекнул Имс. Он бессознательно желал, чтобы свадьба была отложена на более продолжительное время, и в то же время не хотел огорчать Лили.

– Я говорю об этом собственно потому, что нам было бы весьма приятно, если бы вы могли быть здесь в день моей свадьбы. Мы все вас так любим, и я в особенности желаю, чтобы этот день вы провели вместе с нами.

Почему это так постоянно делается девушками, выходящими замуж? Почему они постоянно просят мужчин, которые любили их, присутствовать на свадьбе их с другими мужчинами? Тут нет, кажется, особенного торжества. Это делается просто из одного расположения и любви, они надеются предложить что-нибудь смягчающее, а отнюдь не увеличивающее душевную скорбь, которой сами были виновными. «Вы не можете жениться на мне, – говорит, по видимому, новобрачная, – но вместо беспредельного счастья, которое бы я могла доставить вам, сделавшись вашей женой, вы будете иметь удовольствие видеть меня замужем за другим». Я вполне ценю образ действий подобного рода, но, говоря по чистой совести, сомневаюсь в удовольствии, которое может доставить такая замена.

При настоящем случае Джон Имс был одного со мной мнения, он не принял приглашения Лили.

– Неужели вы не хотите сделать для меня этого одолжения? – спросила Лили голосом, исполненным непритворной нежности.

– Я готов сделать вам всякое одолжение, – угрюмо отвечал Джонни.

– Кроме этого?

– Да, кроме этого. Я не в состоянии сделать этого.

Сказав это, Джонни должен был танцевать, и, когда, кончив фигуру, снова стоял подле Лили, они оба оставались безмолвными до конца кадрили. Отчего это в ту ночь Лили думала о Джонни Имсе гораздо больше, чем бывало прежде, отчего в ней явилось большее расположение уважать его как человека, который обнаруживал большой запас своей собственной воли?

В эту кадрили Крофтс и Белл танцевали вместе и тихо говорили о свадьбе Лили.

– Мужчина может перенести очень многое, – говорил Крофтс, – но он не имеет права заставить женщину переносить нищету.

– Может быть, – сказала Белл.

– То, что для мужчины не составляет страдания, чего мужчина, может статься, и не почувствует, для женщины будет земным адом.

– Весьма быть может, – сказала Белл, не обнаружив ни малейшего сочувствия к этим словам, ни в лице, ни в голосе.

Но она запомнила каждое слово, сказанное Крофтсом, и доискивалась истины в каждом из них со всею силою своего сердца и ума, со всею пылкостью своей души. «Как будто женщина не в состоянии перенести более мужчины!» – говорила она самой себе, проходя по комнате, освобождаясь от руки доктора.

Танцы кончились, и остальные гости разошлись.

Глава X

МИСТРИС ЛЮПЕКС И АМЕЛИЯ РОПЕР

Я ввел бы доверчивого читателя в большое заблуждение, сказав ему, что мистрис Люпекс была любезная, милая женщина. Может статься, факт, что она была не любезна, составляет один из величайших недостатков, который можно было бы вменить ей в вину, но этот недостаток принял такие широкие размеры и разросся в таком множестве различных мест ее жизни, подобно плодовитому растению, распускающему свои корни и листья по всему саду, что делал ее несносною в каждой отрасли жизни и одинаково отвратительною для тех, кто знал ее мало и кто знал ее много. Если бы наблюдатель имел возможность заглянуть в душу этой женщины, то увидел бы, что Люпекс хотела быть порядочной женщиной, что она делала, или по крайней мере, обещала себе сделать некоторые попытки усвоить добрую нравственность и приличие. Для нее было так естественно терзать тех, кого несчастье сближало с ней, и особенно того несчастного человека, который, должно быть, в черный день прижал ее к груди своей как жену, как подругу своей жизни, тогда нравственность совсем покинула ее и приличие для нее не существовало.

Мистрис Люпекс, как я уже описывал, была женщина не без некоторой женской прелести в глазах тех, кому нравилось утреннее дезабилье и вечерние наряды, которые длинный нос, согнутый на сторону, не считали недостатком. Она была умна в своем роде и умела говорить остроумные вещи. Она умела также льстить и говорить любезности, хотя самая любезность ее отзывалась чем-то неприятным. Она, должно быть, имела порядочную силу воли, иначе муж ее убежал бы от нее задолго до того времени, которое я описываю. Иначе, тоже, едва ли бы она попала на житье в гостиную мистрис Ропер, потому что хотя сто фунтов стерлингов в год, плаченные или обещанные быть уплаченными, и имели в хозяйственных расчетах мистрис Ропер весьма важное значение, но, несмотря на то, едва только прошли первые три месяца пребывания мистрис Люпекс в Буртон-Кресценте, как в хозяйке дома родилось сильное желание отделаться от своих женатых квартирантов.

Быть может, я лучше всего опишу маленький случай в Буртон-Кресценте во время отсутствия нашего друга Имса и течение дел в той местности, представив два письма, которые Джонни получил по почте в Гествике, поутру после вечера в доме мистрис Дель. Одно письмо было от его приятеля Кредля, другое – от преданной Амелии. В настоящем случае передам письмо от джентльмена первым, полагая, что лучше ужогу желаниям моих читателей, придерживаясь скромности до последней возможности.

«Сентября 186 г.*

Любезный мой Джонни.

У нас, в Кресценте, случилось страшное происшествие, я решительно не знаю, как рассказать тебе о нем, хотя и должен это сделать, потому что нуждаюсь в твоём совете. Тебе известны мои отношения к мистрис Люпекс, и может статься, ты помнишь, что мы говорили на дебаркадере железной дороги. Мне, конечно, нравилось ее общество, как нравилось бы общество всякого другого друга.

Я знал, без сомнения, что она прекрасная женщина, и если ее мужу угодно быть ревнивым, то я не мог этому помочь.

Я не имел в виду ничего дурного и, если бы понадобилось, мог бы привести тебя в свидетели, чтобы доказать справедливость моих слов. Я не сказал ей ни одного слова за стенами гостиной мистрис Ропер, а в стенах гостиной всегда бывала мисс Спрюз, или сама мистрис Ропер, или кто-нибудь

другой. Тебе известно также, что муж ее пьет иногда страшным образом, и когда напьется, то, разумеется, сумасбродствует. Вчера вечером, около девяти часов, он пришел совершенно в пьяном виде. Судя по словам Джемимы (Джемима была горничная мистрис Ропер), он пьянствовал в театре около трех дней. Мы не видели его со вторника. Он вошел прямо в гостиную и послал Джемиму за мной, сказав, что ему нужно меня видеть. Мистрис Люпекс находилась в комнате и, услышав приказание пригласить меня, прибежала ко мне и сказала, что если предполагается сделать кровопролитие, то она уйдет из дому. В гостиной не было больше никого, кроме мисс Спрюз, которая, не сказав ни слова, взяла свечку и ушла наверх. Можешь представить себе, что обстоятельство это было в высшей степени неприятно. Что должен был я делать с пьяным человеком внизу в гостиной? Как бы то ни было, она, по-видимому, думала, что мне надо идти. „Если он поднимется сюда, – сказала она, – то я буду жертвой. Вы еще мало знаете, на что бывает способен этот человек, когда гнев его воспламенен вином“. Ты я думаю, знаешь, что я не трус перед кем бы то ни было, но к чему мне было ввязываться в такую суматоху, как эта? Я ничего не сделал. И притом же, если бы началась ссора и из нее вышло бы что-нибудь, как этого надо было ожидать, если бы произошло кровопролитие, как выразилась мистрис Люпекс, или драка, или если бы он разбил мне голову каминной кочергой, с какими бы глазами показался я в должность? Человек, состоящий в общественной службе, например, как ты и я, не может заводить ссоры, а тем более вступать в драку. Так, по крайней мере, я думал в этот момент. „Пожалуйста, идите вниз, – сказала горничная, – если не хотите видеть меня убитой у ваших ног“. Фишер говорит, что если сказанное мною правда, то они, должно быть, сами устроили это все между собою. Не думаю, потому что я уверен, что она действительно любит меня, и притом же каждому известно, что они никогда и ни в чем не соглашаются. Она умоляла меня спуститься вниз. Нечего делать, я спустился. В самом низу лестницы стояла Джемима, я слышал, что Люпекс ходил взад и вперед по гостиной. „Будьте осторожны, мистер Кредль“, – сказала горничная; я видел по ее лицу, что она была в страшном испуге. В это время я увидел свою шляпу на столе зала, и мне в тот же момент пришла в голову мысль, что я должен посоветоваться с каким-нибудь другом. Разумеется, я несколько не боялся человека, который расхаживал в гостиной, но кто бы оправдал меня, если б я вступил в драку, даже для защиты своей жизни, в доме мистрис Ропер? Я обязан был подумать о ее интересах. Поэтому я взял шляпу и преспокойно вышел в уличную дверь. „Скажи ему, – сказал я Джемиме, – что меня нет дома“, – и сейчас же отправился к Фишеру, предполагая послать его к Люпексу в качестве моего друга, но, как нарочно, Фишер был в шахматном клубе.

Так как, по моему мнению, в подобном случае нельзя было терять ни минуты времени, то я поспешил в клуб и вызвал Фишера. Ты знаешь, какой хладнокровный человек этот Фишер. Мне кажется, взволновать его ничто не в состоянии. Когда я рассказал ему всю историю, он ответил, что Люпекс проспится и тем дело кончится, не так думал я, прогуливаясь около клуба в ожидании, когда Фишер кончит игру. Фишер полагал, что мне лучше всего воротиться в Буртон-Кресцент, но, разумеется, я знал, что об этом и думать нельзя, и кончил тем, что проспал ночь на софе Фишера, а утром послал домой за некоторыми вещами. Я хотел, чтобы Фишер до должности

сходил к Люпексу, но он сказал, что лучше повременить и что зайдет к нему в театр, кончивши занятия по службе.

Я хочу, чтобы ты написал мне немедленно, сказав в письме своем все, что ты знаешь об этом деле. Я прошу тебя, собственно, потому, что мне не хочется вовлекать в эту историю кого-нибудь из других жильцов в доме мистрис Ропер. Мне крайне неприятно, что не могу оставить ее дом сейчас же, не могу потому, что не отданы деньги за последнюю четверть года, иначе я бежал бы отсюда, этот дом, скажу тебе, не годится ни для меня, ни для тебя. Поверь, мистер Джонни, что я говорю тебе самую правду. Сказал бы я тебе несколько слов об А. Р. но боюсь, что слова мои поведут к неудовольствию. Пожалуйста, пиши ко мне безотлагательно. Мне кажется, лучше будет, если ты напишешь к Фишеру, так что он может показать письмо твое Люпексу, и подтвердить при этом, основываясь на твоих словах, что между мною и мистрис Люпекс не было и не могло быть других отношений, кроме обыкновенной дружбы, и что, само собою разумеется, ты, как мой друг, должен знать все. Отправлюсь ли я сегодня в дом мистрис Ропер, будет зависеть от того, что скажет мне Фишер, после свидания с Люпексом.

*Прощай, мой друг! Надеюсь, что ты теперь блаженствуешь, и что Л. Д. в добром здравьи. Твой искренний друг
Джозеф Кредль».*

Джон Имс два раза прочитал это письмо, прежде чем распечатал письмо от Амелии. Он в первый раз получил письмо от мисс Ропер и вовсе не ощущал того нетерпения прочитать его, которое обыкновенно испытывают молодые люди при получении первого письма от молодой леди, в настоящую минуту воспоминание об Амелии было для него отвратительно, и он бросил бы письмо в камин не распечатанным, если бы не опасался дурных последствий. Что касается до друга своего, Кредля, он стыдился за него, стыдился не потому, что Кредль бежал от мистера Люпекса, но потому, что побег свой Кредль оправдывал ложными предложениями.

Наконец он распечатал письмо от Амелии. «Неоцененный Джон» – этими словами начиналось оно. Джонни прочитал их и судорожно сжал письмо. Оно было написано женским почерком, с тоненькими прямыми черточками при конце каждой буквы, вместо круглых очертаний, но все же было весьма четко, и казалось, как будто каждое слово написано вполне обдуманно.

«Неоцененный Джон. Для меня так странно еще употреблять подобное выражение. И все-таки скажу „неоцененный Джон“, разве я не имею права называть вас таким образом? Разве вы не принадлежите мне, а я вам навсегда? (Джонни снова судорожно сжал письмо и при этом пробормотал несколько слов, повторять которые я не считаю за нужное. Через минуту он продолжал). Я знаю, что мы совершенно понимаем друг друга, и в таком случае совершенно позволительно одному сердцу открыто говорить другому. Таковы мои чувства, и я уверена, что в вашей груди найдется для них отголосок. Не правда ли, что любить и в то же время быть любимым в высшей степени восхитительно? Так, по крайней мере, я нахожу это чувство. При этом, неоцененный Джон, позвольте мне уверить вас, что в моей груди нет ни малейшей частицы ревности к вам. Я имею слишком много уверенности, как в ваше благородство, так в свою собственную, я хочу сказать, чарующую силу, хотя вы и назовете меня тщеславною. Вы не думайте, что этими словами я намекаю на Л. Д. Само собою

разумеется, что вам приятно видеться с друзьями вашего детства, и, поверьте, сердце вашей Амелии слишком далеко от того, чтобы завидовать такому очаровательному удовольствию. Ваши друзья, я надеюсь, со временем будут и моими друзьями. (Судорожное сжатие письма.) И если между ними действительно будет Л. Д. которую вы так искренно любили, я точно так же искренно приму ее в мое сердце. (Этого уверения со стороны Амелии было слишком много для бедного Джонни, он швырнул на пол письмо и начал думать, где и в чем искать ему помощи – в самоубийстве или в колониях, – немного погодя он снова поднял письмо, решившись осушить горькую чашу до дна.) Если вам показалось, что перед вашим отъездом я была немного капризна, то вы должны простить вашу Амелию. Я уже наказана за это: месяц вашего отсутствия для меня целая вечность. Здесь нет ни души, кто бы сочувствовал моему положению. А вы во время своего отсутствия не хотели даже порадовать меня. Могу вас уверить, какие бы ни были ваши желания, я не буду счастлива до тех пор, пока не увижу вас при себе. Напишите мне хотя строчечку, скажите, что вы довольны моею преданностью.

Теперь я должна вам сказать, что в нашем доме случилось грустное происшествие, в котором не думаю, чтобы друг ваш мистер Кредль вел себя вполне благородно. Вы помните, как он всегда ухаживал за мистрис Люпекс. Матушка моя была крайне огорчена этим, хотя ни слова никому не говорила. Разумеется, кому приятно говорить о таких предметах, которые касаются имени какой-нибудь леди. В течение последней недели Люпекс сделался страшно ревнивым, мы все знали, что собирается что-то недоброе. Сама Люпекс хотя и хитрая женщина, но не думаю, чтобы она замышляла что-нибудь дурное, разве только одно, чтобы довести мужа своего до бешенства. Вчера Люпекс пришел под хмельком и пожелал видеться с Кредлем, но Кредль перепугался, взял шляпу и ушел. Это с его стороны было весьма дурно. Если он считал себя невинным, то почему он не явился на призыв Люпекса и не объяснил недоразумения? Это обстоятельство, говорит моя мать, падает темным пятном на наш дом. Люпекс клялся вчера вечером, что утром отправится в управление сбора государственных доходов и осрамит Кредля перед комиссионерами, клерками, перед всеми. Если он это сделает, то вся история появится в газетах, весь Лондон узнает об этом. Самой Люпекс это понравится, я знаю, она только и заботится о том, чтобы о ней говорили, но что будет тогда с домом моей матери? Как я желаю, чтобы вы были здесь: ваше благоразумие и благородство все бы это уладили сразу, так, по крайней мере, я думаю.

Я буду считать минуты до получения вашего ответа и позавидую почтальону, который возьмет в руки ваше письмо прежде, чем оно дойдет до меня. Пожалуйста, пишите поскорее. Если я не получу ответа в понедельник утром, то буду думать, что с вами что-нибудь случилось. Хотя вы и находитесь в кругу дорогих своих старых друзей, но, вероятно, у вас найдется минута написать несколько слов вашей Амелии.

Матушка очень огорчена происшествием в ее доме и говорит, что, если бы вы были здесь и подали ей совет, она бы много не беспокоилась. Для нее это очень тяжело, она всегда заботилась о том, чтобы дом ее пользовался уважением и чтобы все в нем были покойны. Я послала бы мою искреннюю любовь и почтение вашей дорогой маме, если бы только знала ее, хотя

надеюсь, что узнаю, вашей сестрице, а также Л. Д., если вы объяснили ей наши отношения. За тем ничего больше не остается сказать со стороны души преданной и обожгающей вас Амелии Ропер».

Ни одна часть этого нежного письма не доставила удовольствия бедному Имсу, напротив, последняя из них отравляла все его чувства. Возможно ли было оставаться равнодушным, когда эта женщина осмелилась послать любовь его матери, его сестре и даже Лили Дель! Он чувствовал, что одно уже произношение имени Лили такой женщиной, как Амелия Ропер, было оскорблением этого имени. А между тем Амелия Ропер, как она уверяла его, принадлежала ему. Как ни противна для него была она в настоящую минуту, он верил, что и сам принадлежал ей. Бедный Джонни чувствовал, что в лице его она приобрела некоторую собственность и что ему суждено уже быть связанным с ней на всю жизнь. Во все время знакомства с Амелией он сказал ей весьма немного нежностей, весьма немного таких, по крайней мере, нежностей, которые имели бы серьезное значение, но между этими немногими было слова два-три, которыми он высказал свою любовь к ней! А эта роковая записочка, которую он написал к ней! При одном воспоминании об этом Джонни подумал: уж не лучше ли ему отправиться к большому резервуару позади Гествика, резервуару, питаемому водой своей Хамершамский канал, и положить конец своему жалкому существованию?

В тот же самый день он написал два письма: одно к Фишеру, другое к Кредлю. Фишеру он высказал свое убеждение, что Кредль точно так же, как он сам, был невинен в отношении к мистрис Люпекс. «Он далеко не такой человек, чтобы подделываться к замужней женщине», – говорил Джонни, к немалому неудовольствию Кредля: когда письмо достигло до места служения последнего, джентльмен этот был не прочь от репутации Дон Жуана, которую надеялся приобрести между своими сослуживцами чрез это маленькое происшествие. При первом взрыве бомбы, когда до бешенства ревнивый муж свирепствовал в гостиной, раздражаемый все более и более парами вина и любви, Кредль находил обстоятельство это в высшей степени неприятным. Но на утро третьего дня – Кредль провел две ночи на софе своего приятеля Фишера – он начал гордиться этим, ему приятно было слышать имя мистрис Люпекс произносимым другими клерками. Поэтому, когда Фишер прочитал письмо из Гествика, ему очень не понравился тон его друга.

– Ха-ха-ха! – захохотал он. – Я только и хотел, чтоб он именно это сказал. Подделываться к замужней женщине! По этой части я самый последний человек во всем Лондоне.

– Клянусь честью, – сказал Фише, – я думаю, последний.

И Кредль остался недоволен. В этот день он смело отправился в Буртон-Кресцент и там обедал. Ни мистера, ни мистрис Люпекс не было видно, мистрис Ропер ни разу не упомянула их имени. В течение вечера он собрался с духом и спросил об них мисс Спрюз, но эта ветхая леди торжественно покачала головой и объявила, что ей ничего неизвестно о подобных делах: где ей знать об этом?

Но что же должен был делать Джон Имс с письмом от Амелии Ропер? Он чувствовал, что всякого рода ответ на него был бы делом очень опасным, тем не менее казалось опасным оставить его совсем без ответа. Он вышел из дому, прошел через гествикский выгон, через рощи гествикского господского дома, к большой вязовой аллее в парке лорда Дегеста, и во все время прогулки своей придумывал способы, как бы выпутаться из этого безвыходного положения. Здесь по этим самым местам он бродил десятки и десятки раз в свои ранние годы, когда, оставаясь еще в совершенном неведении о происходившем за пределами его родного крова, мечтал о Лили Дель и давал себе клятву, что она будет его женой. Здесь он сплетал свои стихотворения, питал свое честолюбие возвышенными надеждами, строил великолепные воздушные замки, в которых Лилиана Дель господствовала, как царица, и хотя в те дни он сознавал себя неловким, жалким юношей, до которого никому не было дела, никому, кроме матери и сестры, а все же был счастлив в своих надеждах, хотя никогда не приучал себя к мысли, что

они могут когда-нибудь осуществиться. Но теперь ни в мечтаниях его, ни в надеждах ничего не было отрадного. Все для него было мрачно, все грозило ему несчастьем, гибелью. Впрочем, и то сказать, почему же ему не жениться на Амелии Ропер, если Лили выходит замуж за другого? Но при этой мысли он вспомнил момент, когда Амелия в памятную ночь показалась ему в полуотворенную дверь, и подумал, что жизнь с такой женой была бы живой смертью.

Одно время он решался рассказать все своей матери и предоставить ей написать ответ на письмо Амелии. Если худое должно сделаться худшим, то, во всяком случае, Роперы не могли бы совершенно погубить его. Он знал, по-видимому, что Роперы могли начать судебный процесс, вследствие которого его бы посадили в тюрьму на известное время, уволили бы от службы и наконец распубликовали бы его поступок во всех газетах. Все это, однако же, можно бы перенести, если бы перчатка была брошена ему кем-нибудь другим. Джонни чувствовал, что он одного только не мог сделать, – писать к девушке, которую бы следовало любить, и сказать ей, что он вовсе не любил и не любит ее. Он знал, что сам был бы не в состоянии выставить подобные слова на бумаге, как знал очень хорошо также и то, что у него не достало бы смелости сказать ей в лицо, что он изменил свое намерение. Он знал, что ему должно принести себя в жертву Амелии, если не найдет какого-нибудь доброго рыцаря, который бы одержал победу в его пользу, и при этом снова подумал о своей матери.

Вернувшись домой, Джонни, однако, был так же далек от решимости объяснить матери свое положение, как и в то время, когда отправлялся на прогулку. В течение более чем половины времени, проведенного под открытым небом, он строил воздушные замки, не те, в которых в былое время считал себя счастливейшим созданием, но мрачные замки, с еще более мрачными темницами, в которых едва-едва проникал луч жизни. Во всех этих зданиях воображение Джонни рисовало ему портрет Лили в качестве жены мистера Кросби. Он принимал это за действительность, а воображение продолжало рисовать более мрачные картины, подделяваясь под его настроение духа, представляя ему, что Лили была едва ли не несчастнее его чрез дурное обращение и суровый характер ее мужа. Он старался мыслить и составить план дальнейших его действий, но в мире нет ничего труднее, как принудить себя мыслить в то время, когда деятельности ума поставлены почти непреодолимые преграды. В подобных обстоятельствах ум похож на лошадь, которую привели к водопою и заставляют ее пить в то время, когда у нее вовсе нет жажды. Поэтому Джонни воротился домой все еще в раздумье: отвечать или нет на письмо Амелии? Если нет, то как ему надобно вести себя по возвращении в Буртон-Кресцент?

Не знаю, надобно ли говорить, что мисс Ропер, сочиняя свое письмо, предвидела все это, и что такое положение бедного Джонни было тщательно выработано для него предметом... его обожавшим.

Глава XI ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В тот день, когда Кредль возвратился под гостеприимный кров мистрис Ропер, мистер и мистрис Люпекс, в полном супружеском счастье, кушали одно из своих лакомых блюд. К этому блюду присоединялись некоторые другие лакомства, соответствовавшие времени года и находившиеся в соседстве театра, с помощью горького пива и грога они сглаживали все шероховатости на дороге жизни, заставляя себя забывать все минувшие неприятности. Об этом супружеском примирении Кредль ничего не слышал и, увидев счастливых супругов, входящих в гостиную спустя несколько минут после вопроса, предложенного мисс Спрюз, был приведен в крайнее изумление.

Люпекс был незлопамятен и от природы довольно мягкого характера. Это был человек, который любил хорошо покушать и в глазах которого стакан горячего пунша имел весьма высокую цену. Будь жена для него действительно доброю подругой, он совершил бы назначенный путь в этой жизни, если не вполне rispetабельно, то, во всяком случае, без явного позора. К сожалению, эта женщина не доставляла ему никакого утешения, кроме разве того, которое можно было почерпать из пуншевого стакана. Восемь лет они были друг для друга мужем и женой, и иногда, к сожалению, я должен сказать, мистрис Люпекс доводила его до такого состояния, что бедный муж считал бы за счастье, если бы жена бросила его. В жалком его положении, тот или другой способ избавиться от нее навсегда доставил бы ему отраду. Если бы он обладал в достаточной степени энергией, он перенес бы искусство свое писать театральные декорации в Австралию, даже на самые отдаленные концы вселенной, где только существовало сценическое искусство. Но это был мягкий, беспечный, самим собою балуемый и избалованный человек. Во всякое время, как бы его ни тяготило горе, ему достаточно было стакана грогу и вкусного обеда, чтобы забыть все и примириться с своим положением. Второй стакан делал его самым нежным супругом, за третьим к нему возвращались воспоминания о всех обидах и оскорблениях и сообщалось особенное расположение и храбрость повоевать с женой или, пожалуй, с целым светом, даже в ущерб окружавшей его мебели, если в это время попадалась под руку каминная кочерга. Все эти особенности его характера не были, однако же, известны Кредлю, и потому появление его в гостиной с женой своей, опиравшейся на его руку, как нельзя более удивило нашего приятеля.

– Мистер Кредль! вашу руку, – сказал Люпекс после второго стакана грогу, на третий ему не было дано разрешения. – Между нами было маленькое недоразумение, забудемте о нем.

– Мистер Кредль, сколько я знаю его, – сказала мистрис Люпекс, – настолько джентльмен, чтобы забыть всякое неудовольствие, когда другой джентльмен подает ему руку в знак примирения.

– О, конечно, – сказал Кредль, – я совершенно... да, я... мне очень приятно, что кончилось все благополучно.

Вместе с этим он пожал руки супругов, причем мисс Спрюз поднялась с кресла, сделала низкий реверанс и тоже обменялась пожатием рук с мужем и женой.

– Вы, мистер Кредль, холостой человек, – сказал Люпекс. – И потому не в состоянии понять, что происходит иногда в душе человека женатого. Бывают минуты, когда чувство ревности из-за этой женщины берет верх над рассудком.

– Ах, Люпекс, перестань, – сказала жена его, шутя похлопав по плечу его старым зонтиком.

– И я, не колеблясь, скажу, что в тот вечер, когда вас приглашали в столовую, я не мог совладеть с этим чувством.

– Я очень рад, что все уладилось, – сказал Кредль.

– Очень рада и я, – сказала мисс Спрюз.

– И следовательно, нет надобности говорить об этом, – заметила мистрис Люпекс.

– Еще одно слово, – сказал мистер Люпекс, размахнув рукой. – Мистер Кредль, я чрезвычайно рад, что вы не исполнили моего требования в тот вечер. Придите вы тогда, признаюсь вам, придите вы тогда, и, право, без крови дело бы не обошлось. Я ошибался. И теперь сознаюсь в своей ошибке, но все-таки без крови дело бы не обошлось.

– Ах, боже мой, боже мой! – сказала мисс Спрюз.

– Мисс Спрюз, – продолжал Люпекс. – Бывают минуты, когда сердце человеческое ожесточается.

– Так, так, – сказала мисс Спрюз.

– Ну, Люпекс, довольно, – сказала жена его.

– Да, довольно. Но все же, мне кажется, я вправе выразить мистеру Кредлю мое удовольствие, что он не пришел ко мне. Ваш друг, мистер Кредль, удостоил меня вчера своим посещением в театре, в половине пятого. К сожалению, в это время я был на подмостках и никак не мог спуститься к нему. Я сочту за особенное счастье встретиться с вами в ресторане Пот и Покер, в улице Бау, и за хорошей котлетой похоронить в стакане вина это неприятное недоразумение.

– Вы очень любезны, – сказал Кредль.

– Мистрис Люпекс тоже будет с нами. Там есть очаровательный, уютный уголок, и если мисс Спрюз удостоит...

– Ах, сэр, ведь я старуха, вы это знаете.

– Нет, нет, нет! – воскликнул Люпекс. – И слышать не хочу. Что вы скажете, на это, мистер Кредль, насчет обеда, знаете, вчетвером?

Само собою разумеется, что приятно было видеть мистера Люпекса в его настоящем настроении духа, гораздо приятнее, чем в то время, когда дело с ним, по его собственному выражению, не обошлось бы без крови, но как ни был он приятен, и на этот раз все-таки было видно, что он находился не совсем в трезвом состоянии. Поэтому Кредль не назначил дня для скромного званого обеда и только заметил, что будет очень рад воспользоваться приглашением при первой возможности.

– Теперь, Люпекс, пора спать, – сказала жена. – Ты знаешь, тебя сегодня был тяжелый день.

– А ты, моя милочка?

– Я приду сию минуту. – Полно же пожалуйста, не дурачься, отправляйся спать. Иди сюда! – И она стала в открытых дверях, ожидая, когда он пройдет.

– Мне бы хотелось лучше остаться здесь и выпить стакан чего-нибудь горячего, – сказал Люпекс.

– Люпекс, ты опять хочешь рассердить меня, – сказала жена, бросив на него взгляд, совершенно для него понятный.

Люпекс не имел расположения драться и в настоящее время вовсе не жаждал крови, поэтому он решил идти. Но во время перехода он приготовился к новым битвам.

– Уж сделаю же я что-нибудь отчаянное, – говорил он, снимая сапоги, – непременно сделаю.

– Ах, мистер Кредль, – сказала мистрис Люпекс, как только затворила дверь за удалившимся мужем. – Я не знаю, как взглянуть вам в глаза после событий этих последних памятных дней!

Она села на диван и закрыла лицо свое батистовым платком.

– Перестаньте, – сказал Кредль, – это ничего не значит между такими друзьями, как мы.

– Но ведь это будет известно в вашем управлении и уже, может быть, известно, откуда приходил к нему в театр какой-то джентльмен. Не знаю, переживу ли я это?

– Согласитесь, мистрис Люпекс, я должен же был послать кого-нибудь.

– Я не обвиняю вас, мистер Кредль. Я знаю очень хорошо, что в моем жалком положении не имею даже права обвинять кого-нибудь и не могу судить об отношениях одного джентльмена к другому. Но только подумать о том, что мое имя упоминается с вашим... Ах, мистер Кредль! мне стыдно взглянуть на ваше лицо!

И она снова спрятала свое лицо в батистовый платок.

– Хорошее к хорошему идет, – сказала мисс Спрюз, в тоне ее голоса было что-то особенное, придававшее словам ее много скрытного значения.

– Ваша правда, мисс Спрюз, – сказала мистрис Люпекс, – в настоящую минуту только это одно меня и утешает. Мистер Кредль настолько джентльмен, чтобы не воспользоваться... я в этом совершенно уверена.

И мистрис Люпекс взглянула на него через край руки, в которой держала батистовый платок.

– Конечно, я не позволю себе, – сказала Кредль. – То есть...

Кредль не высказал своей мысли. Гоняась за мистрис Люпекс, он вовсе не хотел попасть в западню. А между тем ему нравилась идея, что о нем будут говорить как о поклоннике замужней женщины, ему нравились блестящие глаза этой женщины. Когда несчастный мотылек, летая, в своем полуослеплении, вокруг огня горящей свечи, задевает крылышками за пламя свечи, обжигает их и чувствует мучительную боль, он даже и тогда не обращает внимания на этот урок, но снова и снова подлетает к огоньку до тех пор, пока тот окончательно его не уничтожит. Таким мотыльком был и бедный Кредль. Пламя, вокруг которого летал он, не сообщало ему отрадной теплоты, в его блеске не было никакой красоты. Напротив, оно наносило ему вред, обжигало ему крылья, отнимало всю силу для будущих полетов и грозило совершенной гибелью. Никто не мог сказать, чтобы дружба с мистрис Люпекс доставила ему хотя бы несколько минут истинного счастья. Он не чувствовал к ней ни малейшей любви, напротив, боялся ее, и во многих отношениях она ему не нравилась. Но для него, при его слабости, неопытности и ослеплении, свойственных всем мотылькам, и то казалось уже великим делом, что ему позволяли летать близ огня. О, друзья мои! вспомните, сколь многие из вас были мотыльками и что теперь вы порхаете с более или менее опаленными крыльями, с более или менее заметными следами обжогов!

Прежде чем мистер Кредль успел решить в своем уме, следует ли ему или нет воспользоваться настоящим случаем, чтобы еще раз порхнуть к огоньку, – в подобного рода действии он не стеснялся присутствием мисс Спрюз, – дверь в гостиную отворилась и в нее вошла Амелия Ропер.

– Ах, мистрис Люпекс! – сказала она. – И мистер Кредль!

– И мисс Спрюз, прибавьте, моя милая, – сказала мистрис Люпекс, показывая на ветхую леди.

– Я ведь старуха, вы знаете, – заметила мисс Спрюз.

– О, да, я вижу мисс Спрюз, – сказала Амелия. – Я произнесла ваши имена без всякого умысла, могу вас уверить.

– Я и не думала об этом, душа моя, – сказала мистрис Люпекс.

– Право, я никак не полагала, чтобы вы были так спокойны... я хочу сказать, что когда услышала о ссоре, я полагала... Впрочем, если последовало примирение, то поверьте, никто так не рад ему, как я.

– Да, мы помирились.

– Если мистер Люпекс удовлетворен, то я радуюсь от души, – сказала Амелия.

– Мистер Люпекс удовлетворен, – возразила мистрис Люпекс, – и позвольте вам сказать, душа моя, зная, что вы надеетесь сами выйти замуж...

– Мистрис Люпекс, я не надеюсь выйти замуж – по крайней мере, в настоящее время.

– А я думала, что вы даже торопитесь. Во всяком случае, позвольте сказать, что когда вы будете иметь мужа, то увидите, что не всегда возможно поддерживать доброе согласие. Нет ничего хуже жить на этих квартирах, какой-нибудь пустой ничтожный случай, и о нем все уже знают. Как вы скажете, мисс Спрюз?

– Я скажу, что гораздо спокойнее жить на квартире, чем содержать квартиры, – отвечала мисс Спрюз, находившаяся в некотором страхе и зависимости от своих родственников Роперов.

– Это каждому известно, – сказала Амелия. – Если какой джентльмен будет приходить домой в пьяном виде и грозить убийством другому джентльмену в том же доме и если леди...

Амелия остановилась, она знала, что линейный корабль, с которым приготовилась сражаться, имел в себе много боевой силы.

– Дальше, дальше, мисс, – сказала мистрис Люпекс, вставая с места и выпрямляясь во весь рост. – Что же, если леди?

Здесь мы можем сказать, что сражение началось и что два корабля были обязаны, по общим законам храбрости и ведения войны на море, поддерживать бой до тех пор, пока один из них будет совершенно обезоружен, если только не взорван на воздух или не пущен на дно. В этот момент для постороннего зрителя трудно было сказать, на чьей стороне из сражающихся находился более верный шанс на совершенный успех. Правда, мистрис Люпекс имела на своей стороне более действительной силы: навык драться, сообщавший ей беспредельное искусство, храбрость, заглушавшую боль ран до конца сражения, и, наконец, беспечность, делавшую ее почти равнодушной к тому, потопят ли ее или она останется на поверхности воды. С другой стороны, Амелия несла большую артиллерию и имела возможность бросать более тяжелые снаряды, чем неприятель, она тоже приняла грозную позицию. Если бы им пришлось сцепиться и вступить в рукопашный бой, то Амелия, без всякого сомнения, вышла бы из него победительницей, но мистрис Люпекс была слишком хитра, чтобы допустить подобный маневр, однако все же была готова на всякий случай и жаждала битвы.

– Ну так что же, если леди? – спросила она таким тоном, который не допускал миролюбивого ответа.

– Всякая леди, если только она леди, – сказала Амелия, – должна знать, как ей следует вести себя...

– Так вы намерены учить меня, вы, мисс Ропер? Премного вам обязана. Значит, вы придерживаетесь манчестерского обращения?

– Я придерживаюсь честного обращения, мистрис Люпекс, обращения, в котором соблюдается приличие, обращения, которое не наводит ужаса на дом, полный народа, для меня все равно, будет ли это обращение манчестерское или лондонское.

– Обращение модисток?

– Все равно, мистрис Люпекс, обращение модисток или обращение театральное, но в нем покамест нет еще ничего такого дурного, как в вашем, мистрис Люпекс. Поняли вы меня? Чем объяснить ваши отношения к этому молодому человеку? Разве только тем, что вы хотите чрез пьянство и ревность свести с ума вашего мужа и посадить его в дом умалишенных?

– Мисс Ропер! мисс Ропер! – сказал Кредль. – Послушайте...

– Оставьте ее, мистер Кредль, – сказала Люпекс, – она не стоит ваших слов. Если вы питаете к бедному Имсу дружеские чувства, то лучше скажите ему, что это за женщина. А как поживает, душа моя, мистер Джунипер из магазина Грограма, в Сальфорде? Не беспокойтесь! Мне все известно и все будет известно Джонни Имсу, этому бедному, несчастному, безрассудному юноше! Осмелилась мне говорить о пьянстве и ревности!

– И буду говорить! Но теперь, когда вы упомянули имя мистера Джунипера, мистер Имс и мистер Кредль могут узнать обо всем. Насчет мистера Джунипера в поведении моем не было ничего такого, что могло бы заставить меня стыдиться.

– Мне кажется, трудно заставить вас стыдиться чего бы то ни было.

– Позвольте вам сказать, мистрис Люпекс, вы, вероятно, не намерены нарушать своими поступками благопристойность этого дома?

– Я проклинаю тот день, в которой Люпекс привел меня в ваш дом.

– В таком случае заплатите деньги и убирайтесь вон, – сказала Амелия, указывая на дверь. – Я ручаюсь, что дело тогда обойдется без содействия полиции. Отдайте только долг моей матери и можете отправляться, куда вам угодно.

– Я уйду отсюда, когда мне вздумается, но ни часом раньше этого. И как ты смеешь говорить мне подобные вещи, ты, цыганка?

– Нет, ты уйдешь отсюда, когда нам вздумается, стоит только пригласить полицию, которая заставит тебя выехать из нашего дома.

В этот момент бедная Амелия, стоявшая перед своим врагом подбоченясь, по-видимому, выигрывала сражение. Горечь языка мистрис Люпекс не производила особенных результатов. С своей стороны, я такого мнения, что замужня женщина непременно взяла бы верх над женщиной незамужней, если бы битва дошла до отчаяния, разумеется, без абордажных орудий. Но в этот момент в комнату вошла мистрис Ропер, сопровождаемая сыном, и сражающиеся разошлись.

– Амелия, что это значит? – спросила мистрис Ропер, стараясь принять на себя вид крайнего изумления.

– Спросите мистрис Люпекс, – отвечала Амелия.

– И мистрис Люпекс ответит, – возразила эта леди. – Ваша дочь пришла сюда и напала на меня... осыпала меня градом таких выражений, и все это перед мистером Кредлем...

– Да, я спросила только, почему она не платит долга и не оставит этого дома, – сказала Амелия.

– Замолчи! – вскричал ее брат. – Не твое дело вмешиваться в то, о чем тебя не спрашивают.

– Но, полагаю, мое дело вмешаться, когда меня оскорбляет такая тварь, как эта.

– Тварь! – вскричала мистрис Люпекс. – Желала бы я знать, кто из нас двоих похож больше на тварь! Я сейчас вам объясню это. Амелия Ропер...

Поток красноречия мистрис Люпекс был остановлен, потому что Амелия с помощью толчка своего брата исчезла за дверь. С мистрис Люпекс сделалась истерика, и в этом случае диван оказал ей существенную услугу. Мы оставим ее в покое на несколько времени, чтобы, в свою очередь, доставить покой и мистрис Ропер.

«Находка же будет для Имса, если он женится на этой девчонке», – говорил про себя Кредль, отправляясь в свою комнату, и в то же время гордился своим собственным положением и своими подвигами, сознавая, что единственным поводом к происшедшей баталии было особенное внимание к его особе со стороны замужней женщины. Так и Парис находил большое удовольствие и гордость в десятилетней осаде Трои.

Глава XII

ЛИЛИАНА ДЕЛЬ СТАНОВИТСЯ БАБОЧКОЙ

Теперь мы воротимся в Оллингтон. То же самое утро, которое принесло Джону Имсу два письма, принесло и в Большой дом, между прочим, следующее послание к Адольфу Кросби от графини де Курси. Оно было написано на розовой бумажке, гладкой, как атлас, и пропитанной нежным ароматом, в уголку ее стояла коронка и причудливый вензель. Вообще послание имело фешенебельный и привлекательный вид, так что Адольф Кросби нисколько не сердился, получив его.

«Замок Курси, сентябрь 186.*

Любезный мистер Кросби,

мы получили о вас некоторые сведения. К нам приехали Гезби и рассказывают, что вы наслаждаетесь сельской жизнью в какой-то очаровательной деревеньке, где, между прочими прелестями, находятся лесные и водяные нимфы, которым посвящается большая часть вашего времени. Так как это совершенно в вашем вкусе, то я ни за что в мире не хотела бы нарушить ваших наслаждений, но если вы можете оторваться от оллингтонских роц и фонтанов, мы бы встретили вас здесь с радушием и восторгом, хотя, после вашего земного рая, вы найдете нас весьма неромантичными.

К нам приедет леди Думбелло, которая, я знаю, ваша фаворитка, или не вы ли ее фаворит? Я пригласила леди Хартльтон, но она не может оторваться от бедного маркиза, который, как вам известно, очень слаб. Герцога в настоящее время нет в Гатеруме, но это обстоятельство, без всякого сомнения, не может препятствовать приезду сюда милой леди Хартльтон. Полагаю, что дом наш будет полон и что в нем не будет недостатка в нимфах, хотя, я боюсь, они не будут вроде лесных и водяных. Маргарита и Александрина желают, чтобы вы приехали, они говорят, что вы имеете удивительную способность поддерживать приятное настроение духа в доме, полном народа. Пожалуйста, уделите нам хотя недельку, прежде чем воротитесь к управлению делами нации.

Душевно вам преданная Розина де Курси».

Графиня де Курси была старым другом мистера Кросби, т. е. таким старым другом, какие бывают в той среде общества, в которой жил мистер Кросби. Он познакомился с ней лет семь тому назад, бывал на всех ее лондонских балах, повсюду весьма охотно и мило танцевал с ее дочерьми. По старинным семейным отношениям он находился в короткой дружбе с мистером Мортимером Гезби, который, будучи адвокатом, и адвокатом весьма замечательным, женился на старшей дочери графини и в настоящее время заседал в парламенте, в качестве депутата от города Барчестера, близ которого расположен был замок Курси. Говоря сущую правду, мистер Кросби находился в самых дружественных отношениях с дочерьми графини де Курси, Маргаритой и Александриной, особенно с последней, хотя, сказав это, я не хотел бы, чтобы читатели допустили предположение, что между молодыми людьми существовали чувства более нежные, чем обыкновенная дружба.

В то утро Кросби не сказал ни слова о полученном письме, но в течение дня, а может статья, и в то время, когда размышлял об этом предмете, ложась спать, он решил воспользоваться приглашением леди де Курси. Ему приятно было бы увидеться с Гезби, провести несколько дней под одной кровлей с великим маэстро в высокой и трудной науке фешенебель-

ной жизни, леди Думбелло, и наконец возобновить дружеские отношения к дочерям графини – Маргарите и Александрине. Если бы он чувствовал, что по настоящим его отношениям к Лили приличие требовало того, чтобы он оставался при ней до конца своих каникул, Кросби, без всякой борьбы с самим собой, мог бы навсегда бросить этих де Курси. Но Кросби задался идеей, что в настоящее время было бы очень благоразумно удалиться от Лили, или, может быть, думал, что Лили осталась бы довольна, если бы он удалился от нее. Кросби вовсе не представлялось надобности приучать ее к мысли, что они не должны были жить, любясь друг другом в течение тех нескольких месяцев, а может статья, и нескольких лет, которые должны пройти до счастливого дня бракосочетания. Не должен был он также позволять ей думать, что удовольствия или занятия в жизни его или ее должны непременно находиться в связи между собою, должны зависеть непременно от удовольствий и занятий каждого из них. В этом роде и довольно логически размышлял мистер Кросби по поводу полученного письма и наконец пришел к заключению, что ему можно отправиться в замок Курси и воспользоваться благотворным блеском фешенебельного общества, которое там соберется. Спокойствие, а вместе с ним и скука своего собственного камина находились от него не за горами!

– Я думаю, сэръ, в среду проститься с вами, – сказал Кросби сквайру в воскресенье по утру за завтраком.

– В среду проститься с нами! – с изумлением сказал сквайр, державшийся старинного понятия, что жених и невеста не должны разлучаться друг с другом до тех пор, пока позволят тому обстоятельства. – Не случилось ли чего-нибудь?

– О, нет! Но, сами знаете, всему бывает конец, до возвращения в Лондон мне необходимо сделать один или два визита, и потому я думаю уехать отсюда в среду. Я пробыл здесь до крайней возможности.

– Куда же ты отправишься? – спросил Бернард.

– Очень недалеко – в соседний округ, в замок Курси.

После этого ответа за завтраком не было больше и помину об отъезде Кросби.

Три джентльмена из Большого дома имели обыкновение в воскресные дни перед обедней отправляться на поляну, принадлежавшую Малому дому, так и в это воскресенье они вместе пришли на поляну, где Лили и Белл уже ждали их. При этих случаях они оставались на поляне несколько минут в ожидании, когда мистрис Дель пригласит их пройти через дом ее в церковь; так это было и в настоящем случае. Приходя на поляну, сквайр обыкновенно становился посредине ее и любовался окружавшими его кустарниками, цветами и фруктовыми деревьями, он никогда не забывал, что все это его собственность и пользовался этим случаем осмотреть ее, в другие дни ему редко приводилось заглянуть в этот уголок. Мистрис Дель, надевая свою шляпку и посматривая из окна, полагала, что угадывает происходившее в это время в душе сквайра, и глубоко сожалела, что обстоятельства принуждали ее быть обязанной ему за такое вспомоществование. В сущности же она далеко не знала, о чем думал сквайр в эти минуты. «Это все мое, – говорил он про себя, осматривая всю местность перед Малым домом. – Как я доволен, что они могут этим пользоваться. Она вдова моего родного брата, пусть же владеет всем этим, я рад, душевно рад».

Мне кажется, что если бы эти две личности лучше знали сердце и душу друг друга, они, право, лучше бы любили друг друга.

Кросби объявил Лили свое намерение.

– В среду! – сказала она, и бедненькая побледнела от душевного волнения при этом известии.

Он объявил ей без всякого предупреждения, не думая, вероятно, что подобное объявление подействует на нее так сильно.

– Непременно. Я уже написал леди де Курси и назначил среду. Нельзя же мне прервать знакомство и, может быть...

– Ах нет, Адольф! Неужели вы думаете, что я сержусь на вас?.. Нисколько. Только это так неожиданно, не правда ли?

– Я пробыл уже здесь более шести недель.

– Да, вы были очень добры. Как быстро пролетели эти шесть недель! Какая огромная перемена произошла в это время со мной! Не знаю, так ли она заметна для вас, как для меня, я перестала быть куколкой и начинала становиться бабочкой.

– Но, Лили, пожалуйста, не будьте бабочкой, когда выйдете замуж.

– Нет, вы меня не поняли. Я хотела сказать, что мое действительное положение в жизни открылось для меня только тогда, когда я узнала вас и узнала, что вы меня полюбили. Однако нас зовет мама, мы должны идти в церковь. Так в среду уезжаете! Значит, осталось только три денька!

– Только три денька!

– Когда же мы опять увидимся? – спросила Лили, подходя к церковной ограде.

– О, как трудно на это ответить! Надобно спросить председателя наших комитетов, когда он опять уволит меня в отпуск.

После этого ничего больше не было сказано, Кросби и Лили вошли в церковь вслед за сквайром и вместе с другими расположились на фамильных скамьях. Сквайр сел отдельно от других, в уголок, который он занимал после смерти своего отца, и оттуда делал возгласы громко и внятно, так громко и так внятно, что в этом отношении с ним ни под каким видом не мог сравниться приходский дьячок, несмотря на все свои усилия.

– Нашему сквайру хочется быть и сквайром, и пастором, и дьячком, и всем чем угодно, да, пожалуй, и будет, – говаривал бедный дьячок, жалуясь на притеснения, которые испытывал со стороны сквайра.

Если молитвы Лили и были прерываемы ее новой печалью, то, мне кажется, ей можно простить эту вину. Она знала очень хорошо, что Кросби не намерен больше оставаться в Оллингтоне. Она знала не хуже Кросби день, в который кончался его отпуск, и час, в который ему следовало явиться в должность. Она приучила себя к мысли, что ему нельзя оставаться в Оллингтоне до конца отпуска, и теперь испытывала то неприятное чувство, которое испытывает ученик, когда совершенно неожиданно объявят ему, что последняя неделя его каникул должна быть отнята у него. Печаль Лили была бы гораздо легче, если бы она заранее знала о дне разлуки. Она не винила своего жениха. Она даже не допускала мысли, что Кросби должен оставаться при ней до конца отпуска. Она не позволяла себе предположения, что Кросби в состоянии сделать что-нибудь для нее неприятное. А между тем она чувствовала свою потерю и, становясь на колена во время молитв своих, не раз отирала неволью вытекавшую слезу.

Кросби тоже думал о своем отъезде, и думал гораздо более, чем бы следовало в то время, когда мистер Бойс говорил проповедь.

– Как легко слушать и понимать его, – отзывалась обыкновенно мистрис Харп о преемнике своего мужа, – он никого не затрудняет своими доводами.

Кросби, быть может, находил гораздо больше затруднений, чем мистрис Харп, и, вероятно, углубился бы в размышления, если бы доводы были глубокомысленнее. Необходимость слушать человека, который говорит обыкновенные вещи, оказывается иногда весьма тяжелою. При настоящем случае Кросби вовсе не обращал внимания на эту необходимость и вполне предан был размышлениям о том, как лучше объясниться ему с Лили до своего отъезда. Он хорошо припоминал несколько слов, высказанных на первых порах своей любви, слов, которыми выражалось его намерение не откладывать на долгое время день свадьбы. Он припоминал также, как очаровательно убеждала его Лили не торопиться. И теперь он должен был отречься от того, что было тогда сказано. Он должен был отказаться от своих собственных доводов и объявить Лили, что ему желательнее было бы отложить день свадьбы на неопределенное время, это такая

задача, которая, по моему мнению, всегда должна быть крайне неприятна для человека, давшего слово жениться.

– Сегодня же решу это дело, – сказал Кросби про себя, когда по окончании проповеди мистера Бойса наклонил к ладоням лицо в знак выражения благодарности.

Так как оставалось только три дня, то, разумеется, ему необходимо было решить это дело безотлагательно. Лили не имела состояния, и потому не вправе была сетовать на продолжительность отсрочки дня свадьбы. Это было у него главным аргументом. Но он часто говорил себе, что Лили имела бы полное право сетовать, если б оставалась, хотя на день, в недоразумении по этому предмету. И к чему он так опрометчиво высказал эти слова и поставил себя в затруднительное положение, поступил совершенно как школьник или как Джонни Имс? Каким был он глупцом, если не помнил себя, послушался внушений сердца, не посоветовавшись с холодным рассудком, если забыл при этом случае все то, что следовало бы сделать Адольфу Кросби! И потом вдруг мелькнула мысль, что действительно ли еще его можно назвать глупцом. Подавая руку Лили при выходе из церкви, он при этой мысли пожал плечами. «Теперь уж это слишком поздно», – сказал он про себя и, обратившись к Лили, сказал ей несколько приятных слов. Адольф Кросби был умный человек, он хотел бы быть и честным человеком, если бы искушения к обману не были для него слишком велики.

– Лили, – сказал он, – после завтрака не хотите ли прогуляться со мной по полям?

Прогуляться с ним по полям! Разумеется, она хотела. Ведь только три денька и оставалось, так неужели же она не согласилась бы отдать ему все минуты этого времени, если бы только пожелал он воспользоваться ими? После обедни они завтракали в Малом доме, мистрис Дель обещала присоединиться к обществу обедающих за столом сквайра. Сквайр не имел привычки завтракать, оправдывая эту привычку тем, что завтрак сам по себе вещь весьма дурная. «Однако он завтракает в своем доме, – говорила впоследствии мистрис Дель в разговоре о сквайре с своей дочерью Белл. – Я часто видела, как он выпивал рюмку хересу». Вспоминая об этом, мистрис Дель приготовляла себе обед. Если сквайр не хотел завтракать за ее столом, то и она не хочет обедать за его столом.

Лили в несколько секунд переменяла шляпу; вместо парадной шляпы, над которой Кросби, по праву жениха, часто подсмеивался, Лили надела шляпу с широкими полями, которая лучше нравилась Кросби.

– Только три денька остается, – сказала Лили, переходя вместе с Кросби ускоренными шагами зеленую лужайку.

Она сказала это голосом, не выразившим ни упрека, ни сожаления, в этих словах заключался тот смысл, что так как счастливого времени остается очень немного, то они должны им вполне воспользоваться. Какой другой комплимент мог бы быть сказан такому очаровательному человеку? Какая лесть могла бы быть более приятною? Все мое земное небо состоит в том, чтобы находиться при вас, и теперь для наслаждения блаженством этого неба мне оставлено только три дня! Поэтому я воспользуюсь до последней возможности дарованным мне счастьем. Все, что чувствовала Лили, чувствовал и Кросби, он сознавал, в каком огромном долгу был перед Лили. «Я приеду к ним на день в Рождество, и только на один день», – сказал он про себя. Потом, рассудив, что намерение это можно привести в исполнение, он решился начать разговор обещанием этого рода.

– Да, Лили, только три денька и остается теперь. Впрочем, не знаю... я полагаю, в Рождество вы будете дома?

– Будем ли мы дома в Рождество? Разумеется, будем. Вы, верно, хотите сказать, что тогда приедете к нам!

– Да, я думаю, приеду, если вы примете меня.

– Ах, как это долго! Позвольте, это будет через три месяца. И вы будете здесь в Рождество! Я лучше желала бы, чтобы вы были здесь именно в этот день, чем в какой-нибудь другой.

– Но я приеду, Лили, только на один день. Я приеду к обеду накануне Рождества и на другой день уеду.

– Однако вы приедете прямо в наш дом?

– Если вы можете уделить мне комнату.

– Разумеется, можем. Мы могли бы это сделать и теперь, но когда вы приехали, то знаете...

Лили посмотрела в лицо Кросби и улыбнулась.

– Когда я приехал, я был другом сквайра и его кузена, но не вашим. После того произошла большая перемена.

– Да, вы сделались моим особенным другом. Я и сама должна теперь и навсегда быть вашим единственным и лучшим другом, не правда ли, Адольф?

Этим вопросом Лили вынудила от него повторение того обещания, которое он так часто давал ей.

В это время они прошли сад Большого дома, примыкавшие к нему луга и очутились на соседних полях.

– Лили, – сказал Кросби совершенно внезапно, как бы предупреждая, что намерен сказать что-то особенно серьезное. – Я хочу сказать вам несколько слов насчет нашего дела.

Сказав последние два слова, он слегка рассмеялся, Лили догадывалась, что он был взволнован.

– Я буду вас слушать. Ах, Адольф, прошу вас, не бойтесь за меня, не думайте, что я не в состоянии перенести заботы и огорчения. Я могу переносить решительно все до тех пор, пока вы меня любите. Я говорю это потому, чтобы вы не подумали, что меня огорчает ваш отъезд. Поверьте, у меня и в уме этого не было.

– Милая Лили, я никогда не думал, чтобы вы огорчились. В вашем поведении, в ваших чувствах я до сих пор не замечал ничего, кроме прекрасного. Трудно было бы доставить мужчине удовольствие, если бы вы ему не нравились.

– Если я могу только нравиться вам...

– Вы нравитесь мне во всем. Милая Лили, встретив вас, мне кажется, я встретил ангела. Но приступимте к делу. Может статься, гораздо будет лучше, если я поговорю с вами откровенно.

– Пожалуйста, говорите мне все, решительно все.

– Но прошу вас, не придавайте словам моим ложного значения. Если я буду говорить о деньгах, то не думайте, что это имеет какую-нибудь связь с моей к вам любовью.

– О, как бы я желала собственно для вас не быть такой бедной.

– Я хочу сказать одно, что если меня беспокоят деньги, то вы не должны полагать, что это беспокойство может иметь влияние на беспредельность моей к вам привязанности. Я буду любить вас по-прежнему и, женившись на вас, считать себя счастливейшим человеком, все равно, богаты вы или бедны. Вы понимаете меня?

Лили не совсем понимала его, но она крепко пожала его руку, как бы стараясь этим поощрить его и вызвать на дальнейшее объяснение. Она полагала, что Кросби намерен был сообщить ей что-нибудь относительно их будущего образа жизни, что-нибудь такое, которое, по его мнению, было бы неприятно для нее, и потому она решила показать ему вид, что готова выслушать его с удовольствием.

– Вы знаете, – продолжал Кросби, – как я желал, чтобы свадьба наша не была отложена на неопределенное и отдаленное время. Все мысли мои, все мои лучшие желания заключаются в том, чтобы, как можно скорее, назвать вас другом моим, принадлежащим мне навсегда.

В ответ на такое скромное признание в любви Лили снова пожала ему руку, это был такого рода предмет, по которому она сама не имела сказать многого.

– Я должен был заботиться об этом, но теперь нахожу, что это не так легко, как я предполагал.

– Адольф, вы помните, что я сказала. Я сказала, что по моему мнению лучше подождать. Я уверена, что и мама разделяет это мнение. Если только можно видеть вас от времени до времени...

– В этом нечего и сомневаться. Но я уже сказал... Позвольте, что я говорил... Да, всякого рода ожидание будет для меня невыносимо. Для мужчины, который решился жениться, ожидание должно быть пыткой, особенно когда судьба посылает ему такого ангела, как вы. – При этих словах рука Кросби обвилась вокруг талии Лили. – Но...

Кросби хотел что-то сказать и замолчал. Он хотел дать ей понять, что такая перемена в его намерении произошла, собственно, от неожиданного поступка со стороны сквайра. Кросби хотел, чтобы Лили вполне узнала, в чем дело, – что он надеялся на щедрость ее дяди в отношении приданого, что он обманулся в своих ожиданиях и имел право сетовать на подобное разочарование и что вследствие такого удара, нанесенного его ожиданиям, он по необходимости должен был отложить день своей свадьбы. В то же время Кросби желал также сообщить Лили понятие, что это обстоятельство несколько не уменьшало той любви, которую он питал к ней, что это чувство несколько не должно страдать от скупости дяди Лили. Все это он желал бы передать своей невесте, но не знал, как высказать свое желание, не огорчив Лили и в то же время не показав виду, что обвиняет себя в мелочных и не совсем благородных побуждениях к изменению своего намерения. Он начал желанием высказать Лили все, но подобное желание не всегда может быть выполнимо. Бывают вещи, которые высказываются с величайшим затруднением, которые иногда не допускают ни малейшей возможности высказываться.

– Вы хотите сказать, нецененный Кросби, что свадьба наша не может состояться теперь же?

– Да, именно это. Я надеялся, что мне представится возможность, но...

Скажите, какой влюбленный мужчина нашел бы возможность высказать предмету любви своей о своем совершенном разочаровании вследствие сделанного открытия, что этот предмет не имеет состояния? Если так, то надо сказать, что храбрость у него сильнее любви. Кросби видел себя в необходимости сделать это, поставленный в такое затруднение, он находил, что с ним поступили жестоко. Отсрочку свадьбы своей он приписывал сквайру, а не себе. Он готов был выполнить свою роль, если бы только сквайр имел расположение выполнить свой долг, который ему принадлежал вполне. Но сквайр не хотел войти в его положение, а потому и он должен был оставаться в бездействии. Справедливость требовала, чтобы все это было понято, но, приступив к объяснению, Кросби увидел, что слова как-то не вязались. Он должен был отказаться от этой попытки, должен был перенести несправедливость, утешая себя мыслью, что, по крайней мере, он вел себя в этом деле совершенно благородно.

– Меня, Адольф, это несколько не огорчает.

– В самом деле? – спросил Кросби. – Что касается до меня, то признаюсь, я не могу равнодушно перенести эту отсрочку.

– Зачем же, любовь моя? Вы, однако же, не должны придавать словам моим другое значение, – сказала Лили, остановясь на дорожке, по которой они шли, и глядя ему прямо в лицо. – По принятому правилу я полагаю, мне следовало бы уверять, что я охотно буду дожидаться. Это сказала бы всякая девушка. Без всякого сомнения сказала бы это и я, если бы вы стали принуждать меня назначить день нашей свадьбы. Но теперь я буду с вами откровеннее. Единственное мое желание в этом мире – быть вашей женой, иметь возможность разделять с вами участь, которую пошлет нам судьба. Чем скорее будем мы вместе, тем лучше – во всяком случае, лучше для меня. Вот все, что я могу сказать вам, – будет ли для вас этого достаточно?

– Милая Лили, моя нецененная Лили!

– Да, ваша Лили, вам преданная всей душой и навсегда. Милый Адольф, вы не должны иметь ни малейшего повода сомневаться во мне. Я не вправе надеяться, чтобы все было так, как мне хочется. Опять вам скажу, что я не буду скучать в ожидании той минуты, когда вы возьмете меня. И могу ли я скучать, будучи вполне уверена, что вы меня любите? Правда, я огорчилась, услышав, что вы намерены уехать отсюда так скоро, и, кажется, обнаружила свое неудовольствие. Но эти маленькие неудовольствия переносятся легче, нежели большие.

– Да, совершенно справедливо.

– Нам остается только три дня быть вместе, и я намерена насладиться каждой минутой этого кратковременного срока. Вы будете писать ко мне, побываете у нас о Рождестве, а на будущий год вы, верно, опять приедете на каникулы, не правда ли?

– Совершенно можете быть уверены в этом.

– Таким образом незаметно пройдет время до тех пор, пока вы найдете возможным взять меня с собою. Нет, я не буду скучать.

– Я, во всяком случае, буду нетерпелив.

– Ведь мужчины всегда бывают нетерпеливы. Мне кажется, это одна из их привилегий. И я не думаю, чтобы мужчина когда-нибудь испытывал то положительное и полное удовольствие в убеждении, что он любим, какое испытывает девушка. Вы – моя птичка, которую я подстрелила из моего собственного ружья, и уверенности в этом успехе совершенно достаточно для моего счастья.

– Вы уничтожили меня, я упал пред вами, и вы знаете, что мне больше не подняться.

– Не знаю, но я подняла бы вас весьма скоро, если бы вы пожелали.

Какие Кросби делал уверения, что он не желает этого, не желал бы и не мог бы желать, читатель узнает в самом непродолжительном времени. Он рассудил, что все денежные вопросы можно оставить в том самом положении, в котором они находились. Главная цель Кросби состояла в том, чтобы убедить Лили, что по обстоятельствам с той и другой стороны день свадьбы должен быть отложен, – в этом отношении Лили вполне поняла его. Быть может, в течение следующих трех дней представится какой-нибудь случай, который объяснит мисс Дель все это дело. Во всяком случае, Кросби высказал свое намерение благородно, так что никто бы не мог осуждать его.

На следующий день они все отправились в Гествик – они все, то есть Лили и Белл, Бернард и Кросби. Цель их поездки заключалась в том, чтобы отдать два визита, один весьма благородной и высокой особе, леди Джулии Дегест, а другой – особе более скромной и ближе знакомой, мистрис Имс. Так как поместье Дегеста лежало на дороге в город, то молодые люди заехали сюда и выполнили более величественную церемонию прежде другого визита. Нынешний граф Дегест, родной брат леди Фанни, бежавшей с майором Делем, был холостой нобльмен, посвятивший себя преимущественно воспитанию домашних животных. А так как он воспитывал животных весьма хорошо, находил в этом занятии беспредельное удовольствие, употреблял на это всю свою энергию и воздерживался от всякого рода грубых, резко бросающихся в глаза привычек, то каждый согласится, что он был полезным членом общества. Он был закоснелый тори, который охранение всех своих интересов поручал представителю его партии и который редко сам приближался к столице, разве только по случаю выставки домашних животных. Он был невысокого роста, коренастый мужчина, с красными щеками и круглым лицом, до обеда его всегда можно было видеть в очень старом охотничьем пальто, еще более старых брюках, штиблетах и очень толстых башмаках. Большую часть времени он проводил за стенами своего дома и умел одинаково отлично охранять дичь в своем поместье и откармливать быков. Он знал каждый акр своей земли, каждое дерево на ней, знал так хорошо, как иная леди знает украшения своего будуара. В какой-нибудь изгороди не было лазейки, которой бы он не помнил величину и расположение, не было тропинки, о которой бы он не знал, откуда и куда идет она, почему и для чего она проложена. В отношении доходов с своего поместья он был

в прежние годы довольно бедный человек – даже очень бедный, если рассматривать его как графа. В настоящее же время он далеко не был беден, бедственное положение его отца и деда служило для него уроком и научило его жить, соображаясь со средствами. Говорили даже, что он становился богачом, имел значительный капитал – положение, в котором не был ни один из лордов Дегестов в течение многих поколений. Его отец и дед слыли за большой руки мотов, а этого графа некоторые называли скрягой.

В наружности его мало было аристократического, но все же сильно бы ошибся тот, кто бы подумал, что лорд Дегест не гордился своим положением в обществе, что эта гордость не была дорога для его души. Первый предок его возведен был в звание лорда во времена короля Джона, в Англии только и было три лорда, которым грамоты пожалованы раньше его. Он знал, какие привилегии предоставляло ему происхождение, и не имел ни малейшего расположения отказываться от них или позволять, чтобы их уменьшали. Правда, он не требовал их громко. Проходя земное свое поприще, он не рассылал во все стороны герольдов, которые бы возвещали о шествии лорда Дегеста. Накрывая стол для своих друзей, что делалось, впрочем, в весьма редких случаях, он угощал их просто, с старинным, спокойным, скучным радушием. Можно сказать, что лорд Дегест никому не заслонял дороги, если только ему не мешали действовать по-своему, зато в противном случае в нем являлось сильное озлобление, и если кто-нибудь его затрагивал, он готов был идти против целого света. Он вполне сознавал свое высокое значение, видел в особе своей до последнего волоска особу графа и в грязных штиблетах так же величественно являлся между своими быками, как явился бы, блистая звездами, на каком-нибудь церемониале между своими собратями-лордами в Вестминстере, да, он был граф вполне и лучше выказывал свое достоинство, чем те, которые употребляют свое высокое происхождение для каких-нибудь пышных целей. Горе тому, кто бы принял его старое платье за признак грубой, грязной деревенщины! Некоторые попадали в этот просак и навлекали на себя весьма тяжелое покаяние.

Вместе с графом жила сестра, девица леди Джулия. Отец Бернарда Дея в раннюю пору жизни бежал с одной сестрой, но никто из поклонников прекрасного пола не был достаточно счастлив, чтобы склонить леди Джулию на побег с ним. Поэтому она все еще жила в девственном блаженстве, как полная госпожа гествикского господского дома, и, как госпожа, имела немалое понятие о том высоком положении, которое предоставила ей судьба. Это была скучная, тяжелая, целомудренная старая дева, которая приписывала себе огромную заслугу за то, что всю свою жизнь оставалась в доме, где провела свою юность, вероятно забывая при этом – в настоящих своих, уже далеко не молодых годах, – что искушения покинуть родной кров не были ни сильны, ни многочисленны. Она обыкновенно отзывалась о своей сестре Фанни с некоторым пренебрежением, потому, собственно, что эта бедная леди унизила себя, вступив в брак с человеком, принадлежавшим к меньшей братии. Она гордилась своим положением не менее своего брата-графа, но гордость ее проявлялась более наружным образом и менее внутренним сознанием своего достоинства. Довольно трудно было для нее заставить свет признать в ней леди Дегест, и потому она принимала надменный и покровительственный вид, который не делал ее популярною между соседями.

Сношения между гествикским и оллингтонским домами не были часты и не отличались особенным радушием. Вскоре после побега леди Фанни оба эти семейства согласились признавать родственную связь друг с другом и показывать обществу, что они находились в дружеских отношениях. Им лучше было бы принять тот или другой способ показать обществу, что они были врагами. Дружба представляла меньше беспокойства, и потому два семейства от времени до времени навещали одно другое и давали одно другому обеды, не чаще, впрочем, как раз в год. Граф считал сквайра за человека, который отказался от участия в общественных делах и чрез это лишился того уважения, которое по всей справедливости принадлежало бы ему как наследственному землевладельцу-магнату, а сквайр, в свою очередь, ни во что не ставил графа

как человека, который не имел ни малейшего понятия о внешнем мире. В гествикском доме Бернард Дель пользовался некоторым расположением, во-первых, потому, что был родственник, что в его жилах текла кровь Дегестов, во-вторых, что он был наследник Оллингтона, и, наконец, потому еще, что фамилия Делей была стариннее благородной фамилии, которой он был родственником. Если бы Бернард сделался сквайром, то, без всякого сомнения, отношения между гествикским и оллингтонским домами были бы искреннее, между наследником графа и наследником сквайра всегда найдутся какие-нибудь поводы к раздору.

Молодые люди застали леди Джулию в гостиной одну, мистер Кросби был представлен ей с соблюдением всех установленных на этот случай правил. Факт, что Лили помолвлена, был, без всякого сомнения, известен в гествикском господском доме, и, конечно, нельзя было не понять, что Лили привезла своего жениха затем, чтобы на него посмотрели и одобрили. Леди Джулия сделала весьма изысканный реверанс и выразила надежду, что ее молодая подруга будет счастлива в той сфере жизни, в которую угодно было Богу призвать ее.

– Надеюсь, леди Джулия, я буду счастлива, – сказала Лили, с легкой усмешкой, – во всяком случае, я постараюсь быть счастливой.

– Мы все стараемся, душа моя, но многие из нас даже при достаточной энергии не успевают достигать желанных целей. Конечно, только исполняя свой долг, мы можем надеяться быть счастливыми – в одинокой жизни или в замужней.

– Мисс Дель намеревается быть совершеннейшим драконом в исполнении своих обязанностей, – сказал Кросби.

– Драконом! – возразила леди Джулия. – Нет, я надеюсь, мисс Лили Дель никогда не сделается драконом.

Сказав это, она повернулась к своему племяннику. Можно заметить, что она никогда не простит мистеру Кросби свободы выражения, которое он употребил. Он находился в гостиной гествикского господского дома не более пяти минут и осмелился уже говорить о драконах, осмелился употребить название, которое придается злым женщинам.

– Вчера я слышала о вашей матери, Бернард, – сказала леди Джулия, – к сожалению, она, кажется, очень слаба.

За этим начался небольшой, весьма неинтересный по своему свойству разговор тетки и племянника о состоянии здоровья леди Фанни.

– Я не знала, что моя тетка так больна, – сказала Белл.

– Она не больна, – сказал Бернард, – она никогда не бывает больна, но также никогда и не бывает здорова.

– Ваша тетка, – сказала леди Джулия, сообщая своему голосу при повторении этих двух слов легкий сарказм, – ваша тетка никогда не пользовалась хорошим здоровьем с тех пор, как оставила этот дом, а это было давно, очень давно.

– Очень давно, – заметил Кросби, не имея намерения оставаться безгласным. – Я полагаю, Дель, ты не помнишь этого времени.

– Я так его помню, – сказала леди Джулия с заметным гневом. – Я помню, когда сестра Фанни считалась первой красавицей в округе. Да, красота – дар опасный.

– Весьма опасный, – сказал Кросби.

Лили снова засмеялась, леди Джулия окончательно рассердилась. Какой противный этот человек! И еще соседи ее принимают его в свое семейство как самого близкого родственника! Впрочем, она слышала о мистере Кросби прежде, и мистер Кросби также слышал об ней.

– Ах, кстати, леди Джулия, – сказал он. – Мне кажется, я знаю некоторых ваших самых дорогих друзей.

– Самые дорогих друзей – выражение довольно сильное. У меня почти нет таких друзей.

– А семейство Гезби? Я слышал, как об вас разговаривали Мортимер Гезби и леди Амелия.

При этом леди Джулия призналась, что действительно знает Гезби.

– Мистер Гезби, – говорила она, – в молодости ничем особенно не отличался, хотя все же был почтенной особой. Теперь он в парламенте и, по всей вероятности, приносит пользу.

Она не совсем одобряла замужество леди Амелии, это выражала сама леди де Курси, ее старинная подруга, но... И потом леди Джулия наговорила множество слов в похвалу мистера Гезби, смысл которых заключался в том, что он был превосходнейший человек, с полным убеждением в слишком великой чести, оказанной ему дочерью графа, которая вышла замуж за него, и не менее полным сознанием, что брак этот ни под каким видом не ставил его на одну параллель с родственниками его жены и даже с его женой. Наконец, оказалось, что леди Джулия на будущей неделе надеялась встретиться с семейством Гезби в замке Курси.

– Я в восторге от мысли, что буду иметь удовольствие увидиться с вами в доме леди де Курси, – сказал Кросби.

– В самом деле! – сказала леди Джулия.

– Я отправляюсь туда в среду. Крайне сожалею, что такой ранний срок не позволяет мне служить вам.

Леди Джулия выпрямилась во весь рост и отклонила от себя конвоирование, на которое намекнул мистер Кросби. Ей неприятно было открытие, что будущий муж Лили Дель был в числе коротких знакомых ее подруги, и особенно было неприятно, что он отправлялся в дом этой подруги. Неприятно было и для Кросби открытие, что леди Джулия будет вместе с ним гостить в замке Курси, но он не обнаружил своего неудовольствия. Он только улыбался и поздравлял себя с удовольствием встретиться снова и так скоро с леди Джулией, в сущности же он дал бы дорого, если бы мог придумать какой-нибудь маневр, который бы заставил эту даму остаться дома.

– Какая она несносная старуха, – сказала Лили по дороге в Гествик. – Ах, извините, Бернард, ведь она ваша тетушка.

– Да, она моя тетка, и хотя я не слишком ее жалею, но все-таки не могу согласиться с вами, что она несносная старуха. Она никого не убила, никого не ограбила, ни от кого не отбила любовника.

– Совершенно ваша правда, – сказала Лили.

– Она, без всякого сомнения, очень усердно читает молитвы, – продолжал Бернард. – Подает милостыню бедным и завтра же, по желанию брата, готова будет пожертвовать своими собственными желаниями. Конечно, я допускаю, что она очень некрасива и надменна и что ей, как женщине, не следовало бы иметь таких длинных черных волос на верхней губе.

– Мне дела нет до ее усов, – сказала Лили. – Но к чему она заговорила мне об исполнении моих обязанностей? Я приехала к ней не для того, чтобы слушать проповедь.

– И к чему она заметила, что красота есть опасное достояние? – возразила Белл. – Поверьте, мы очень хорошо знаем, что она думала сказать.

– А по моему мнению, она очаровательная женщина, и я в особенности буду любезен с ней у леди де Курси, – сказал Кросби.

Таким образом, молодые люди, строго критикуя бедную старую деву, подъехали к дому мистрис Имс.

Глава XIII ПОЕЗДКА В ГЕСТВИК

В то время как партия из Оллингтона подъезжала по узкой главной улице Гествика через торговую площадь к небольшому, респектабельному, но весьма непривлекательному ряду новых домов, в одном из которых проживала мистрис Имс, гествикские жители знали все, что мисс Лили Дель провожал ее будущий муж. Между гествикцами существовало мнение, что она очень счастливая девушка. «Для нее это прекрасная партия», – говорили некоторые и в то же время покачивали головой, намекая этим, что жизнь мистера Кросби в Лондоне не совсем-то такая, какую бы ей следовало быть, и что Лили могла бы быть счастливее, если бы вышла замуж за кого-нибудь из близких соседей с менее опасными претензиями. Другие, напротив, ничего хорошего не видели в этой партии. Они знали его средства до последнего пенни и были уверены, что молодым людям весьма трудно будет поддерживать свое хозяйство в Лондоне, если только старый сквайр не окажет им помощи. Несмотря на то, многие завидовали Лили, в то время когда она ехала по городу рядом с своим красивым женихом.

Сама Лили была очень счастлива. Я не буду отвергать, что она испытывала немалое удовольствие в сознании, что ей завидуют. Подобное чувство с ее стороны весьма естественно, как бывает оно естественно у всех мужчин и женщин, которые убеждены в том, что прекрасно устроили свои дела. Кросби был, по ее же словам, ее птичкой, ее добычей, которую она убила из своего ружья, произведением ее способности, которую она обладала, счастьем, с которым она должна жить и, если возможно, наслаждаться им до конца своей жизни. Лили вполне сознавала всю важность своего подвига и как нельзя основательнее размышляла о своем супружестве. Чем более она думала об этом, тем более убеждалась, что действовала превосходно, и тем более становилась довольною. А между тем она знала также, что тут был риск. Тот, кто в настоящее время был для нее всем на свете, мог умереть, мало того, он мог оказаться совсем не таким человеком, каким она считала его, мог охладеть и бросить ее, дурно обращаться с ней. Но Лили решила положиться во всем на судьбу и с этой решимостью не допускала ни малейшей возможности к отступлению. Ее корабль должен был выплыть на середину океана, скрыться из виду безопасной гавани, из которой он вышел, ее армия должна выиграть сражение без всякой другой надежды на свое спасение, кроме той, которую доставляет победа. Всему свету предоставлялось полное право узнать, что она любила его, если только свету представлялась в этом надобность. Она торжествовала, гордилась своим нареченным и не скрывала даже от самой себя этой гордости.

Мистрис Имс была в восторге от их посещения. Со стороны мистера Кросби было весьма обязательно навестить такую бедную, забытую женщину, как она, обязательно было это и со стороны капитана Дея и милых девиц, у которых в настоящее время так много радостей дома в Оллингтоне! Пустые вещи, которые считаются другими за обыкновенную учтивость, мистрис Имс принимала за большую милость.

– Как здоровье мистрис Дель? Надеюсь, что она не утомилась после того вечера, когда мы просидели до такой поздней поры?

Белл и Лили уверили старушку, что их мать не чувствовала ни малейшей усталости. После этого мистрис Имс встала и вышла из комнаты под предлогом позвать Джона и Мэри, но в действительности, с намерением принести в гостиную пирожное и сладкое вино, которые хранились под замком в маленькой комнатке.

– Пожалуйста, не будемте здесь долго, – прошептал Кросби.

– Нет, не будем, – сказала Лили. – Но, мистер Кросби, если вы приехали навестить моих друзей, вы не должны торопиться.

– Вы не торопились уезжать от леди Джулии, – сказала Белл, – позвольте же и нам в свою очередь не торопиться.

– Тем более что мистрис Имс не станет говорить об исполнении наших обязанностей и о том, что красота – вещь опасная, – заметила Лили.

Мэри и Джон вошли в гостиную до возвращения матери, потом вошла мистрис Имс, а спустя несколько минут явились вино и пирожное. Конечно, все это было как-то неловко, все, по-видимому, были как-то связаны. Мистрис Имс и ее дочь не привыкли видеть в своем доме таких величественных людей, каким старался показать себя мистер Кросби, бедный Джон оставался безмолвным от сознания своего жалкого, ничтожного положения. Он не отвечал еще на письмо мисс Ропер и не решил еще, отвечать ли ему или нет. Вид счастья Лили не производил в нем той радости, которую бы он должен был испытывать, как друг ее детства. Надобно сказать правду, он ненавидел Кросби, и чувство это высказывал не только самому себе, но и сестре, и притом нередко, а особенно после вечера у мистрис Дель.

– Я тебе вот что скажу, Молли, – говаривал он. – Я бы вызвал на дуэль этого человека, лишь бы представился повод.

– Как! Чтобы сделать Лили несчастною?

– Она никогда не будет с ним счастлива. Я уверен, что не будет. Я не хочу сделать для нее какой-нибудь вред, но, право, подрался бы с этим человеком на дуэли, да не знаю, как бы устроить это.

И потом ему приходило на мысль, что если они оба падут в подобной борьбе, то это послужило бы единственным путем к прекращению настоящего порядка вещей. Этим путем он избавился бы также от Амелии, другого исхода в настоящую минуту не предвиделось.

Войдя в гостиную, Джонни пожал руку всем оллингтонским гостям, но при пожатии руки Кросби у него, как он впоследствии говорил своей сестре, по всему телу пробежали мурашки. Кросби, посматривая на Имсов, как-то натянуто и принужденно сидевших в своей собственной гостиной, решил в своем уме, что жена его по приезде в Лондон должна как можно реже видеться с Джонни, он решил это не из ревности, но из нерасположения к молодому человеку. Он узнал от Лили все – или, по крайней мере, все, что знала Лили, – и видел во всем этом одно забавное. «Пожалуйста, Лили, выдайтесь с ним реже, – говорил он ей. – Как можно реже, из боязни, что он сделается ослом». Лили поверила ему все свои чувства, рассказывала ему все, что могла, а между тем он вовсе не замечал, что Лили действительно питала горячую любовь к молодому человеку, которого он ненавидел.

– Нет, благодарю вас, – сказал Кросби. – Я никогда не пью вина в такое время дня.

– Кусочек пирожного! – И мистрис Имс взглядом своим умоляла Кросби оказать ей эту честь.

Точно так же она умоляла и капитана Деля, но они оба оставались непреклонными. Не знаю, более ли было расположения у дам, чем у кавалеров, выпить вина и скушать пирожного, но они понимали, что не попробовать лакомств, поставленных на стол, значило бы огорчить и даже оскорбить добрую старушку. Женщины всегда охотно приносят небольшие жертвы для общества, так же как и большие жертвы для жизни. Мужчина, способный на все хорошее, всегда бывает готов к выполнению своего долга, так точно и женщина с добрыми наклонностями всегда готова на принесение какой либо жертвы.

– Действительно, нам пора отправиться, – сказала Белл, – а то застоятся наши лошади.

Предлог был извинительный, и гости распростились.

– Вы, Джонни, верно еще побываете у нас перед отъездом в Лондон? – спросила Лили, когда молодой человек вышел на улицу с намерением помочь Лили сесть на лошадь, но железная воля мистера Кросби принудила его отказаться от этого намерения.

– Да, побываю, перед отъездом. До свидания.

– До свидания, Джон, – сказала Белл.

– До свидания, Имс, – сказал капитан Дель.

Кросби, садясь в седло, слегка кивнул головой, но его соперник не хотел обратить на это ни малейшего внимания.

– Так или иначе, но я вызову его на дуэль, – говорил Имс про себя, возвращаясь по коридору в дом своей матери.

В свою очередь Кросби, вкладывая ноги в стремена, чувствовал, что молодой человек не нравился ему все более и более. Чудовищно было бы полагать, что к этому чувству примешивалась ревность, а между тем он очень сильно не любил молодого человека и даже рассердился на Лили за то, что она пригласила его побывать в Оллингтоне. «Я должен положить конец всему этому», – думал он, молча выезжая из города.

– Вы, милостивый государь, не должны быть взыскательны к моим друзьям, – сказала Лили, улыбаясь, но в то же время ее голос показывал, что она говорит серьезно.

В это время они были уже за городом, и Кросби не сказал почти ни слова с тех пор, как они оставили дом мистрис Имс. Они находились теперь на большой дороге, Белл и Бернард ехали впереди.

– Я никогда не был взыскательным, – сказал Кросби с некоторою раздражительностью. – По крайней мере, в отношении к тем, кто того не заслуживал.

– А я разве заслужила это?

– Перестаньте, Лили, я никогда еще не был и не думаю быть взыскательным к вам. Но вы не обвиняйте меня, если я не был любезен с вашими друзьями. Во-первых, я бываю со всеми любезен, насколько позволяет мне это мой характер, а во-вторых...

– Что же, во-вторых?..

– Я не совсем уверен, что вы действуете благоразумно, поощряя в настоящее время дружбу этого молодого человека.

– Вы хотите сказать, что я действую весьма неблагоразумно?

– Нет, милая Лили, я совсем не то хочу сказать. Если бы я думал это, я бы откровенно вам высказал. Я говорю то, что думаю. Нет никакого сомнения, я полагаю, что этот молодой человек питает к вам род романтической любви, – нелепый род любви, в которой не думаю, чтобы он мог надеяться на взаимность, но мысль о которой придает некоторую прелесть его жизни. Когда он встретит молодую женщину, способную быть его женой, он забудет об этой любви, но до той поры будет считать себя отчаянно влюбленным. Притом же такой молодой человек, как Джон Имс, весьма способен всюду и всем рассказывать о своих фантазиях.

– В настоящую минуту я не думаю, чтобы он решился упоминать мое имя перед кем бы то ни было.

– Но, Лили, вы, может быть, согласитесь со мной, что я более вашего знаю молодых людей.

– Да, без сомнения.

– И я могу уверить вас, что они вообще имеют большую склонность свободно употреблять имена девушек, в которых они воображают, что влюблены. Не удивляйтесь, если я вам скажу, что мне не хотелось бы, чтобы какой-нибудь мужчина свободно обращался с вашим именем.

После этих слов Лили минуты две оставалась безмолвною. Она чувствовала, что ей оказана несправедливость, ей было неприятно это, но она не знала, в чем именно заключалась несправедливость. Она весьма много была обязана Кросби. Во многом она должна была соглашаться с ним – и старалась соглашаться даже более, чем требовал того ее долг. Но все же она была убеждена, что не всегда может быть хорошо уступать ему безусловно во всем. Она желала думать, по возможности, так, как думал он, но не могла сказать, что соглашалась с ним, когда их убеждения расходились. Джон Имс был старый друг, которого она не могла оставить, и потому считала необходимым заявить об этом теперь же.

– Послушайте, Адольф...

– Что вы хотите сказать, милая Лили?

– Вы, верно, не захотите, чтобы я сделалась совершенно равнодушною, даже холодною к такому старинному другу, как Джон Имс? Я знала его всю мою жизнь, и мы все как нельзя более уважаем это семейство. Его отец был самым искренним, душевным другом моего дяди.

– Мне кажется, Лили, вы должны понимать, что я думаю. Я вовсе не хочу, чтобы вы рассорились с вашими друзьями, как не хочу и того, чтобы вы были к ним совершенно холодными. Вам только не следует делать особенных и убедительных приглашений этому молодому человеку побывать у вас перед отъездом в Лондон и потом навещать вас, когда вы сами будете в Лондоне. Вы сами говорили мне, что он питает к вам какую-то романтическую любовь, что он в отчаянии, потому что вы не влюблены в него. Все это, конечно, пустяки, но, мне кажется, что при таких обстоятельствах вам всего лучше... оставить его.

Лили снова сделалась безмолвною. И вот эти три последних дня, три дня, в которые она намеревалась быть счастливою, но более всего на свете старалась доставить счастье в особенности ему. Она ни под каким видом не хотела отвечать ему на это резкими словами и тем более питать в душе своей чувство неудовольствия, а между тем сознавала, что он был несправедлив, и в этом сознании с трудом могла принудить себя перенести обиду. Такова была натура у всех Делей. Не надо, конечно, забывать при этом, что весьма многие, которые в состоянии обречь себя на великие жертвы, не могут принудить себя к перенесению незначительных обид. Лили могла уступить своему жениху во всем, лишь бы только доставить ему удовольствие, но не могла позволить считать себя неправою, тогда как была вполне убеждена, что она права.

– Я пригласила его теперь, и он должен приехать, – сказала она.

– Но на будущее время, пожалуйста, не приглашайте.

– Конечно, особенно, Адольф, после того, что вы сказали мне. Без всякого сомнения, я совершенно понимаю...

– Что же вы понимаете, Лили?

Но Лили молчала, она боялась высказать свою мысль, боялась сказать что-нибудь обидное для Кросби.

– Адольф, не принуждайте меня высказываться. Я буду делать все, что вы потребуете.

– Вы хотели сказать, что когда увидите себя в моем доме, то, конечно, не станете приглашать к себе своих друзей. Скажите, Лили, справедливо ли это?

– Что бы я ни хотела сказать, я этого не сказала. И действительно, я даже не думала об этом. Но пожалуйста, Адольф, оставим это. Вы знаете, мы проводим последние дни, зачем же тратить их на разговоры о предметах неприятных? Я одно вам скажу, что Джонни Имс для меня ничего не значит, решительно ничего. Да и может ли кто другой занимать меня, когда я думаю об одних только вас?

Но даже и эти слова не могли сейчас же произвести в Кросби приятное настроение духа. Если бы Лили уступила ему и призналась, что он прав, он сейчас же сделался бы таким приятным и радостным, как майское солнышко. Но Лили этого не сделала. Она не высказала своих доводов, собственно потому, что не хотела больше испытывать досады, и объявила намерение видаться с Имсом в обещанный визит. Кросби желал, чтобы Лили признала себя неправою, желал иметь наслаждение в привилегии простить ее. Но Лили принадлежала к числу таких женщин, которые не находят большого удовольствия в прощении, мало того, не видят особенной необходимости получать прощение. Поэтому они продолжали ехать, если не совсем молча, то без всякого одушевления и удовольствия в разговоре. Было уже далеко за полдень понедельника, а Кросби уезжал в среду поутру. Ну, что если эти три дня будут омрачаться такими страшными тучами!

Бернард Дель ни слова не говорил с ехавшей рядом с ним кузиной, он почти ничего не говорил с ней с тех пор, как Кросби и Лили прервали их интимный разговор, когда они сидели

у живой изгороди на берегу оврага. Он несколько раз танцевал с ней на вечере мистрис Дель и, по-видимому, без всякого затруднения разговаривал с ней о самых обыкновенных предметах. Белл поэтому думала, что дело совсем кончилось, она была благодарна кузену, положив в душе своей забыть об этой встрече, об этом объяснении, как будто их никогда и не было. Никому, даже своей матери, она не хотела говорить об этом. На подобное молчание она обрекала себя собственно для него, думая, что такой поступок с ее стороны будет для него приятен. Но теперь, когда они ехали вместе, далеко впереди от Кросби и Лили, Бернард возобновил свое объяснение.

– Белл, – сказал он. – Могу ли я еще надеяться?

– На что надеяться, Бернард?..

– Скажите, неужели простой ответ можно принять за решительный приговор по такому предмету? Там, где дело касается самого щекотливого чувства, я знаю, никто не удовлетворится подобным ответом.

– Если этот ответ был передан искренно и не ложно...

– О, без всякого сомнения. Я вовсе не допускаю лицемерия или обмана с вашей стороны, когда вы не позволили мне высказаться перед вами.

– Бернард, я никогда не запрещала вам высказываться.

– Было что-то вроде этого. Впрочем, я несколько не сомневаюсь, что вы были правы. Однако, Белл, зачем это должно быть так? Только тем я и могу объяснить это, что вы влюблены в кого-нибудь другого.

– Я ни в кого не влюблена.

– Прекрасно. В таком случае, почему бы вам о мне не соединить нашу судьбу!

– Нет, Бернард, напрасно говорить об этом.

– Выслушайте меня. Во всяком случае, позвольте мне высказаться. Полагаю, что вы не пренебрегаете мною?

– О, нет.

– Если вы не хотите принять чьего-нибудь предложения, собственно, по неимению состояния, то поверьте, в нашем браке не может быть этой преграды, относительно денег вы не должны восставать против него. О любви моей я не буду больше говорить, я не сомневаюсь, что вы верите моим словам, но почему вам ближе не посоветоваться с своими чувствами, прежде чем вы решаетесь противиться желаниям всех тех, кто так близки к вам.

– Вы говорите о моей маме, Бернард?

– Не исключительно об ней одной, хотя я не могу не думать, что ей приятен будет брак, который послужит подпорою всему семейству и предоставит вам полное равное право на состояние, которое я имею.

– В глазах моей мамы это не будет иметь ни малейшего значения.

– Вы ее спрашивали?

– Нет, об этом деле я никому еще не сказала ни слова.

– Поэтому вы не можете знать мнения вашей мамы. Что касается до дяди, то я положительно знаю, что брак наш составляет предмет лучших его желаний в жизни. Если я сам не заслуживаю с вашей стороны никакого внимания, то полагаю, что одно уже уважение к нему должно принудить вас подумать, прежде чем вы дадите окончательный ответ.

– Для вас я бы сделала более, чем для него, гораздо более.

– В таком случае сделайте это для меня. Позвольте мне думать, что я не получил еще ответа на мое предложение, отсрочьте ваше решение на месяц, до Рождества... до какого вам угодно времени, лишь бы только я знал, что дело это еще не решено, и мог бы сказать это дяде Кристоферу.

– Бернард, это будет бесполезно.

– Это, по крайней мере, будет показывать ему, что вы намерены подумать.

– Напротив, у меня нет такого намерения, вовсе нет. Я знаю очень хорошо, и с моей стороны было бы весьма нечестно, если бы я решилась вас обманывать.

– Значит, вы хотите, чтобы я передал дяде непременно этот ответ?

– Откровенно вам скажу, Бернард, для меня решительно все равно, что бы вы ни сказали дяде по этому делу. Он не имеет никакого права располагать моей рукой, и потому мне нет ни малейшей надобности обращать внимание на его желания. Я в нескольких словах объясню вам свои чувства по этому вопросу. Я не выйду замуж против желания мама, даже если бы она и пожелала, я не выйду против своего собственного желания. Что касается до дяди, я вовсе не считаю себя обязанною соглашаться с его желаниями по вопросу, касающемуся собственно меня.

– Но ведь он глава нашего семейства.

– Для меня это ничего не значит.

– Он всегда был так великодушен ко всем вам.

– В этом я с вами не согласна. Он не был великодушен к нашей маме. Напротив, в отношении к ней он весьма суровый и скупой человек. Он отдает ей свой дом потому только, что ему непременно хочется, чтобы Дели перед светом и людьми казались respectable, и наша мать живет в этом доме, собственно, из-за нас. Будь моя воля, я бы завтра же оставила этот дом, а если не завтра, то сейчас же после свадьбы Лили. Я охотно и немедленно отправилась бы в Гествик и жила бы там, как живут Имсы.

– Мне кажется, Белл, вы неблагодарны.

– Нет, я не неблагодарна. Вы говорите, Бернард, чтобы я посоветовалась с дядей насчет моего замужества, но я скорее бы посоветовалась с вами, нежели с ним. Если бы вы позволили мне смотреть на вас как на брата, я бы не задумалась дать вам обещание не выходить замуж за человека, выбор которого вы бы не одобрили.

Такие отношения между ними ни под каким видом не согласовались с видами Бернарда. Не дальше как недели четыре или пять он думал, что лично сам он не слишком беспокоился об этом браке. Он говорил самому себе, что кухня ему нравилась, что весьма недурно было бы для него сделаться семьянином, что его дядя был рационален в своих желаниях и довольно щедр в своих предложениях и что поэтому ему следовало жениться. Ему и в голову не приходило, что кухня откажется от такого выгодного предложения, а тем более не мог он допустить мысли, что через этот отказ ему придется пострадать. Он, конечно, далеко не питал того чувства, которое обнаруживают влюбленные, высказывая, что они для любви своей готовы пожертвовать всем, что для них дорого в жизни. В то время, когда он, сидя подле Белл на мягкой траве подле живой изгороди, рассказывал ей повесть своей томной любви, ему казалось, что он вовсе ничего не приносил в жертву этой любви. Он вовсе не предвидел, что ему придется испытывать разочарование, досаду и горечь. Он полагал, что принятие его предложения доставит ему маленькое торжество, но никак не думал получить отказ и вместе с тем испытать унижение. В этом настроении духа он приступил к исполнению своего плана и теперь увидел, к своему крайнему изумлению, что ответ этой девочки делает его совершенно несчастным. Он только выразил желание на приобретение известного предмета, и одно такое выражение возбуждало уже в нем желание непременно обладать этим предметом. В то время когда лошади их тихой рысью шли одна подле другой, когда за словами Белл, высказанными с полной искренностью, последовало молчание с той и другой стороны, Бернард сознавал, что в нем было гораздо более этого желания, чем он предполагал. В эту минуту он чувствовал себя несчастным, разочарованным, озабоченным, неуверенным в своем будущем, чувствовал себя ребенком, которому непременно хочется иметь игрушку, которая ему понравилась. Он сердился на себя, и в то же время на душе у него было и тяжело и грустно. Бернард пристально смотрел на Белл, когда она, молчаливая, спокойная и несколько грустная, сидела на своей маленькой лошадке, и сознавал в душе, что Белл была прекрасна, что она представляла собою именно тот предмет, которым

ему хотелось бы обладать, если бы только обладание было возможно. В эту минуту Бернард чувствовал, что любил ее, и в то же время сердился на себя за такое чувство. И зачем ему подчиняться слабости, заглушающей рассудок и все другие чувства? Ведь любовь никогда не доставляла ему ни малейшего удовольствия. До настоящей поры он никогда не допускал этого чувства, но теперь принужден был допустить его, потому что оно становилось для него источником беспокойства и огорчения. Нам, впрочем, позволительно еще сомневаться в действительности любви Бернарда Деля к своей кузине. Не был ли он более влюблен в свое желание? Как бы то ни было, Бернард, против своей воли, произнес приговор над собою, что он влюблен, и сердился за это и на себя, и на целый свет.

– Белл, – сказал он, примкнув к ней на самое близкое расстояние. – Я бы желал, чтобы вы поняли, как я люблю вас.

В этих словах и в тоне голоса, которым они были высказаны, Белл действительно видела более любви, чем спекулятивных расчетов, обнаруживаемых до этой поры Бернардом.

– Но разве я не люблю вас? Разве я не предлагала быть для вас сестрой во всех отношениях?

– Это ничего не значит. Подобное предложение я считаю за насмешку надо мной. Белл, я не отстану от вас. Дело в том, что вы еще не знаете меня, не знаете, как вы бы должны были знать человека, прежде чем выберете его своим мужем. В этом отношении вы и Лили не похожи друг на друга. Вы очень осторожны, вы сомневаетесь в самих себе и, может статься, сомневаетесь в других. Я задумал это дело, я желаю и решился выполнить его и буду стараться, чтобы желание мое увенчалось успехом.

– Ах, Бернард, напрасно вы говорите это! Поверьте мне, если я говорю, что этому не бывать никогда.

– Нет, я не верю, я не хочу вам поверить. Я не позволю довести себя до отчаяния. Откровенно вам говорю, что не хочу вам верить. Я могу надеяться, надежды от меня никто не отнимет. Нет, Белл, я не оставлю вас... не оставлю до тех пор, пока не увижу вас женой другого человека.

При этих словах они въехали в ворота сквайра и отправились к конюшням, где по обыкновению слезали с лошадей.

Глава XIV

ДЖОН ИМС ПРЕДПРИНИМАЕТ ПРОГУЛКУ

Джон Имс долго смотрел на удалявшуюся кавалькаду, и лишь только затих стук лошадиных копыт, отправился в одинокую прогулку. Само собою разумеется, расположение духа его далеко было неприятное. Он был крайне озабочен, думы, одна мрачнее другой, тяготили его душу в то время, как он удалялся от дома своей матери, уж не лучше ли отправиться ему в Австралию, на остров Ванкувера, на...? Я не буду называть мест, которые бедный молодой человек представлял себе крайними пределами дальних путешествий, которые, по всей вероятности, ему суждено было сделать. В тот самый день, перед самым приездом Делей, он получил от нежно любящей Амелии второе письмо, написанное вслед за первым. Почему он не прислал ей ответа? Здоров ли он? Не изменил ли ей? Нет, последнего предположения она не хотела допустить и оставалась при втором, именно, что он захворал. Если это правда, то она бросит все и прилетит повидаться. Ничто в мире не принудит ее оставаться вдали от постели своего нареченного. Если она не получит с первой же почтой ответа от своего неопределенного Джона, то немедленно, на экстренном поезде, отправится в Гествик. Таково было положение такого молодого человека, как Джон Имс! Что касается до Амелии Ропер, то можно сказать, что она принадлежала к числу тех молодых женщин, которые до последней возможности преследуют свою добычу. «Нет, мне надобно куда-нибудь уехать», – говорил про себя Джон Имс, проходя, с нахлобученной на глаза шляпой, по одной из глухих улиц Гествика.

Что скажет ему мать, когда услышит об Амелии Ропер? Что скажет, когда увидит ее?

Джонни направился к соседнему господскому дому, намереваясь уединенно побродить по лесу. От большой дороги через поле, в полумиле от домиков, мимо которых проезжали Дели, пролегла тропинка. Джон Имс вышел на эту тропинку, миновал господский дом и вскоре очутился в центре гествикских лесов. Он хорошо был знаком почти с каждым деревом, потому что с той поры, как ему было позволено одному делать прогулки, он часто бродил по этому лесу. Здесь, под тенью столетних дубов, он по целым часам мечтал о Лили, в те дни он мечтал о ней с наслаждением. Теперь же он мог только вспоминать о ней как о милом создании, которое покинуло его навсегда, и вместе с тем думать о той, которая, по его выбору, заступила место Лили.

Молодые люди, очень молодые люди, люди столь молодые, что представляется вопрос: достигли ли они или еще нет зрелого возраста? – всегда более расположены к задумчивости и мечтательности, когда бывают одни, нежели в присутствии других, хотя бы эти другие были их старшие. Мне кажется, что вместе с годами мы забываем, что это действительно так было с нами, и, забывая, не верим, что так бывает с нашими детьми. Мы постоянно говорим, что юность безрассудна. Не знаю, не будет ли вернее, если мы заменим это выражение другим и будем говорить, что юность рассудительна, благоразумна. Конечно, нет никакого сомнения, что размышления не сразу же производят благоразумие. Благоразумие, которое мы имеем в зрелые лета, не происходит ли скорее от прекращения склонности поддаваться искушениям, или оно составляет результаты мысли и размышлений – это еще вопрос. Мужчины, вполне оперенные и имеющие какой-нибудь труд, бывают большею частью слишком заняты, чтобы предаваться думам, но молодые люди, на которых общественные дела не налегали еще всею своею тяжестью, имеют достаточно времени, чтобы думать, мечтать.

Таким образом и Джон Имс был рассудителен и благоразумен. Знавшие его коротко считали его за веселого, доброго, немного беспечного молодого человека, доступного искушениям, но еще более доступного хорошим впечатлениям; нельзя было предсказать ему больших успехов на пути жизни, но близкие его вполне могли надеяться, что он не наделает для них

хлопот, а тем менее не опозорит своего имени. Несмотря на то, его нередко называли безрассудным, и, называя таким образом, конечно, поступали в отношении к нему несправедливо. Он любил размышлять, размышлял о свете, как он ему казался, размышлял о себе, как он сам казался свету, размышлял также о предметах за пределами света. Какова-то будет судьба его в настоящее время и впоследствии? Он навсегда лишился Лили Дель, а Амелия Ропер, как жернов, висела у него на шее. При таких обстоятельствах какая впереди ожидала его участь?

С своей стороны, мы можем сказать, что трудности на его пути не были еще очень велики. Что касается до Лили, ему не оставалось ни малейшей надежды, да и то сказать, его любовь к Лили была, может статься, не настоящая страсть, а просто одна сентиментальность. Большая часть молодых людей испытывали и испытывают подобное разочарование, они способны переносить его без малейшего вреда своей карьере или счастью. В последующей жизни воспоминание о такой любви должно служить для них скорее блаженством, нежели чувством томительной горести, испытывавшему это разочарование представляется возможность к сознанию, что в те ранние дни в душе его было чувство, стыдиться которого он не имел ни малейшего повода. Относительно Лили Дель я нисколько не сожалею бедного Джона Имса. Обращаясь затем к Амелии Ропер, если бы Джонни имел хотя одну десятую долю опытности этой барышни или на четверть обладал ее наглостью, то, разумеется, он не знал бы ни малейшего затруднения! Что могла бы сделать ему Амелия, если бы он напрямик сказал ей, что жениться на ней не намерен? Если строго судить, так он вовсе не обещал на ней жениться. В отношении к ней он решительно ничем не был связан, даже по долгу чести. По долгу чести... к такой женщине, как Амелия Ропер! Впрочем, мужчины всегда бывают трусами перед женщинами, пока не сделаются тиранами, бывают чрезвычайно скромны и покорны, пока вдруг не ознакомятся с фактом, что гораздо приятнее быть жертвоприносителем, нежели жертвой. Впрочем, есть люди, которые никогда не выучивают этого последнего урока.

Хотя причина страха была ничтожная, но бедный Джон Имс находился в величайшей боязни. Различные мелочи, имевшие связь с его глубокой горестью, мелочи, о которых даже смешно упоминать, увеличивали затруднительное положение и делали в глазах Джонни выход из этого положения совершенно невозможным. Ему нельзя было возвратиться в Лондон, не заглянув в Буртон-Кресцент, потому собственно, что там было его платье и потому еще, что он должен был мистрис Ропер небольшую сумму денег, которой у него не оказалось бы в кармане немедленно по возвращении в Лондон. Поэтому он должен встретиться с Амелией, он знал, что у него неостанет настолько смелости, чтобы сказать ей прямо в лицо, что он вовсе не любит ее, хотя в одно время и вынужден был признаться в своей любви. Самое смелое его намерение состояло не более как только в том, чтоб написать письмо, в котором хотел решительно отказаться от нее, и навсегда удалиться из той части города, в которой находился Буртон-Кресцент. Но как поступить ему с платьем, с долгом? Ну что, если Амелия, не дождавшись письма, приедет в Гествик и заявит свои права? В состоянии ли он будет в присутствии матери объяснить, что Амелия не имела ни какого права на подобное заявление? Затруднения действительно совершенно ничтожные, но они были слишком тяжелы для бедного молодого клерка из управления сбора государственных доходов.

Читатели, пожалуй, заметят, что Джонни был чистый глупец и трус. В оправдание Джонни мы скажем, что он умел читать и понимать Шекспира. Он знал наизусть много, даже очень много стихотворений Байрона. Он был глубокий критик и писал в своем чересчур растянутом дневнике критические статьи. Он писал бегло и со смыслом, вообще, я должен сказать, что сослуживцы Джонни далеко не признавали его за бездарного человека. Он знал свое дело и исполнял его едва ли не лучше тех многих людей, которые в глазах модного света представлялись более способными и образованными. Что касается до трусости, то надобно сказать, что Джонни счел бы за величайшее блаженство в мире запереться в комнате с Кросби, получив позволение биться с ним до тех пор, пока один из них увидит себя вынужденным отказаться от

своих притязаний на Лили Дель. Нет, Джонни Имс не был трус. Он никого не боялся в целом мире – страшно боялся только Амелии Ропер.

В грустном настроении духа бродил Джон Имс по заповедным лесам, окружавшим поместье лорда Дегеста. Почта отходила из Гествика в семь часов, и ему нужно было непременно решить, писать или не писать в тот день к Амелии Ропер. Нужно было также придумать, что написать. Он сознавал необходимость по крайней мере хоть что-нибудь ответить на письма. Не обещать ли жениться на ней лет через десять, через двенадцать? Не сказать ли ей, что он негодный человек, неспособный для любви, и со всею покорностью, даже с унижением умолять ее, чтобы она его извинила? Наконец, не написать ли к ее матери, сказав ей, что в Буртон-Кресценте жить ему больше нельзя, обещать ей уплатить долг при окончательном расчете и в заключение просить о доставлении его платья в управление сбора доходов? Или же не отправиться ли ему домой и смело рассказать все своей матери?

Как бы то ни было, Джонни решил писать, составляя в уме своем проект письма, он сел под старое дерево, стоявшее на том месте, где встречалось и пересекалось несколько лесных тропинок. Составленное здесь письмо было бы очень не дурно, если бы только он сейчас же написал его и отнес на почту. Каждое слово этого письма отличалось точностью, каждое выражение было ясно, определительно и вполне оправдывало его намерение. Он признавал себя виновным в том, что ввел в заблуждение свою корреспондентку и дал ей повод воображать, что она владеет его сердцем. Он не мог отдать своего сердца в ее распоряжение. Он был довольно легкомыслен, не написав ей на первое письмо, его удерживала боязнь огорчить ее, но теперь он считает себя обязанным по долгу совести и чести объявить ей истину. Объяснив все это, он прибавил, что не намерен возвращаться в Буртон-Кресцент, зная, что его присутствие там будет для него тяжело. Он всегда будет питать к ней глубокое уважение (о Джонни!), будет надеяться, что жизнь ее будет сопровождаться благополучием и счастьем. Таково было содержание письма, написанного под деревом в уме Джонни, но перевести это письмо на бумагу было делом, как знал и сам Джонни, величайшей трудности. Он повторил его, и заснул.

– Молодой человек! – раздалось в ушах его во время сна.

Сначала Джонни подумал, что голос этот ему приснился, но когда слова «молодой человек» были повторены, Джонни проснулся, приподнялся и увидел перед собой здорового джентльмена. С минуту он не знал, где находился, не мог понять, каким образом попал сюда, глядя на деревья, не мог припомнить, долго ли он пробыл в лесу. Он узнал джентльмена, хотя и не видел его более двух лет.

– Молодой человек, если вы хотите получить ревматизм, то вы выбрали самый лучший способ. Гм! Да это кажется молодой Имс, не правда ли?

– Да, милорд, – отвечал Джонни, глядя на румяное лицо графа.

– Я знал вашего отца, хороший был человек, только ему бы не следовало заниматься фермерством. Иные думают, что можно заниматься сельским хозяйством, не изучив этой науки, и, право, шибко ошибаются. Я могу держать ферму, потому что изучил сельское хозяйство. Как вы думаете, не лучше ли вам встать?

Джонни встал на ноги.

– Впрочем, если хотите, то можете лежать, сколько угодно, только в октябре, вы знаете...

– Извините, милорд, что я без позволения расположился на вашей земле, – сказал Имс. – Я шел по тропинке и...

– Ничего, сколько вам угодно. Если вы пойдете со мной в дом, то я дам вам что-нибудь закусить.

Джонни отклонил от себя это гостеприимное предложение, сказав, что уже поздно и что он должен воротиться домой к обеду.

– Пойдемте же вместе, – сказал граф. – Вы не найдете короче дороги, как мимо моего дома. Боже мой, боже мой! как хорошо я помню вашего отца. Он был умнее меня, несрав-

ненно умнее, но только ничего не смыслил в фермерстве, другой ребенок лучше его сумел бы отправить на рынок какую-нибудь домашнюю скотину. Кстати, говорят, вас определили в общественную службу, правда ли это?

– Правда, милорд.

– Весьма хорошее дело, прекрасное дело. Но зачем же вы спали в лесу? Ведь вы знаете, теперь не тепло, напротив, я нахожу, даже холодно.

И граф пристально посмотрел на Джонни, как бы решившись проникнуть в глубину его тайны.

– Я пошел прогуляться, кое о чем думал, присел под дерево и заснул.

– Вероятно, вы в отпуску?

– Так точно, милорд.

– Не случилось ли у вас чего-нибудь дурного? Вы кажетесь таким озабоченным. Ваш бедный отец часто бывал в затруднительном положении.

– Ведь я не занимаюсь фермерством, – отвечал Джонни, делая попытку улыбнуться.

– Ха-ха-ха!.. Правда, совершенная правда. И пожалуйста, никогда не занимайтесь, пока не научитесь, это все равно, не научась, приняться башмаки тачать, решительно все равно. Так у вас нет ничего дурного, а?

– Нет, милорд, по крайней мере, нет ничего особенного в этом роде.

– Ничего особенного! Я знаю очень хорошо, что молодые люди, живя в Лондоне, часто наживают себе хлопоты. Если вам понадобится что-нибудь... совет или что-нибудь в этом роде, приходите ко мне во всякое время, я очень хорошо знал вашего отца. А что, любите вы стрелять?

– Не стрелял в жизнь свою.

– И прекрасно делаете. Сказать вам правду, я не очень-то жалею молодых людей, которые берутся за ружье, когда нечего стрелять. Да вот что, хорошо что вспомнил, я пришлю вашей матери немного дичи. (Здесь кстати сказать, что мистрис Имс довольно часто получала дичь из гествикского господского дома). – Холодный фазан за завтраком – вещь отличная. Фазан за обедом – дрянь, настоящая дрянь. Вот мы и у дома. Не хотите ли зайти и выпить рюмку вина?

Джонни отказался и от этого предложения, что понравилось графу более, чем если бы Джонни принял его. Не потому, что лорд был негостеприимен или неискренен в своем предложении, но потому, что ему не хотелось, чтобы такой господин, как Джон Имс, слишком скоро воспользовался предлагаемым знакомством. Он чувствовал, что Имс оказывал ему особе некоторый страх и полную почтительность, и вследствие этого он нравился ему еще более. Да, Джон Имс еще более понравился за это, а надо сказать, что граф Дегест был такой человек, который никогда не забывал, что ему нравилось.

– Если не хотите зайти, то до свидания, – сказал он, протянув Имсу руку.

– Добрый вечер, милорд, – сказал Джонни.

– Помните же, что получить ревматизм – чертовски неприятная вещь. Будь на вашем месте, я бы ни за что не лег спать под деревом, тем более теперь, в октябре. Впрочем, вы во всякое время можете гулять в моем поместье, где вам угодно.

– Благодарю вас, милорд.

– А если вздумаете охотиться, но, я знаю, вы не вздумаете, если попадете в затруднительное положение и вам понадобится мой совет или что-нибудь в этом роде, напишите мне. Я очень хорошо знал вашего отца.

И они расстались, Имс пошел по дороге в Гествик.

По какой-то причине, которой Джонни не мог объяснить, он после свидания с графом чувствовал себя гораздо лучше. В этом тучном, добродушном, чувствительном человеке было что-то особенное, которое не только рассеяло в нем печаль, но даже располагало к веселости.

– Фазан за обедом – дрянь, настоящая дрянь, – повторял он про себя по дороге в Гествик.

Это были первые слова, которые он произнес перед матерью по возвращении домой.

– Я бы желала почаще иметь такую дрянь, – сказала мистрис Имс.

– И вы получите ее не позже завтрашнего дня.

И Джонни со всею подробностью рассказал свою встречу с милордом.

– Что же, граф, во всяком случае, говорил совершенную правду, что теперь вредно ложиться на землю; удивляюсь, как ты безрассуден. Он говорил тоже совершенную правду насчет твоего бедного отца. Однако, поди перемени сапоги, а мы между тем приготовимся к обеду.

К величайшей досаде матери, Джонни Имс, прежде чем сесть за обед, написал письмо к Амелии и сам отнес его на почту. Письмо это, однако же, не заключало в себе тех положительных и сильных выражений, которые сами собою слагались в уме его во время прогулки по лесам лорда Дегеста. Это была простая записка, в которой проглядывала трусость.

«Милая Амелия (так начиналось письмо). Я получил оба ваши письма, и не отвечал на первое из них потому, что чувствовал некоторое затруднение выразить вам то, что было на моей душе. Теперь же я нахожу за лучшее преодолеть это затруднение до возвращения в Лондон. Я буду там дней через десять. Все это время я был совершенно здоров, здоров и теперь, и очень благодарен вам за ваши осведомления. Я знаю, что письмо это покажется вам холодным, но когда расскажу вам все, то вы согласитесь со мной, что лучше этого не может быть ничего. Если мы вступим в брак, то будем несчастны, потому что не имеем никаких средств к жизни. Если я сказал вам что-нибудь с целью обмануть вас, то от всей души прошу у вас прощения, впрочем, может статься, будет лучше оставить этот предмет до нашей встречи в Лондоне.

Остаюсь ваш искреннейший друг и, могу сказать, обожатель (о, Джонни, Джонни!) Джон Имс».

Глава XV ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Последние дни бывают самыми несносными днями, а последние минуты еще несноснее. Эти дни и эти минуты не потому бывают несносны, что с окончанием их должна начаться разлука, но потому, что они сопровождаются чувством тягостного ожидания чего-то особенного, всегда ими доставляемого. Судорожные периоды удовольствия, любви и даже занятия редко оканчиваются неудачей или разочарованием, если только бывают задуманы заранее. Когда наступают последние дни, то надо позволить им прийти и уйти, не обращая на них особенного внимания, даже не вспоминая о них. Что же касается до последних минут, то таких минут не должно существовать. Пусть они кончатся даже прежде, чем будет признано их присутствие.

Лили Дель не выучила этих уроков жизненного опыта, она все думала и ожидала, что сладкая чаша, из которой она пила, будет становиться все слаще и слаще, пока она будет подносить ее к своим губам. Каким образом осадок в этой чаше смешался с последними каплями, мы уже видели, и в тот же самый день, в понедельник вечером, в чаше все еще оставалась горечь, потому что Кросби во время вечерней прогулки в саду нашел другие предметы, по которым считал необходимым дать Лили несколько назидательных замечаний – замечаний, отзвывавшихся настоящей лекцией. Девушке, действительно влюбленной, как это, конечно, было с Лили Дель, приятно слушать замечания и советы относительно будущей ее жизни от человека, которому она предана всею душою, но, мне кажется, ей приятно слушать, когда они будут коротки, когда советы в них будут выражены в виде намеков, а не длинных лекций. Кросби, как человек с тактом, как человек, близко знакомый со светом и уже много лет обращавшийся в кругу женщин, без всякого сомнения, понимал это не хуже нашего. Но ему почему-то вздумалось задаться идеей, что он обижен, что он отдавал очень много, не получая ничего взамен, и что поэтому имел право позволять себе вольности, которых другой на его месте не позволил бы себе ни под каким видом. Читатель, вероятно, скажет, что все это с его стороны весьма неблагородно. Да, действительно, весьма неблагородно. Не знаю впрочем, говорил ли я, что от него можно ожидать благородства. Он имел несколько понятий о правде и несправедливости, руководствуясь которыми надеялся не сбиться совсем с прямого пути, но его прошедшая жизнь была такого рода, что ему трудно было бы не сделаться эгоистом. Он не имел благородства, а тем более великодушия, Лили чувствовала это, хотя не признавалась в этом даже самой себе. Она была весьма откровенна с ним, выражая в такой откровенности всю глубину своей любви к нему, уверяя его, что он для нее был теперь все на свете, что жизнь ее без его любви была бы невозможна. Кросби некоторым образом воспользовался этими искренними признаниями и начал обходиться с ней как с существом, вполне находившимся в его власти, как это и было на самом деле.

В тот вечер он не вспоминал больше о Джонни Имсе, но много говорил о неизбежных трудностях для человека, который намерен сделаться семьянином и жить в Лондоне, которого все средства к жизни ограничиваются одним только его скудным жалованьем. В нескольких словах он дал ей понять, что, если бы ее родственники могли уделить для нее две или три тысячи фунтов стерлингов, сумма гораздо меньше той, на которую он рассчитывал, делая предложение, эти тяжелые трудности были бы устранены, при этом, конечно, он намекнул ей, что свет назвал бы его весьма неблагоразумным в случае его женитьбы на девушке, ничего не имевшей. В то время, когда он высказывал эти вещи, причем Лили соблюдала молчание, ему пришла мысль, что можно поговорить с ней откровенно о своей прошедшей жизни, гораздо откровеннее, чем в то время, когда он боялся, что чрез такую откровенность мог бы полу-

чить отказ. Теперь он не боялся этого. Увы! возможно ли, скажите, допустить, что у него была подобная надежда!

Кросби рассказал, что его прошедшая жизнь была расточительна, что хотя он не имел долгов, но проживал все, что получал, и усвоил такие привычки, сопряженные с большими издержками, что почти не представлялось возможности оставить их в короткое время. Потом он говорил о своих затруднительных обстоятельствах, намереваясь как можно полнее объяснить их свойство, но не решился на это, когда увидел, что все объяснения его для Лили будут совершенно непонятны. Нет, Кросби был неблагородный человек, весьма неблагородный. А между тем в течение всего этого времени он воображал, что действует благородно, руководствуясь своими правилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.